

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**ОКТЯБРЬ
2005**

ЭЛУЛ 5765

№ 10 (162)

МЕРА ЗА МЕРУ

Рассказывают о раввине Леви-Ицхоке из Бердичева, великом заступнике за еврейский народ, что однажды в Йом Кипур, по пути в синагогу, он увидел на улице еврея, который шел и с аппетитом что-то ел. «Ты, часом, не заболел?» – обеспокоенно спросил раввин. «Слава Б-гу, здоров», – отвечает еврей. «Так, значит, ты забыл, что сегодня Йом Кипур?» – догадался раввин. «Да что вы, ребе, прекрасно помню», – говорит еврей. «Но неужели ты не знаешь, что в Йом Кипур положено поститься?!» – «Ну, как же, ребе, это и ребенок знает», – потупив глаза, отвечает обжора. Раввин Леви-Ицхок возвел очи горе и воскликнул: «Б-же, посмотри на Своих детей – даже в этом случае человек не соврал, а честно признался!»

Хорошо известно, что каждый человек легко находит оправдания собственным делам, но не всегда в такой же мере склонен видеть хорошее в других людях. «Любовь покроеет любое прегрешение», – говорится в Торе: каждый из нас, естественно, любит себя и готов объяснить те или иные свои поступки, вызывающие осуждение окружающих, благими побуждениями. Часто приходится слышать от людей: «Ну как можно меня обвинять в жадности? Я не жадный, а экономный». Или: «Зря вы называете меня упрямым, просто я не могу поступиться принципами».

Вот если бы мы так же могли судить о других людях! Но – увы! – к окружающим мы сплошь и рядом куда менее снисходительны, чем к себе. Там, где «я» бережливый – другой непременно «жадина»; где «я» принципиальный – другой «упертый» и так далее.

А между тем Тора учит нас как раз обратному. «Не суди ближнего, пока не окажешься на его месте», – говорится в святых книгах, и в этом есть глубокая мудрость. Ты не знаешь, почему другой человек совершил тот или иной поступок. Допустим, поступок не слишком благовидный – но ведь вполне возможно, что у него не было другого выхода. Или он спасал другого человека... Да мало ли какие бывают причины! А когда мы смотрим на себя и находим оправдания собственным делам – всегда ли мы честны перед самими собой? Или подчас наши оправдания просто предлог, чтобы заглушить голос совести?

Есть поучительный комментарий основателя хасидизма Баал-Шем-Това, разъясняющий фразу из талмудического трактата «Пиркей Овойс»: «Перед кем себе суждено держать суд и отчет?» Почему сначала речь идет о «суде» и только потом об «отчете»? Ведь логично, если сначала человек рассказывает о своих делах, и только на основании этого рассказа Б-г его судит! Но вот как объясняет это Баал-Шем-Тов: когда по окончании жизни человек предстанет пред лицом Б-га, свершится суд. А как он произойдет? Человеку покажут сцены разных преступлений и прегрешений, а потом спросят: как судить содеявшего это? Человек скажет в соответствии со своим характером и темпераментом: так-то и так-то. И тут ему сообщат: всё, что мы тебе показали, ты сам сделал при жизни. Вот тебе отчет – а суд ты уже произнес!

Это урок всем нам, как жить сейчас, до того, как каждому из нас придется «держать суд и отчет». Не стоит торопиться высказывать мнение о других – сперва стоит подумать, не делал ли ты сам чего-либо подобного. И уж тем более не стоит осуждать другого человека, не вникнув глубоко в его ситуацию, – таким образом мы судим и осуждаем прежде всего самих себя! Много ли будет радости в нашей жизни, если постоянно видеть плохое в словах и поступках окружающих?

Хасидская притча рассказывает о бедняке, который пришел к раввину и жалуется: он, дескать, соблюдает все заповеди, ведет праведную жизнь, а Б-г ему так мало радостей в жизни дает! «Ты задал сложный вопрос, – говорит раввин, – лучше будет, если на него отвечу не я, а знаменитый праведник, который живет в соседнем городке». Приходит бедняк к тому праведнику, глядит – а у того дома вообще шаром покати! «Как же так?! – возмущается он. – Ты такой знаменитый праведник и так страдаешь?!» А тот улыбнулся кротко и говорит: «Во-первых, не такой уж я и праведник, а во-вторых, кто тебе сказал, что я страдаю?»

Эта притча дает нам сразу два важных урока. Во-первых, не стоит себя записывать в праведники, пусть о твоей праведности судит Создатель. А во-вторых – жизнь хороша или плоха не сама по себе, а в зависимости от того, как мы на нее смотрим. Праведник из притчи не страдал, несмотря на бедность, потому что всегда помнил, что Б-г дал ему гораздо более важные дары – здоровье, любящую жену, умных детей... в конце концов, саму жизнь! Это наш выбор – жить с радостью или «ныть с воодушевлением»...

Точно так же наш выбор – как смотреть на других людей. Можно искать в них добро, даже если они несовершенно. А можно осуждать и ругать. Современная психология говорит, что воспитание должно основываться на том, чтобы поощрять и развивать хорошие качества, которые есть у ребенка, не кричать, не осуждать, не давить и вообще ни в коем случае не делать упор на плохое. Но то, что наука открыла только сейчас, Тора провозгласила тысячи лет назад. Вспомните, как Б-г думал истребить еврейский народ за грехи, а Моше молился и уговорил-таки Всевышнего отменить приговор. А еще раньше, когда Б-г решил уничтожить погрязшие во грехе Содом и Гоморру, Авраам просил его пощадить эти города, если найдется в них хотя бы несколько праведников.

Сегодня, когда в мире часто происходят природные или техногенные катастрофы, многие заявляют, что это, дескать, нас Б-г наказывает. Но, во-первых, мы не знаем и никогда не узнаем, как судит Б-г, потому что только Он может знать и учитывать все обстоятельства. А во-вторых – нельзя объяснять действия Б-га нашей мерой. Создатель никогда не заповедовал нам искать объяснения Своим действиям – зато у нас есть заповедь молиться, чтобы Он явил нам доброту Его.

В этом и заключался жизненный принцип раввина Леви-Иццока из Бердичева – везде и всюду искать добро. В подтверждение этому можно привести еще одну историю. Однажды Леви-Иццок проходил с учениками по улице и увидел в окне какого-то домика еврея, который молился и одновременно чинил прохудившуюся одежду. Ученики возмутились: дескать, какое неуважение к Б-гу! «Как раз наоборот, – воскликнул раввин, – даже занимаясь необходимой починкой, этот человек не забывает о Б-ге! Вот пример для подражания».

Как мы судим других – такой мерой в свое время Б-г будет судить нас. Если мы возьмем пример с раввина Леви-Иццока – уверен, что и в этом мире наша жизнь будет гораздо светлее, и в мире грядущем нас ожидает счастливая доля.

Āēāāī ūē dāāāēī Dīīīē Āāāē Ēāāāō

«ADAI AI I UA» I ANI IOAA ONOAEV

Мы сталкиваемся и с другой проблемой. Мишна, предшествующая спору, звучит следующим образом: «Сказал рабби Акива: “Славен будь, Израиль! Перед Кем ты очищен и Кто очищает тебя? Отец твой на Небесах, как сказано в Писании – „И окроплю вас водою чистою“. И сказано также: „Г-сподь есть микве еврейского народа“. Как микве очищает нечистого, так Б-г очищает еврейский народ”».

Обратим внимание: в заключении трактата приведены те же стихи пророков, что и в Мишне, но в иной последовательности. Причиной такой перестановки могла быть только их связь со спором о порядке покаяния – следует ли исчислять грехи подробно или достаточно общего упоминания.

Чтобы понять суть проблемы, надо вспомнить основания, от которых отталкиваются участники спора. Представление о том, что грехи следует упоминать подробно, восходит к мольбе Моше, вознесенной им Б-гу после того, как народ, выведенный из Египта, впал в идолопоклонство. Моше говорит: «Совершил этот народ страшный грех, и сделали они себе золотого идола; и потому простишь ли их?» (Шмойс, 32:31,32). Рабби Акива, настаивая на «упоминании грехов вообще», основывает свое суждение на стихе псалма: «Счастлив <тот>, чье преступление прощено, чей грех закрыт <прощен>» (Теилим, 32:1). В комментарии «Гойсфойс» (Гитин, 35б) говорится, со ссылкой на Иерусалимский Талмуд (Недорим, 5:4), что грехи следует исчислять все, как они были, потому что «в этом есть стыд... и будет он <кающийся> стыдиться греха своего».

Как видно, спор о том, что первично – позор или страх быть заподозренным в прегрешении бо́льшем, чем совершенное в реальности, по видимости, связан с целым кругом иных представлений. Обратим внимание: во временном плане позор связан с актуальным моментом покаяния – опытом переживания той боли, которая поднимается в душе при «объявлении» своего греха. То есть сожаление о прошлом и принятие своего будущего становятся глубже и искреннее.

Рабби Акива озабочен тем, как избежать позорного пятна, вызванного подозрением окружающих, будто объявляющий свой грех совершил нечто худшее, чем то было в действительности. Это опасение за подорванную репутацию, за то, что в ближних пробуждается недоверие друг к другу. Более того, это подозрение может привести людей, лишенных духовной интуиции, к насмешкам над грешником, к тому, что ему раз за разом будут говорить: «А как же твои прошлые грехи?!»

Поэтому в данном случае спор о «порядке покаяния» становится спором об отношении ко времени: должны ли мы акцентировать момент «здесь и сейчас», отдавая приоритет ему, а не будущим последствиям, или же плоды нынешнего момента, которые появятся в будущем, – важнее, и мысль о них должна дозвучать над нашим отношением к настоящей ситуации? Подход, настаивающий на подробном исчислении грехов, отдает приоритет глубине переживания раскаяния здесь и сейчас, оставляя без внимания будущие последствия этого опыта. А рабби Акива думает прежде всего о будущем. Его отношение к настоящему, к «здесь и сейчас», определяется тем, какое развитие получит всё это «потом», как повлияет на будущее.

Вроде бы можно предположить, что рабби Акива имеет в виду лишь ту ситуацию, когда общее исчисление грехов, ввиду, происходит прилюдно и произносится громко вслух. Но тогда в ситуации, когда согрешивший не находится среди других людей и говорит тихо, он мог бы исчислить все грехи? Однако из формулы, на которой настаивает рабби Акива, следует, что характер покаяния не зависит от ситуации, грехи упоминаются «в целом» даже тогда, когда его не слышат окружающие. Следует глубже задуматься о том, что стоит за подходом рабби Акивы, в основе которого представление, что будущие последствия важнее эффекта «здесь и сейчас».

נֹבְאֹוֹ עֵי פְּאִי אִי

Существует несколько уровней покаяния, которые в общем виде можно отнести к одной из двух категорий: с одной стороны, определяемые Талмудом как покаяния, в основе которых лежит страх, с другой стороны, покаяния, в основе которых любовь (Йома, 8). Необходимость общего объявления грехов или их подробного исчисления оказывается связана с двумя этими категориями.

Когда в основе покаяния страх, это подталкивает к детальному исчислению грехов ради того, чтобы избежать наказания от Неба. Чем больше грех, тем сильнее воздаяние, а значит, человек будет стремиться отдельно упомянуть каждое из прегрешений, чтобы пробудить в себе максимальное осознание прошлых ошибок и соответствующую степень раскаяния.

Но когда в основе покаяния лежит любовь, кающийся сосредоточен не на страхе воздаяния, а на своей любви к Б-гу и на тех узах, которые соединяют человека и Творца. Суть любви – близость и единство. И для любящего Б-га всякий грех равно отдаляет от Творца, а значит, все грехи – равно тяжки и жестоки, ибо образуют пропасть между Б-гом и человеком. Потому нет необходимости упоминать каждый грех отдельно, дифференцировать их. Глубина раскаяния в данном случае опирается на любовь, для которой все грехи, и малые, и великие, равно велики. Кающийся отвергает прегрешения, совершенные в прошлом, все сразу, и раскаяние его глубоко и искренне. Не понимая этого, мы не сможем до конца понять спор между рабби Акивой и рабби Йеудой бен Бетейрой.

עֲנֹוֹי עֹוֹאִי אֲוֹוֹ נֹוֹוֹי אִי וְעֹוֹ

Слово «тшува», обычно переводимое как «раскаяние», означает «возвращение». Сущность тшувы, даже для человека, находящегося на низком духовном уровне, – в том, что он может всецело вернуться к Б-гу. Тшува подобна лестнице с двух ступеньках. Нижняя ступенька – раскаяние, в основе которого страх воздаяния. Однако, сделав этот шаг, человек получает возможность восхождения на следующий уровень, к раскаянию, в основе которого – любовь, а через нее – духовное единение с Б-гом.

Если мы усвоим подобное понимание, то увидим, то для рабби Акивы сама сущность тшувы состоит в том, что в покаянии содержится толчок для перехода от страха к любви. Он смотрит из перспективы будущего, и в каждом видит потенциал устремления к тшуве, в основе которой – любовь, пусть даже в настоящий момент согрешивший находится на низком духовном уровне и погряз во грехе, а в основе его раскаяния лежит страх. Сделав первый шаг, определяющийся страхом, человек взойдет и на следующую ступеньку, когда для кающегося равны все грехи, независимо от их формальной тяжести: каждый из них препятствует единению с Б-гом, а потому достаточно общего упоминания грехов в виде, нет нужды в их подробном перечислении.

Как правило, в спорах мудрецов предпочтение отдается точке зрения рабби Акивы. Однако Рамбам в своем алохическом труде Мишне Тора пишет: «человеку следует исчислять свои прегрешения» – и эта формула очевидно противоречит тому, чему учил рабби Акива. Комментаторы ставят вопрос: почему, если закон на стороне рабби Акивы, Рамбам цитирует противоположную точку зрения?

В комментарии «Кесеф Мишне» мнение Рамбама возводится к Вавилонскому Талмуду (Йома, 86б), в котором обсуждаются два стиха, рассматриваемые как взаимодополняющие. Первый стих из псалма: «Счастлив <тот>, чье преступление прощено, чей грех закрыт <прощен>» (Теилим, 32:1). Второй – из книги Мишлей: «Скрывающий свои преступления не будет иметь удачи» (28:13). Рабби Йеуда, известный как Рав, разрешает эту проблему, указывая, что в этих стихах говорится о двух видах греха. Если грех известен другим людям, человеку следует публично объявить о своем раскаянии. Если же грех известен лишь кающемуся, то его объявление перед народом равносильно демонстрации недостаточного почтения к ближним и неподчинения Б-гу.

Таким образом, Вавилонский Талмуд в этом вопросе отчасти солидаризируется с позицией рабби Йеуды бен Бетейры, настаивающего на перечислении грехов. Однако, согласно рабби Акиве, даже те грехи, которые хорошо известны окружающим, не должны объявляться отдельно. Вот почему Рамбам говорит: правильное произнесение видуя подразумевает исчисление каждого греха, что, по-видимому, отчасти совпадает с точкой зрения рабби Йеуды бен Бетейры.

Научение, восходящее к рабби Раву, не представлено в Иерусалимском Талмуде: здесь в спорах мудрых предпочтение отдается мнению рабби Акивы. С другой стороны, Рамбам судит, опираясь на иное

мнение, так как Алоха следует Вавилонскому Талмуду, если тот в чем-то расходится с Иерусалимским Талмудом.

ÄÄÄ ÖÄËÏ ÖÄÄ

Следует отметить, что Вавилонский и Иерусалимский Талмуды отличаются и своим подходом, и «оптикой взгляда»: в Вавилонском Талмуде первостепенное значение придается заботам настоящего момента, тогда как в Иерусалимском Талмуде последствия оцениваются как нечто более важное, чем эффект «здесь и сейчас».

Хорошо известно различие стилей Вавилонского и Иерусалимского Талмудов. Сложные и глубокие дискуссии в Вавилонском Талмуде даны так, как если бы свидетельствующий о них пребывал «во тьме» – конечные выводы явлены лишь после долгого анализа. Иерусалимский Талмуд, напротив, часто сравнивают с состоянием человека «при свете дня»: дискуссии в нем даны сжато, а выводы следуют весьма быстро. Вавилонский Талмуд сосредоточен на настоящем моменте, ибо настоящее «скрывает будущее во тьме». В Иерусалимском же Талмуде свет сегодняшнего дня озаряет облик грядущего, позволяя увидеть его – и в этом причина того, что будущему в Иерусалимском Талмуде придается большее значение, чем сегодняшнему дню.

В том, что касается проблемы покаяния, Вавилонский Талмуд выводит закон, склоняясь к мнению рабби Иеуды бен Бетейры. Иерусалимский Талмуд, с его «перспективой в будущее», отдает предпочтение рабби Акиве.

«È Î ÈDÎ Î ÈP ÄÄÄ ÄÄÄ ÄÄÄ x ÈNÒÏ P...»

Все эти рассуждения позволят нам лучше понять заключение, которое содержится в финале интересующего нас трактата в Иерусалимском Талмуде, понять связь этого заключения с манерой исчисления грехов в виде. В объяснении выражения «Микве Исроэл», восходящего к мидрашам, Б-г упоминается как очистительная миква – бассейн с водой, где происходит омовение от ритуальной нечистоты. И далее текст трактата продолжается словами Б-га о том, что народ Израиля будет очищен, ибо «окроплю вас водою чистою» (Иехезкел, 26:25).

Согласно ряду комментариев, речь идет о двух способах очищения: слова Творца «и окроплю вас водою чистою» выражают Его цель, к которой направлена цепь событий, призванная привести Израиль к покаянию, тогда как «Микве Исроэл» относится к попытке покаяния со стороны самого еврея. И действительно, подобно тому, как используется миква, еврей, по собственной инициативе, должен приложить усилия, чтобы «погрузиться в воду» раскаяния.

Здесь содержится объяснение Мишны, начинающейся стихом: «И окроплю вас водою чистою...» – а затем утверждающей, что Б-г есть «Микве Исроэл»: такова действительная последовательность покаяния.

Прежде чем происходит возвращение через тшуву, еврей отделен от Б-га; барьер между ними – сотворенное человеком зло, о чем у пророка сказано: «Ибо лишь грехи ваши произвели разделение между вами и Б-гом вашим» (Ишаяу, 59:2). В этой ситуации человеку чрезвычайно тяжело собственными усилиями начать процесс возвращения к Б-гу. Г-сподь должен помочь человеку свыше, чтобы процесс возвращения в покаянии мог начаться. И это подразумевается стихом «окроплю вас водою чистою...»: Б-г кропит водою, ниспосылая свыше мысль о покаянии. Однако стоящее за этим намерение состоит не в том, чтобы тшува так и осталась чем-то ниспосланным человеку, а в том, чтобы она обернулась усилием со стороны самого еврея; разрешением же этих усилий станет очищение человека. Поэтому-то Мишна следом приводит стих о микве, указывая на личное усилие человека, направленное на то, чтобы погрузиться в очистительные воды.

После всего сказанного становится понятнее то место Талмуда, где два стиха даны в другом порядке: сперва говорится о «Микве Исроэл», а потом – «окроплю вас водою чистою...». Здесь «окроплю вас» следует понимать как указание на продолжение усилий человека, которые в конечном счете поднимут его на более высокий уровень тшува. В Законе окропление «водой жизни» необходимо в том случае, когда человек очищается от самой серьезной нечистоты, причина которой – различные формы контакта с усопшими.

Талмуд подразумевает, что первоначально от еврея требуются серьезнейшие усилия, направленные на то, чтобы погрузиться в очистительные воды. Затем Б-г завершает этот процесс, возводя кающегося на несравненно более высокий уровень тшувы, окропив его духовной водой очищения, сходной с «водой жизни», смывающей тяжелейшие виды ритуальной нечистоты.

Всё это тематически связано с раввинистическим диспутом, о котором рассказывается перед этой мишной. Рабби Акива говорит о том, что нет необходимости исчислять отдельные грехи. В самом поверхностном покаянии присутствует внутренняя искра глубинного уровня тшувы, основа которого – любовь к Б-гу и сильнейшее стремление вернуться к Нему.

На практике же мы поступаем в соответствии с мнением рабби Иеуды бен Бетейры, и видуй подразумевает перечисление совершенных грехов. Однако подход рабби Акивы дает нам возможность глубже проникнуть в истинные цели тшувы. Еврей всей полнотой сознания должен сосредоточиться на том, чтобы отвергнуть прошлые прегрешения, но он не должен при этом превращаться в человека, одержимого темными воспоминаниями прошлого. Это лишь нижняя ступенька лестницы тшувы. С нее он должен подняться на вторую ступеньку. Ведомый любовью, он проходит через очищение «Микве Исроэл», и Б-г окропляет его «водою чистой», так что в конце концов человек находит себя «очищенным перед Б-гом». Это относится и к каждому из нас в отдельности, и ко всем евреям вместе. Коллективная тшува, когда она исполнится, увенчается тем, что Б-г откроет нам искупление Мошиаха – и будет это вскоре, уже в наше время!

נֹוֶעֶיִן

דְּאִיִּנְוִיִּי אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ

Анализируя формулу Рамбама из «Законов лулова», касающуюся заповеди о «симхе» – проявлении радости во время храмовой службы в праздник Суккос, Ребе выстраивает собственную концепцию. Повеление «Радуйтесь перед Б-гом, Всесильным вашим» в праздник Суккос (Ваикро, 23:40) по сути своей не столько особая заповедь, сколько обобщение, относящееся ко всякому проявлению радости во время любого праздника, о чем сказано: «И радуйся в праздник твой ты» (Дворим, 16:14). Мы видим, что в другом трактате, «Сейфер а-мицвойс», Рамбам не рассматривает слова о радости, подобающей празднику Суккос, как особую заповедь, а говорит о ней как об одном из проявлений заповеди «И радуйся в праздник твой». В предлагаемом ниже анализе Ребе обращает наше внимание на список участников празднества, который приводит Рамбам.

עֲבָדֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

Рамбам пишет в связи с Симхас Бейс а-шейва, особо радостной церемонией, происходившей в пределах Храма:

«Заповедь эта призвана побудить народ премного возрадоваться, когда справляется праздник. Не всякий мог сделать это, а лишь люди ученые и избранные. Участниками церемонии были выдающиеся мудрецы, главы талмудических академий и Сангедрина, благочестивые люди, старейшины и те, чьи поступки особо праведны. В праздник Суккос из этих людей одни танцевали, другие хлопали в ладоши и пели в пределах Храма, внося ликование. Прочие же, мужчины и женщины, приходили смотреть и слушать».

Источником этого описания Рамбаму служила Мишна, в которой, однако, упоминаются лишь две группы участников церемонии: «люди благочестивые и те, чьи поступки отмечены праведностью, – они танцевали перед всеми собравшимися» (Сукко, 51a). Талмуд добавляет к этому еще одну группу – баал-тшува, «кающиеся». Заметим: в списке Рамбама присутствуют лица, не упомянутые в Мишне, при этом он ничего не говорит о баал-тшува, названных в Талмуде среди участников церемонии.

Далее Рамбам пишет: «Радость, которую испытывает человек, исполняя заповеди и любя Б-га, их давшего, есть проникновенное служение Г-споду. И всякий, умаляющий себя, унижающий тело свое, есть выдающийся, увенчанный честью человек, служащий Б-гу на уровне любви. Воистину, сказано царем Давидом, когда плясал он перед Ковчегом: “И я еще больше унижу себя, и стану еще ничтожнее в глазах своих”» (II Шмуэл, 6:22).

Заповедь «премного возрадоваться» по сути не является отдельной заповедью, а лишь «продолжением» основной заповеди, велящей радоваться в Суккос. Выражение этой радости зависит от глубины чувства, которое испытывает человек, что, в свою очередь, определяется уровнем его развития. А потому лучшие из народа Израиля, достигшие самого высокого духовного уровня и известные своей праведностью, изливают эту радость вовне, «танцуют и хлопают в ладоши», чем вдохновляют окружающих, тогда как все остальные выражают свое ликование лишь тем, что «смотрят и слушают».

עֵשֶׂת אֵלֵי עַל יְסוּדָאֵי

И Вавилонский (Сукко, 53а), и Иерусалимский Талмуд (Сукко, 5:4) приводят имена некоторых танаим (мудрецов Мишны) и говорят о том, что они совершили и сказали в связи с Весельем Черпания Воды (Симхас Бейс а-шейва). Но мы точно знаем, что все танаим, жившие в ту пору, принимали участие в празднике. Почему же тогда упомянуты лишь некоторые из них? Разумно предположить, что каждый из упомянутых мудрецов олицетворяет ту или иную категорию людей, участвовавших в праздничном ликовании.

а) В Талмуде написано: «Рабби Иеошуа бен Ханания говорил: “Празднуя Веселье Черпания Воды, мы не ведали сна, участники дремали на плече друг у друга”».

О том, насколько уникален был рабби Иеошуа, свидетельствует то обстоятельство, что он вел спор с афинскими старейшинами, чья мудрость была притчею во языцех, – и вышел из спора победителем (Брохойс, 8б). Перед кончиной рабби Иеошуа мудрецы Израиля задали ему вопрос: что же станет с ними «в руках еретиков»? Он уверил их: еретикам не удастся победить (Хагига, 5б). Для нас важно, что рабби Иеошуа назван здесь среди самых великих мудрецов Израиля. И именно поэтому Рамбам, судя по всему, упоминает великих мудрецов в своем списке ликующих в Храме.

б) «Говорится о рабби Симоне бен Гамлиэле, что, ликуя в Симхас Бейс а-шейва, он жонглировал восемью горящими факелами, так что ни один из них не касался другого».

Рабби Шимон бен Гамлиэл был главою Сангедрина – об этом сказано в Талмуде (Шабос, 15а). Рамбам пишет: «Большой Сангедрин формировался из семидесяти одного члена. Самый выдающийся из них признавался главою Сангедрина, и к нему обращались Наци...»

Очевидно, именно это послужило Рамбаму источником того, что члены Сангедрина участвовали в храмовом ликовании.

в) «Говорится это о Гилеле Старшем...»: здесь ударение делается на слове «Старший», учитывая, что во многих контекстах в Талмуде Гилел упоминается без этого прозвища. Гилел олицетворяет для Рамбама группу старейшин.

г) В Иерусалимском Талмуде в этом ряду упоминается еще «бен Иеоцадак, славный своими прыжками». В списке танаим рядом с именем рабби Шимона бен Иеоцадака не упоминается ни о каком определенном качестве. Значит, ключ надо искать в самом именовании «рабби Шимон». Тойсфойс говорит нам: «Имеющий учеников зовется рабби». Рабби Шимон бен Иеоцадак был главою академии. Отсюда Рамбам учит: главы академий принимали участие в ликовании Симхас Бейс а-шейва.

Однако необходимо сделать уточнение. Почему в данном случае, когда говорится о человеке, приводится его титул – «рабби», но при том сказано лишь «сын Иеоцадака», а имя опущено? То, как в оригинале вводится формула «такой-то, славный своими прыжками», указывает: это не что иное, как автохарактеристика рабби Шимона бен Иеоцадака, гордящегося своим участием в ликовании Симхас Бейс а-шейва! Правда, говоря об этом, он боится быть уличенным в тщеславии – и опускает свое имя, оставляя лишь «сын Иеоцадака». С подобным, подчеркнuto скромным самоупоминанием мы встречаемся в Талмуде, когда о себе говорит рабби Йоханан бен Закай, называющий себя просто «бен Закай» (Брохойс, 34б).

Èòì òàèìé òàñéä

В списке участвующих в ликовании Рамбам опускает баал-тшува – тех, кто приносит покаяние, – а ведь эта группа упоминается в Талмуде как участвующая в празднике! Почему так? Очевидно, Рамбам рассматривает Брайсу как «расширение» Мишны. Термин «хасидим», употребленный в соответствующем описании в Мишне, Рамбам воспринимает как включающий в себя и тех, кто хранил праведность на протяжении всей жизни, и тех, кто раскаялся в совершенных проступках. В этом вопросе подход Рамбама сильно отличается от подхода Раши – последний настаивал, что понятие «хасид» применимо лишь к человеку, прожившему праведно всю жизнь (Сукко, 53а). Рамбам же пишет: «Хасид – это тот, кто не только следует срединным путем, но в известной мере выходит за его пределы». При таком понимании упоминание «хасидим» среди участников ликования будет включать в себя принесших покаяние, баал-тшува.

Рамбам заканчивает рассуждение о симхе в связи с Симхас Бейс а-шейва пассажем о том, насколько важно, служа Б-гу, исполнять все заповеди с радостью. И это позволяет нам сделать еще один шаг в наших рассуждениях.

Радость Симхас Бейс а-шейва – это интенсивное переживание уже существующей радости, поэтому ее легко вызвать в своем сознании. А радость исполнения заповедей в целом всегда, применительно к любой заповеди, независимо от эмоционального состояния человека в тот или иной момент времени, – серьезнейшее усилие, которое Рамбам определяет как «проникновенное служение Г-споду». Недаром тут же приведены слова царя Давида, сказанные, когда он «скакал и плясал подле Ковчега» (II Шмуэл, 6:22), – они еще раз напоминают нам, что требуется серьезное усилие, чтобы пробудить радость всякий раз, когда исполняется та или иная заповедь.

И это в высшей степени практичный подход. Понятно, что в праздник, «во времена нашей радости», пробудить вибрирующую внутри радостную эмоцию легко. Но как это сделать, когда человек погружен в повседневную рутину? Рамбам дает нам понять, что только после Веселья Черпания Воды начинается «проникновенное служение», когда заповеди исполняются с радостью. Даже в повседневной жизни всякий поступок еврея должен быть связан со служением Б-гу на том уровне, на котором оно возможно. Это относится к исполнению заповедей, происходит ли то во всей полноте понимания, «бескорыстно, во имя Небес» (Пиркей Овойс, 2:2), или же на том уровне, о котором сказано: «Во всех путях твоих познавай <волю> Его» (Мишлей, 3:6). В любом случае при исполнении заповеди должны быть оправданы слова псалма: «Служите Г-споду в радости» (Теилим, 100:2).

Мудрые настаивали: «Негоже человеку наполнять уста свои смехом, покуда он в этом мире» (Брохойс, 31а), но по отношению к исполнению заповедей всё обстоит наоборот. Радость необходима и неотделима от исполнения заповедей. А это переносит «смех» в духовное царство, как сказано: «Сидящий в небесах усмехается» (Теилим, 2:4). Б-г смеется и всегда будет смеяться над попытками поработить еврейский народ, а придет время, и исполнится пророчество: с приходом Мошиаха «Наполнятся уста наши смехом» (Теилим, 126:2), и приход тот – скоро.

ЛИЦО, ИЛИ КОГДА ВОПРОС – ЭТО ОТВЕТ...

Nèi íí Áæáéíáíí

Èòí ííáíáí í óáðáó

è èòí ðàçóí ááò çí à:áí èá ááíáé?

Ì óáðííòú :áéíááéá í ðííáòéýáò èéé áí

è ñ ýá:ááò ñðíáííòú èéòá áá.

Êíýéáí &1

ÈÈÓÍ ×ÁÉÍÁÁÈÀ - ÍÁÍÀ ÈÇÁÁÈÈ×ÁÉΘÈΘ ÒÀÉÍ.

*Èèóí í íæáò áí ðáííéáçáòú èéé áí ñèðíòú Í íæáò èè :òí-òí áúòú :óáíí áí áíáðíá
èéòá, í ýáéí é óéúáéé è èó:èíòúò ááç?*

Есть ли что-то огорчительнее сердитых взглядов? Невыносимее непристойных взглядов? Что может отпугивать больше, чем хмурое лицо? Беспокоить больше, чем испуганное лицо?

Взгляд может быть застенчивым и гордым, лицо может быть живым и мертвенно-бледным. Смущение и застенчивость, гордость и стыд, радость и боль – всё многообразие видимого и невидимого жизненного опыта заключено в выражении лица.

Желая узнать реакцию человека, мы в первую очередь глядим ему в лицо. Наверное, потому, что первое, что видят новорожденные, – это лица отцов и матерей.

Лицо рассказывает. Лицо и есть рассказ. Много рассказов – целые тома. Лицо – окно в тайны человеческой натуры. В нем всё явлено и в то же время скрыто.

Сможем ли мы когда-нибудь познать всю глубину чувств, скрытых за улыбкой или гримасой отвращения?

Может быть, свет на тайну прольет еврейское слово для обозначения лица? «Паним» одновременно означает и «лицо», и «внутреннее, внутри». Странно. Ведь лицо – это нечто внешнее. Говорят: «лицевая сторона». И в самом деле, выражение лица способно обманывать, скрывать то, что творится внутри. Можно улыбаться, а в глубине души оставаться печальным.

И всё же еврейский язык определяет истинную природу лица: даже если лицо позволяет нам порой скрывать наши чувства, оно отражает внутренний мир человека. Те, кто чуток к «паням» человека, прочтут и то, что скрыто в его лице.

Таинственное всё-таки утверждение: каждый из нас был создан по образу Б-жьему. Что это значит? Не является ли словосочетание «образ Б-жий» оксюмороном? Ведь Б-жественное не может предстать в «образе». Б-г сказал Моше: «ибо не <дано> человеку видеть Меня и остаться в живых». И вторая заповедь запрещает творить «изображение» Б-га. Создав человека, не преступил ли Б-г собственную заповедь?

Мистик ответит: создавая человека, Б-г явил Собственное «Я» во внешнем образе, именуемом «человеческим существом». В то время как Б-жественная сущность не может быть явлена ни в каком образе, мера Б-жественной энергии принимает форму «небесного человека» («одом а-элэйн»), по «образу» и

«подобно» которого создан каждый из нас. Пророческое видение Иехезкела так и начинается: «Над образом этого престола – образ, подобный человеку, на нем сверху».

В предбытии (то есть вне времени) не существовало «внутреннего» и «внешнего». Всё было заключено во всеобъемлющей и всепроникающей Б-жественной энергии. То, что ныне «вовне», тогда было «изнутри». Великий цимцум опрокинул внешнее вовнутрь, а внутреннее – вовне, сотворив двойственность, в которой мы переживаем «внешний» опыт, словно отделенный от «внутренней» души.

Но, сотворив человека, Б-г открыл его сокровенное во внешнем проявлении. По сути дела, человеческое существо – это «ходячее откровение» Б-га.

Человеку дана свободная воля, чтобы сделать выбор: раскрыть в себе Б-жественный образ или же позволить доминировать внешнему одеянию.

В одном мидраше рассказывается о том, какие необыкновенные изменения может претерпевать лицо...

По свидетельству мидраша, Моше задал Б-гу величайший вопрос: «Как можно очиститься от нечистоты смерти?»

Б-г не ответил.

«В этот момент лицо Моше пожелтело <побледнело>».

И только потом, продолжает мидраш, когда дошла очередь до закона о рыжей телице, Б-г сказал Моше: «Когда Я дал тебе закон о нечистоте, ты спросил Меня, как может этот человек <которого коснулась смерть> стать чистым? Я не ответил тогда. Теперь Я дам тебе ответ». И дал Моше мицву об очищении от нечистоты смерти, когда надо смешать пепел рыжей телицы с очистительной водой и окропить мертвое тело.

Что это за ответ? И если это верный ответ, то почему Б-г не ответил сразу?

По сути дела, отрывок из мидраша толкует стих из книги Коэлес: «Кто подобен мудрецу и кто понимает значение вещей? Мудрость человека просветляет лик его и смягчает суровость лица его».

В этом стихе царь Соломон говорит о тайне жизни и смерти и о том, как люди постигают ее. Все мы мудрецы, когда «дела идут хорошо». Мир, в котором мы пребываем, настолько многослоен, что на поверхности его не видно того, что происходит внутри. На внешнем, поверхностном уровне нам кажется, что мы всё контролируем и знаем «значение вещей».

Но это происходит до поры до времени, пока что-то не нарушает наш комфорт, пробуждая нас от грез. Внезапно мы осознаём глубочайшую правду вопроса: «Кто подобен мудрецу и кто разумеет значение вещей?»

Вопрос этот не отрицает мудрости, которая есть у человека. Ведь «мудрость человека просветляет лик его». И всё же переживание опыта смерти – когда душа отделяется от тела, когда покойный оставляет семью и друзей, чтобы отправиться в мир иной, – дает еще большую мудрость и «смягчает суровость лица его».

Моше, «коллективная душа», вобравшая в себя опыт всех человеческих душ, сам претерпел такую метаморфозу.

Моше был мудр. И на лице его отражалась мудрость. Он вынужден был даже закрывать свое лицо, потому что люди не могли выдержать исходившего от него сияния.

Но в тот миг Моше стал еще мудрее. Он понял, что величайшая мудрость заключена в безмолвии. Эта тихая истина открылась ему, когда он задал величайший из вопросов: «Как нам быть со смертью?»

Мы проживаем жизнь, полагая, что наши поступки исполнены смыслом. Мы думаем: та цена, которую мы платим за добродетельную жизнь, те жертвы, которые принесли наши родители и предки, – всё это дорогого стоит. Ведь каждое доброе дело, каждое человеческое усилие остается в вечности.

Однако смерть бросает вызов всем нашим представлениям о собственной значимости. Смерть говорит нам, что никто ее не избежит. Само слово «смерть» означает «конец», «завершение». Думаешь, что вечеринка никогда не закончится, – а тут хлоп... заканчивается, нравится тебе это или нет!

Моше был великим человеком, величайшим из всех. Величие его просияло – как и всякое величие – не в «добрые времена», а во времена трудные. В египетских муках, в трагедии золотого тельца, в самые черные моменты жизни он не опускал беспомощно рук. Он глядел мраку в лицо и боролся, чего бы ему это ни стоило.

Но вот перед Моше встал вопрос о смерти. Он не боялся взглянуть ей в лицо, но был достаточно мудр, чтобы понимать: иные средства (или вообще никакие) нужны для обращения к «темной стороне» жизни. Смерть для Моше – вопрос не теоретический, не умозрительный. Он принимает ее близко к сердцу и кричит: «Что может очистить нечистоту смерти?» Как можно исцелиться от смерти? Как смерти не разрушить основания нашей веры?

Первый шаг – это мужественно задать вопрос и ощутить боль. Потому и изменился у Моше цвет лица (кстати, в другом месте мидраша просто сказано: «лицо Моше изменилось»).

То же самое лицо, сиявшее, когда Моше сошел со скрижалями Завета, теперь изменилось: он взглянул смерти в глаза.

Потом Б-г научил Моше верному ответу – безмолвию. Ничто, кроме безмолвия, не может выразить всю глубину разрыва между жизнью и смертью. Это возвращает нас к безмолвию самого цимцума. До цимцума сущее «звенело» бесконечным светом («эйн соф») и его «наслаждениями». Но внезапно сошло безмолвие: Б-г удалил сознательное понимание Б-жественной энергии, позволив нам обрести индивидуальное самосознание.

Представьте себе: Величайший Учитель, непрестанно открывающий нам бесконечные запасы знаний и мудрости, вдруг замолкает...

Такое безмолвие должно быть оглушающим – громче всякого звука в нашем мире. Энергия сжатия потока бесконечно сильнее энергии, затраченной на его высвобождение.

Безмолвие наступает в миг смерти. И оно наступило, когда Б-г не ответил Моше на вопрос об очищении от смерти. Отсутствие ответа – это величайший ответ.

Потом, по прошествии времени, Б-г снова обратился к Моше: уже после того, как оба пребывали в безмолвии, в благоговении перед тайной, они могли говорить.

Б-г поведал Моше о тайне циклического повторения жизни и смерти. Он поведал о цикличности самой жизни, о цикличности смерти и того, что за смертью. Всё в сущем – даже безмолвие и цимцум – это лишь часть цикла.

Тайна цикла – в едином континууме энергии. Всякая форма энергии требует движения. Энергия не может воспроизводиться в вакууме. Ей необходимы противоположные полюса, порождающие напряжение, а потом разрешение. Противоположности притягательны.

Возьмем жизненную энергию, питающую наше тело. Сердечная деятельность есть результат двух движений: сжатия и расширения. Наше дыхание – это вдохи и выдохи. Напряжение, потом разрешение, потом новый цикл, потом еще и еще.

Тайна в том, что соединяются вода и пепел (огонь), как того требует мицва о рыжей телице. Огонь – это напряжение, а вода – разрешение. Вместе они составляют источник жизни.

Мы живы, когда в нас здоровым образом сочетаются покой и беспокойство. Жажда чего-то большего, что потом становится твоей органической частью. Слишком большое напряжение (подобно тревожному состоянию) или слишком сильное разрешение (нечто вроде «животного блаженства») выливаются в гиперактивность или застой.

Но после всего сказанного и сделанного остается безмолвие. И безмолвие продолжает пронизывать беседу, о чем ясно свидетельствует последующий диалог. Услышав Б-жьи слова о рыжей телице, воде и пепле, Моше ошеломлен: «И что, так можно достичь чистоты?» Б-г отвечает: «Это сверхразумный закон; это Моя заповедь, и ни одно живое существо не в силах понять ее».

Любой разговор помогает нам медленно двигаться вперед, но ничто не поможет... превратиться в Б-га. Невозможно умом постичь «сердце тьмы», сущность цимцума. Это Б-жьи предписания. Их нельзя постигнуть привычными нам средствами, да и никакими иными – нельзя.

Тишина. Благоговение. Покой. Это дары.

В мидраше не говорится о том, обрело ли лицо Моше свой первоначальный цвет, продолжало ли по-прежнему светиться. Можно предположить, что это так (об этом идет речь в одном комментарии). Но я верю, что, даже обретя прежний цвет, его лицо навсегда уже стало другим.

Ибо величайший ответ – это сам вопрос.

ЛЕВЫЙ МАРШ

Леонид Радзиховский

Я уже много раз писал (да, наверное, не я один) о банальной аналогии – падение «еврейских олигархов» 1920-х (Троцкий-Каменев-Зиновьев) и «еврейских олигархов» 1990-х (Березовский-Гусинский-Ходорковский). Всё похоже: и отчаянная внутривидовая борьба (яркое проявление «еврейской солидарности!»), и попытки запоздалых союзов, и общий финиш – к счастью, не столь трагический...

Но вот в последнее время возникла почва для новых аналогий.

1927 год. Агония троцкизма, его попытка публичной борьбы со сталинизмом. Какими же были лозунги троцкистов?

«Остановим сползание ВПРАВО!»! «Долой нэпмана, кулака, бюрократа». Одно слово – левая оппозиция.

Если вы сегодня прочтете «Левый поворот» Ходорковского, послушаете Каспарова, Явлинского, Хакамаду, то вы легко услышите нечто сходное. Да, «левый поворот»... Разница лишь в том, что троцкисты были «по рождению» левыми, это была их изначальная, генетически-большевистская позиция. А либеральные интеллигенты 2000-х готовы мимикрировать «под левых» с вполне очевидной (она, кстати, никем и не скрывается) целью – повысить свою политическую капитализацию. Притом что сама по себе вот эта лево-популистская идеология им изначально вполне чужда.

Здесь есть три разные проблемы.

Действительно ли население России «по определению левое».

Удастся ли экс-правым ловко использовать (перехватить) левые лозунги и реально увеличить свою популярность.

И что из всего этого может получиться.

Попробуем ответить на все эти вопросы.

Да, по первому вопросу я согласен с Ходорковским (и Белковским, который, как уверяют, имеет определенные политические контакты с МБХ). Россия – страна «левая».

В этой «левизне» есть два аспекта: социально-экономический и общеполитический.

Люди в России жадные и завистливые. Почему же «в России»? Да потому, что в России живут тоже люди. То есть эти общечеловеческие качества не составляют никакой специфики ни российского, ни тем более русского народа. Поэтому левые лозунги – «халяву на стол», «отнять/поделить» – обречены на успех везде. Должна быть очень толстая прослойка очень толстого среднего класса (т. е. тех, У КОГО ОТНИМАЮТ!), чтобы определенной популярностью в массах пользовалась «правая идеология» – не трожь мое, а о себе я сам позабочусь. В странах с большим средним классом (США, Канада, Австралия, некоторые страны Европы) правый социально-экономический курс имеет шансы на успех. В бедных странах (все остальные) таких шансов нет.

Но в России – и вот в этом ее специфика – левая идеология значительно более патологична. Она отягчена тяжелейшими имперски-националистическими комплексами.

«Оранжевые революции» на Украине и в Грузии тоже шли под «левыми», по крайней мере, под общепопулистскими лозунгами. Так проходила и «оранжевая революция» в России, в 1991-м. Никакой

отчетливо-правой, либеральной идеологии (низкие налоги, низкие социальные выплаты) ни в Киеве-2004, ни в Москве-1991 уж точно не звучало. Но есть такая деталь. «Оранжевые революции», поддержанные украинскими националистами (в том числе «бандеровского розлива») или русскими националистами-1991, – ПРОЗАПАДНЫЕ! Украина рвалась (и рвется) «в Европу». Россия в 1991-м тоже мечтала о «цивилизованном мире». Кстати. Эти националисты могли быть (и были, и есть) ксенофобами и антисемитами – но прозападными, проевропейскими, а значит, уже «укрошенными», «цивилизованными».

С тех пор прошло 14 лет. Как известно, настроения в России резко изменились: ноет ампутированная империя. Особый путь, американский заговор против России, «Америка – параша, победа будет наша». Вот настроения – в том числе у совсем не бедных (разве что рассудком!) людей, часто бывающих в той самой Европе-США. Ну а уж про людей бедных и говорить нечего...

Итак: отнять/поделить + национализм (антиамериканизм) = левый национал-популизм, тот, что сегодня, как ПРАВИЛЬНО считают экс-либералы, только и может принести «победу».

Только... чья же это, собственно, была бы «победа над здравым смыслом»?

Здесь мы переходим ко второму пункту.

Нет, либералам эта победа в любом случае не светит – табачок мы держим, да не про тебя! Таскать для них, либералов, каштаны из огня националисты (те, кто уже «застолбил» это электоральное поле!) явно не будут. Могут использовать деньги того же Невзлина или БАБа, могут использовать острые перья либеральных публицистов, могут использовать либеральные имена для «отмазки» перед Западом и «приличной публикой» в России (если таковая есть). Но и всё. Никакого «дележа добычи» не ждите – скажите спасибо, господа либералы, если сами на кухонный стол не попадете, «попутчики» вы наши драгоценные!

Такова общелиберальная перспектива в обозе националистов. Впрочем, по отдельности либеральных политиков это не смущает – каждый надеется, что он-то свое ухватит... Да и вообще – зачем загадывать так далеко? Движение – всё, цель – ничто.

И в заключение два слова об этой – возможной – цели.

Нет, ни левые националисты («Родина»), ни они же в комбинации с Каспаровым-«Яблоком»-Хакамадой, ни вообще «левая улица» ничего серьезного в России не добьется.

История России и современное общество так устроены, что чего-то добиться может только сама Ее Величество Бюрократия. Центральная («центровая»), аполитичная бюрократия, которой брюхо заменяет мозг.

Но бюрократия может взять на вооружение те самые левые лозунги. Опять же, возвращаясь к исходной аналогии, – ровно так Сталин взял на вооружение лозунги троцкистов и провел в 1930-х свою «лево-троцкистскую революцию».

Популистское «полевение» власти – вот это, увы, вполне реальная перспектива для нашей злосчастной страны.

ЯКОВ КОСТЮКОВСКИЙ:

«ПРОЗРЕВАЮ В СЕБЕ ЕВРЕЯ»

עֵי אָבִיאִים נֶעְסָאָנױט אַדאַר אַױבאַױט עֵעֵי אִנױאָר אַדעֵנױט

Àëàëàí äð Ðàííííòò

– **Яков Аронович, расскажите, пожалуйста, о семье, в которой вы родились.**

– Знаете, один мудрец сказал: нужно быть осторожным, выбирая родителей. Я, как мне кажется, очень умно и осторожно выбрал себе родителей. Отец мой, Арон Яковлевич Костюковский, в первую мировую войну воевал, был награжден Георгиевским крестом. Эту награду зря не вручали, тем более еврею. Георгиевский крест давал различные льготы. Еврея он при поступлении в институт выводил из «процентной нормы», можно было сдавать экзамены на общих основаниях. Но папа отдал награду и льготу – это разрешалось – двоюродному брату. Тот поступил и стал хорошим врачом. А папа всю жизнь работал бухгалтером. Эту историю он никогда не рассказывал, я случайно о ней узнал. Отца очень точно называли Ароном, он был справедлив и великодушен, как библейский Аарон. И часто страдал от этого обостренного чувства справедливости.

Мать моя тоже была названа точно – Софьей. Как известно, София – мудрость, и мама была очень мудрой женщиной. Первые политические уроки я получил от нее. Я рос в атмосфере восторженного отношения к лучшему другу советских физкультурников товарищу Сталину. И как-то, когда я напевал дома песню, восхваляющую его, мама сказала: «Не повторяй глупостей, не такой уж он великий и мудрый. Если бы он действительно был велик и мудр, об этом не надо было бы кричать из радиорепродукторов на каждом столбе».

– Сколько вам тогда было лет?

– Десять. Я родился в 1921 году в маленьком украинском городке Золотоноша. Вскоре мы уехали в Харьков. Мое детство и отрочество прошло в Харькове, и я влюблен в этот город до сих пор.

– Школа была русская или еврейская?

– Школа была русская. Я, к сожалению, не знаю идиш. Наша семья не была патриархальной. Но представление о религиозных людях я получил уже в раннем детстве. Папа дружил с раввином Сандлером. Он запомнился мне своей мудростью и остроумием, такой, знаете ли, раввин-вольнодумец, открытый и веселый человек. Мог при случае выпить, мой отец тоже любил пропустить стаканчик. Помню, как-то они сели за стол, и раввин Сандлер, обращаясь к папе, произнес тост, который я запомнил на всю жизнь. Он сказал: «Арончик, будь здоров, очень надо!»

– Эта фраза по своему лаконизму похожа на фразы из ваших комедий.

– Во всяком случае, я помню ее до сих пор. Перед самой войной Сандлер поехал к родственникам то ли в Херсон, то ли в Николаев, чтобы увезти их подальше от западной границы. И до меня дошли слухи, что он не успел этого сделать, остался с родственниками, там и погиб, когда пришли немцы. А в Золотоноше и в Харькове, уже при советской власти, он занимался преподаванием в ешивах.

– Тогда еще были ешивы?

– Да, но они были тайные. Сандлер никогда не афишировал, где преподает. Большая часть его времени уходила на изучение Торы, но свою ученость он никогда не выставлял напоказ. У него были учителя, которые учили его через столетия: рабби Акива, Рамбам, Раши. Он рассказывал мне о них, но немного, я тогда был еще слишком мал. Теперь я понимаю, что раввин Сандлер был необычным человеком. Я часто жалею, что не с теми людьми я проводил время и не так, как надо. Но сейчас уже ничего не поделаешь.

– Ваша матушка, давшая вам политический урок в 10 лет, имела образование?

– Нет, ей здравый смысл подсказывал. Маму звали Соня Гилевна, но, когда выдавали паспорта, ее записали Софьей Ильиничной, так как евреям при выдаче документа предлагали русифицировать свое имя. Мои родители переходили на идиш, если хотели, чтобы я не понял, о чем разговор. Много позже, в Москве, когда мои товарищи хвастались принадлежностью к еврейству и говорили, что они полукровки, я решил принять посильное участие в разговоре и сказал: «Я тоже полукровка. У меня отец – еврей, а мать – еврейка». Кто-то из поэтов сказал: «С возрастом, старея, прозреваю в себе еврея». Не знаю, верно ли это для всех, но о себе знаю точно: со мной именно так и происходит. Сейчас у меня уже 84 причины чувствовать себя евреем – ровно столько, сколько мне лет.

Выясняется, что принадлежность к еврейству зависит не только от того, ходит ли человек в синагогу, умеет ли молиться... Что помимо этого объединяет наш народ? У нас общая историческая память: прошлое, традиции, гонения, которые за тысячи лет привели к сплочению. Если человек соблюдает субботу, придерживается кашруса, отмечает все праздники, это вызывает у меня огромное уважение. Но я убежден: даже если он этого не делает, он всё равно остается евреем. Я не знаю языка, не рос в традиционной семье, мое окружение было нерелигиозным. Тем не менее я утверждаю, что от родителей я получил еврейское воспитание, еврейское отношение к жизни.

В. Ётто рётаттее н дтатт дтатт е е і тётатт аатт.

– Когда вы оканчивали школу в Харькове, вы уже знали, чем хотите заниматься?

– Да, знал. Я был медлительным мальчиком, в отличие от тех, кого можно назвать «живчиками». Потом уже я изрек, что стал литератором, а не пожарником, чтобы никуда не торопиться. Я любил стол и лист бумаги на нем. Попытки что-то написать проявились рано. В Харькове была среда, располагавшая к таким попыткам. Прежде всего – наш дом, где читались книги, выписывались литературные журналы: «Красная новь», «Новый мир». Из газет отец выписывал «Известия», и я учился читать не по уличным вывескам, как часто тогда бывало, а по заголовкам этой газеты. Разговоры гостей касались литературы, а не политики. Обсуждать политическую ситуацию было опасно. Сталин устроил на Украине искусственный голод: элеваторы ломились от зерна, а людям выдавали хлеб по карточкам, маленькими пайками. Помню, лютой зимой 1932 года, чтобы получить 900 граммов хлеба на троих, папа рано утром занимал очередь, потом я его сменял, он шел на работу, потом меня сменяла мама, я уходил в школу, она еще долго стояла и, наконец, получала хлеб.

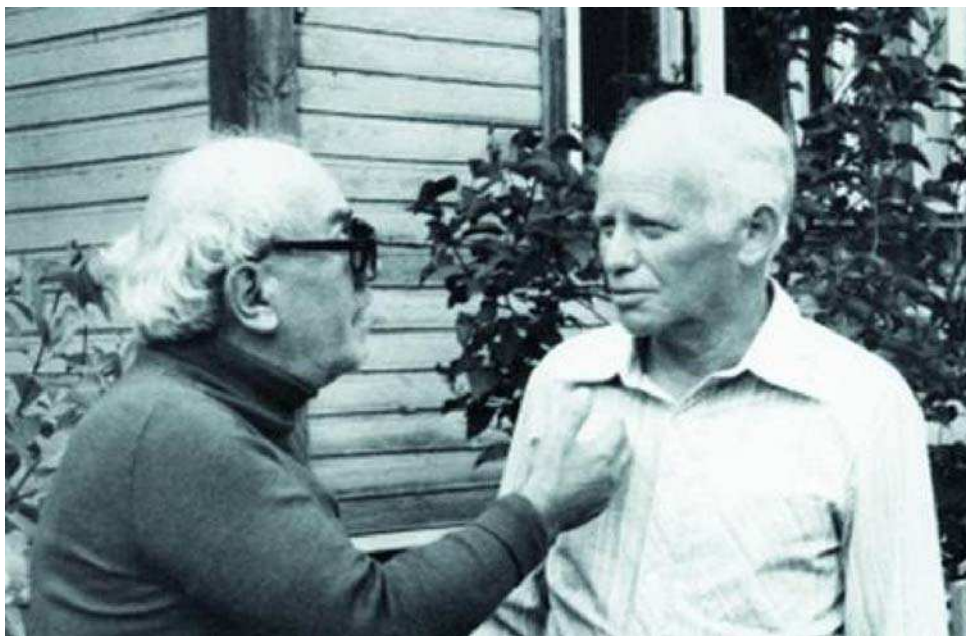
В школе был литературный кружок, а в школьной стенгазете я вел уголок юмора, писал всё, что мог: эпиграммы, сатирические стишки, наблюдения, заключенные в одной фразе. Этот навык мне потом пригодился. В Москве у меня выходили сборники сатирических стихов. Сейчас пишу воспоминания, назвал их «Мемуаризмы»: мемуары и афоризмы «в одном флаконе». Помимо школьного литкружка, в Харькове была литературная студия при городском Дворце пионеров имени Постышева. Наш Дворец пионеров, один из первых в СССР, был, как тогда писали, «приметой нового быта». Вел литературную студию замечательный человек, харьковский писатель Николай Петрович Трублаини.

В школе я впервые в жизни столкнулся с цензурой. Учитель, завуч, директор, комсорг и парторг строго цензурировали мой «уголок юмора». Впоследствии меня цензурировали Госкино, МК и ЦК партии. Но я уже был приучен и морально закален, – спасибо школьным наставникам. На сегодняшний день – поверьте на слово – я обладаю богатым опытом общения с контролирующими органами. И часто думаю, что начало всему этому было положено тогда, в середине 30-х, в средней школе города Харькова.

– Окончив школу, вы поехали поступать в институт в Москву?

– Гордый своей «золотой» медалью, я приехал поступать в Институт истории, философии и литературы, знаменитый ИФЛИ. Но выяснилось, что медалистов из разных городов здесь чуть ли не дюжина на место. Каждому из нас пришлось пройти собеседование. Меня приняли, институт подарил мне многих друзей. В том же году товарищ Сталин решил, что без меня он не может присоединить к СССР Западную Украину и Западную Белоруссию. Ифлийцев мобилизовали в первую очередь. Сталин не любил ИФЛИ, считал рассадником вольнодумства, презрительно называл его «лыщей». Забрили всех с первого курса, кроме нескольких человек, которые, по счастью, оказались моложе. Из моей группы тогда оставили Сарика Гудзенко и Юру Левитанского. Призвали нас даже без медкомиссии. После раздела Польши мы вернулись к учебе.

Я с благодарностью вспоминаю ИФЛИ, там я познакомился с моей будущей женой Эсфирь Сухарь. В ИФЛИ было четыре факультета, Эсфирь училась на историческом, я – на литературном. Институт находился в Сокольниках, в Ростокинском проезде, а общежитие было на Стромынке. Это был институт, куда приезжали задолго до начала занятий, а уезжали поздно вечером, а иногда и ночью. Главным было общение. Прекрасные преподаватели, замечательная среда, поэтические семинары, открытые обсуждения – я думаю, Сталин был прав, когда ненавидел его. Воспользовавшись войной, он разогнал ИФЛИ, студентов перевели в МГУ или Литинститут. Моя жена, например, заканчивала уже исторический факультет университета. Я доучиться в ИФЛИ не смог, через два года после моего поступления началась война.

В. Еннорейкее и іуоїі А. Най іееїаїі.

– С кем из студентов вы общались больше всего?

– С Семеном Гудзенко. Мы переписывались во время войны, дружили после войны вплоть до его смерти. Он мне был очень близок по человеческим качествам. И нас объединяло то, что оба мы с Украины, он из Киева, я из Харькова. Еще один мой близкий друг из ИФЛИ – Давид Самойлов.

– Нужно ли было для поступления на литературный факультет ИФЛИ представить свои тексты и участвовать в творческом конкурсе?

– Профессора, набиравшие студентов на свои курсы, предпочитали встретиться и поговорить с абитуриентом. Сами тексты не обсуждались – ведь сочинение начинающего, как правило, несовершенно, – руководителям курсов важно было понять, заложен ли в человеке потенциал, возможно ли его развитие. Но с текстами они тоже знакомились.

– Во время военной кампании по присоединению западных областей Украины и Белоруссии студентов ИФЛИ призвали как журналистов или как солдат?

– Всех призвали как солдат, и мы проходили школу молодого бойца. Лютая зима, меня отрядили к комиссару Герасименко, у которого была – до сих пор помню! – кобыла Айра. Она кусалась и никого к себе не подпускала. Каждый день на морозе я должен был ее чистить и потом подавать комиссару, чтобы он гарцевал на чистой кобыле, а не как-нибудь иначе... Это было в Артемовске, потом нас вывезли непосредственно в Западную Украину: Львов, Самбор, где разместили части Красной Армии. Тут меня перевели в дивизионную газету, а в мае 1940 года начались медицинские комиссии, и нас демобилизовали.

– Самое яркое впечатление от той кампании – кобыла Айра, которая кусалась?

– Нет, самое сильное впечатление – это Львов, Самбор – архитектура этих городов, другой уклад жизни, другие шутки и анекдоты, другого типа евреи, первая в жизни «заграница».

– Вы сказали: «другие евреи». Чем они отличались?

– Во-первых, внешне. Я впервые увидел хасидов в черных сюртуках и шляпах, в белых чулках и черных туфлях с застёжками. Это было по-своему изящно. А участь этих людей оказалась трагична. Тех, кто не успел уйти в СССР, немцы вывезли в концлагеря. До того, как их уничтожить, над ними изощренно издевались. Я дважды был у немцев с нашей делегацией, которая демаркировала границу. Помню площадь перед ратушей, на которой гитлеровцы установили трибуны и радиоприемники «Телефункен» с мощными динамиками и проводили свои торжества. Местные евреи рассказывали, что немцы выгоняли их на эту площадь, заставляли стать на колени и бородой мести брусчатку. Это делалось только ради издевательства. Часть этих людей, в основном молодые, вступили в польскую армию генерала Андерса и с ней ушли в Иран. Многие, перешедшие в СССР, были арестованы и погибли в наших лагерях. Ну а те, кто верил, что нация Гете не может уничтожать людей, остались и поплатились...

– Вы вернулись в Москву и продолжили учебу в ИФЛИ до июня 1941 года?

– В 1940 году я вернулся и продолжил занятия в институте. Когда началась война, меня пригласили на работу в газету «Московский комсомолец». Одним из первых я писал о народном ополчении. Я не понимал, зачем нужно подставлять под пушки необученных людей. Начальству тон моих сообщений не понравился. Вскоре меня перевели во фронтной отдел «Комсомольской правды». От отдела я выезжал на фронт. Во время обороны Москвы наша машина попадала под бомбежки, однажды подорвалась на mine, я был легко контужен, об этом случае написал главный редактор газеты Борис Бурков в своей книге «Комсомолка в солдатской шинели».

– Как долго вы работали в «Комсомольской правде»?

– Одновременно с работой в «Комсомолке» я работал ответственным секретарем военно-молодежного журнала «Смена». Продолжалось это до тех пор, пока секретарь ЦК комсомола по идеологии Мишакова не обвинила меня в том, что я выписываю евреям повышенные гонорары. Я, по молодости, горячности и отсутствию семьи, позволил себе сказать: «До сих пор я считал вас просто неумным человеком. Но теперь, вдобавок к этому, выясняется, что вы еще и антисемитка». После этого она меня «сдала в армию». Меня призвали в дивизионную газету «За Отечество!» Потом взяли в газету Московского военного округа «Красный воин». Первое время я подавал заявления с просьбой уволить меня из газеты и отправить на фронт, но меня не отпускали.

– В каком вы были звании?

– Я избегал званий и оставался старшиной. Дважды или трижды занимал офицерскую должность, но звания старался избежать, оно помешало бы демобилизоваться. Я считаю ветераном войны, но везде подчеркиваю: в окопах не сидел, в немцев не стрелял, ни одного из них не убил. Официально я был в действующей армии начиная с фронтного отдела «Комсомольской правды». Но я не могу поставить себя рядом с человеком, который воевал.

– Вы были военным корреспондентом до конца войны?

– Я был ответственным секретарем дивизионной газеты «За Отечество!» Окончилась война, и я получил предписание вернуться в газету «Московский комсомолец». Это дало возможность демобилизоваться. В «МК» я сначала заведовал отделом культуры, потом был ответственным секретарем. В газете я ввел раздел сатиры и юмора, который назывался «Удивительно, но факт». Многие карикатуристы и писатели-сатирики начинали именно там. Я возобновил дружбу с Владленом Бахновым, с которым познакомился еще в пионерском лагере под Харьковом. Мы работали как соавторы и много написали вместе.

– Был ли человек, которого вы можете назвать своим литературным учителем?

– Обычно, отвечая на этот вопрос, называют мэтров. Я мог бы назвать несколько громких имен. Но самым значительным был для меня Эмиль Кроткий. Это его псевдоним, которому он соответствовал, а фамилия его – Герман. Я обожал его. Нас сблизила совместная работа в «Крокодиле». Кроме того, у нас были совместные выпуски устного альманаха «Смех – дело серьезное», с которыми мы выступали в Москве, Ленинграде и других городах. Беседы с ним были для меня уроками мудрости и юмора. Эмиль Яковлевич не учил меня, но я у него учился. Почувствуйте, как ныне говорят, разницу.

Вообще, таких остроумных людей в моей жизни было двое: Эмиль Яковлевич Кроткий и Николай Робертович Эрдман, автор знаменитой пьесы «Самоубийца». Эти двое могли из ничего, буквально «из воздуха», сделать репризу. Их объединяло то, что оба они обладали чрезвычайно острым умом. Они не были рассказчиками анекдотов, но могли сказать нечто, чего за секунду до того не знали, что рождалось из ситуации. Но как люди они очень отличались друг от друга. Эмиль Яковлевич был очень скромным, всегда последним входил в дверь. А Николай Робертович – любимец женщин, царь на бегах, избалованный большим вниманием.

Естественно, были у меня и такие учителя, с которыми я почти не общался, но на текстах которых учился. Назову Ильфа и Петрова. Одно время я пытался им подражать, потом бросил, понял, что это бессмысленное занятие. Жизнь так сложилась, что с Петровым мне удалось встретиться в ноябре 1941 года, во время обороны Москвы. Евгений Петрович Петров был тогда главным редактором «Огонька». Он жил в гостинице «Москва», там же жили Эренбург, Симонов. А я, 20-летний, написал первый в своей жизни фельетон, и мне посоветовали показать его Петрову. Робея, я приехал в гостиницу. В фельетоне шла речь о том, что немцы уже переходят на деревянную обувь, я нехитро шутил, как они будут драпать зимой от Москвы в такой обуви. Среднего качества фельетончик, первый в моей жизни, если не считать школьной стенгазеты... В гостинице было холодно, топили плохо, Евгений Петрович неважно себя чувствовал, поверх офицерского кителя на нем был полушубок. Поэтому я не разглядел его офицерского звания. Он прочел с мрачным лицом, я следил за его реакцией и решил, что ему не понравилось. Но он сказал: «Я это напечатаю, но не сейчас, а тогда, когда немцы побегут от Москвы». И действительно, 6 декабря началось наше контрнаступление, и в первом же декабрьском номере «Огонька» он напечатал мой фельетон. Так что Евгений Петров – мой первопечатник.

– Читателям «Лехаима» интересно было бы узнать о вашем общении с Михаилом Зощенко и Юрием Олешей.

– С Зощенко я общался мало, всего несколько раз. Наши встречи были связаны с тем, что мы пытались вывезти его из Ленинграда. Мы понимали, что там его просто убьют преследованиями, журнальной и газетной травлей. В Москве, в нашем писательском доме, была маленькая однокомнатная квартира. И мы хотели его поселить в ней, как бы «спрятать». В первый раз я с ним встретился тогда, когда после смерти Сталина начал формировать альманах «Смех – дело серьезное». Я хотел, чтобы он что-то дал в альманах.

– Его травили даже после смерти Сталина, уже много позже постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград»?

– Да, все эти годы его преследовали. Это началось в 1946 году, еще до того, как Жданов выступил со своим постановлением насчет Ахматовой и Зощенко. В наших кругах бытовала версия, что Жданов мстил ему за то, что Зощенко не принял его предложения стать главным редактором «Крокодила». Правильно сделал, никакой он не редактор. Но в тот момент, когда он отказался, в лице Жданова он нажил врага. И после смерти Жданова, и даже после смерти Сталина ничего не изменилось. Нашлись люди, которые продолжили и даже усилили его травлю. Его не печатали, он жил впроголодь.

– Когда вы предложили ему переехать в Москву, как он отреагировал?

– Он отказался. Сказал: «Я скоро умру, и я хочу умереть в Ленинграде». Разговор происходил в конце 1956 года. А во второй раз, когда я с ним встретился и заговорил об альманахе, он сказал: «Нет, я не дождусь, когда он выйдет». Я говорю ему: «Михаил Михайлович, ну зачем вы всё время говорите о смерти?» И он ответил: «Вы знаете, я так тяжело жил на этом свете, что теперь с ужасом думаю: неужели есть еще и тот свет? И там повторится то же самое...»

– У Юрия Олеси, очевидно, не было таких настроений?

– С Юрием Карловичем у нас были другие отношения. Как ни странно, на почве футбола. Сложилась компания, куда входили Николай Эрдман, мхатовский актер Михаил Яншин, режиссер цирка Арнольд, футболист Андрей Старостин. У этой компании были два увлечения: ипподром и футбол. Компания, куда я был допущен, образовалась задолго до строительства и заселения писательского дома. Помню, первый человек, который позвонил в мою дверь после переезда сюда, был Олеша. Я еще не распаковал вещи. Вдруг – звонок. Открываю: стоит Юрий Карлович вместе со своим другом сценаристом Вениамином Рискинским. Олеша заявляет: «Костюкоша, мы к вам пришли». Так он меня называл, его фамилия заканчивалась на «ша», и он придумал мне такую же. Я в растерянности: во-первых, я его не ждал,

во-вторых, у меня всё упаковано. Начинаю лихорадочно вспоминать, есть ли в доме водка, чтобы их угостить. Юрий Карлович всё-таки! Олеша мгновенно оценил обстановку и говорит Рискину, который хотел уже войти: «Вениамин Наумович, мы пришли к Костюкоше. Мы пьяные, противные, а он нам рад. Пойдем же туда, где нам не рады!» Развернулись и ушли. Вот такая логика.

– Вы начинали как драматург, в соавторстве сначала с Владленом Бахновым, потом с Морисом Слободским у вас поставлено семь пьес. Что приносило больше удовлетворения, постановка пьесы или реализация сценария?

– Кино имеет огромный недостаток по сравнению с театром. Написанную пьесу можно поправить, в следующем спектакле режиссер может что-то изменить. А после того, как отнят и смонтирован фильм, изменить нельзя ничего, разговор окончен. И с ужасом видишь: тут бы эту фразу выбросить, а тут, наоборот, не доиграли. В театре всё это исправить легко, а фильм, с которого сделаны сотни копий, разосланных в разные города, коррекции уже не поддается. Мы со Слободским скучали по театру. Театр был роднее, ближе к эстраде, через которую мы прошли. Но притяжение кино оказалось сильнее.

В. Епифанцев и П. Пирьев.

– Ваша работа сатирика началась с публикации фельетона в «Огоньке». А с чего началась работа в кино, каким был первый сценарий?

– Кинорежиссер Вениамин Дорман нас, что называется, завлек, и мы написали сценарий для его фильма «Штрафной удар».

– Там, если не ошибаюсь, участвовал Высоцкий?

– Я и привлек Высоцкого в этот фильм. «Штрафной удар» – наш первый сценарий. Потом, уже когда я начал работать с Морисом Слободским, Пырьев пригласил нас в сценарную мастерскую. Мы подали ему маленькие сценарии, называлось «Веселые истории». Пырьев сказал: «У меня для вас есть режиссер». А Гайдаю он сказал: «Леня, у меня для тебя есть сценаристы». Так он нас свел.

– К тому времени вы уже ушли из «Московского комсомольца»?

– Из «МК», с поста заведующего отделом культуры, я был изгнан каким-то новым начальником горкома ВЛКСМ в разгар государственного антисемитизма. Может быть, к моему счастью, потому что уже начал заниматься литературным трудом. В декабре 1952 года меня приняли в Союз писателей. Так что не было счастья, да несчастье помогло.

– **Расскажите, как вы привлекли Высоцкого в «Штрафной удар».**

– Однажды на студии Горького ко мне подходит человек, которого я едва знал. Это был Высоцкий. Он попросил убедить режиссера взять его на роль. Дорман то ли не хотел, то ли колебался. Я спрашиваю, какую роль он хочет. Высоцкий отвечает, что хотел бы играть в эпизоде, где человек впервые садится на лошадь: и без лошади показывает мне, как бы он сыграл в эпизоде... Высоцкого я не знал, но понял, что это именно то, что нужно для эпизода. Я рекомендовал его Дорману. Тогда он был неизвестным, каждая роль была нужна. Прошло много лет. Как-то надо было пригласить уже знаменитого Высоцкого в Центральный дом литераторов. Директор ЦДЛ говорит мне: «Позвони, если позвоню я, он откажет». Я набираю номер: «Владимир Семенович? Говорит Костюковский». – «Какой Владимир Семенович? Яков Аронович, да я помню, вы меня Вовкой звали». – «Приятно, что вы помните...» – «А я всё помню...»

– **Какой был ваш первый фильм с Гайдаем?**

– «Операция Ы». Моим соавтором был Морис Слободской.

– **1965 год, первая комедия с этим режиссером, и сразу же первая удача...**

– Может быть, и первая удача, но не самая большая. Больше всего зрителей собрала «Бриллиантовая рука». А мне дороже всех «Кавказская пленница», потому что она очень тяжело проходила. Все наши фильмы тяжело проходили, но она особенно. Ведь там не только был подвергнут критике, но еще и высмеян руководитель, товарищ Саахов, которого воспринимали как партийного работника. Естественно, все разрешающие инстанции уперлись. Фильм спасло то, что на «Мосфильм» позвонили из ЦК и попросили прислать новую комедию на выходные дни для Генерального секретаря... Им отдали никому не известную «Кавказскую пленницу», и Брежнев буйно хохотал весь выходной день! После этого судьба фильма была решена, его выпустили в прокат.

– **Такое впечатление, что фразы из ваших комедий, разошедшиеся и цитируемые так же, как фразы из комедии Грибоедова, в русском языке существовали всегда, настолько они ему соприродны.**

– Ни одной фразы, существовавшей до нас, ни одного чужого оборота в нашей комедии нет. Нет даже ни одной цитаты ни из одного анекдота! Всё это написали мы. Одну реплику, к сожалению, отстоять не удалось. Героиня Нонны Мордюковой в «Бриллиантовой руке» должна была сказать: «Я не удивлюсь, если выяснится, что ваш муж тайно посещает синагогу». Без согласия сценаристов и Гайдая «синагогу» заменили на «любовницу». Нам сказали: «Этой фразой вы поставили еврейский вопрос. И никак не ответили на него». Это был полный идиотизм. Во-первых, никакой еврейский вопрос мы не ставили и не собирались ставить. Во-вторых, как мы могли на него ответить? Разве можно ответить на еврейский вопрос?..

– **Для большинства зрителей любовница – более привычное явление, чем синагога...**

– Но дело заключается в том, что всё привычное комедии противопоставлено. «Тайно посещает любовницу» – естественная фраза в этой ситуации, она не вызовет никакой реакции. Вначале проверяющие предлагали – у них было свое понятие о юморе – заменить на «тайно посещает публичный дом», на что Гайдай им ответил: «Я знал, что в Москве существует синагога. Теперь от вас узнаю, что существует и публичный дом. Вы раскрыли мне глаза». Мы объяснили, что «публичный дом» никак не подходит по артикуляции. Тогда они сами заменили на привычную им «любовницу» и остались ужасно горды собой: «Вот видите, вы спорили, а вышло-то хорошо, иногда начальство надо слушать...»

Νέαα ίαί δαά:β. Είπὸ βείανέε, δάεείπιδ Α. Εάαί ίά Ι. Νείάάηεέ.

– Если судить по периодичности выхода – 1965, 1967, 1969 годы – ваши фильмы легко и безоблачно проходили цензуру.

– Какая безоблачность? Наши фильмы очень непросто проходили цензуру. Перед тем как фильм будет запущен, литературный сценарий должен был пройти девять (!) инстанций. После этого было еще несколько инстанций, где утверждался режиссерский сценарий. Потом утверждались актеры. Потом утверждались пробы. Потом, до монтажа, надо было показывать снятый материал. Его показывали на двух пленках: звук отдельно, изображение отдельно. Это делалось нарочно, чтобы легче было резать и одно, и другое. И уже, после монтажа, высокое проверяющее начальство смотрело готовый фильм. Вы себе не можете представить, какие были придирки! Вот несколько примеров.

Невинный фильм «Операция Ы». Там есть эпизод, когда актер Алексей Смирнов проскакивает дымный костер и превращается в негра. На шее у него изоляторы, как ожерелье... Эти кадры нам приказали выбросить потому... что обидятся народы Центральной Африки.

Когда Шурик готовится подвергнуть экзекуции верзилу, готовит розги, чтобы хлестать его по заднице, тот говорит: «Шурик, вы же комсомолец, может, не надо?» Шурик отвечает фразой, которая широко разошлась: «Надо, Федя, надо!» Оказалось, что в партийных кругах Федей называют Фиделя Кастро. Такая у него «партийная кличка» на цеховском жаргоне. Наши проверяющие сочли, что мы подвергаем публичной порке лидера кубинской революции.

После этого мы со Слободским клялись друг другу, что «в жизни» этим больше заниматься не будем. Ни денег, ни славы занятие комедией не давало. Премии и восторженные рецензии доставались историко-революционным фильмам. А нашим фильмам поначалу давали вторую, а то и третью категорию.

– Если вернуться к фразам, можете ли вы вспомнить, кто из вас что написал? Например, кто придумал «Руссо туристо, облик морале»?

– Мы ведь этого не фиксировали. И сейчас, через сорок лет, я просто не помню. Сколько вранья вокруг этих фраз! Я как-то взял высказывания актеров, операторов, декораторов, осветителей, помрежей, людей, имевших отношение к съемкам, но обойденных общественным вниманием. Оказывается, это они всё придумали, написали, поставили! Если верить их вранью, непонятно, зачем нужен был Гайдай, зачем нужны были Слободской и Костюковский. Самое интересное, что артисты, которые действительно способствовали тому, чтобы фразы «ушли в народ», Вицин, Смирнов, Никулин, Демьяненко никогда ничего себе не приписывали. Им вполне хватало собственных заслуг. Например, фразу: «Если я встану, ты ляжешь» можно произнести «невьигрышно», но Алексей Смирнов сказал ее так, что она «ушла в массы».

– Можете ли вы объяснить, почему та или иная фраза смешна?

– Не всегда. Например, мы считали, что фраза «Огласите весь список» из уст алкоголика уподобляет инструктаж в вырезвители профсоюзному или партийному собранию. И на этом стыке рождается смех. Я считаю, что очень трудно анализировать, почему смешно. Объяснить, почему человек плачет, сравнительно легко. У него боль, горе, потеря близкого – он плачет. Почему человек смеется, объяснить зачастую не-воз-мож-но. Почему смеется один, но не смеется другой и почему есть то, над чем они засмеются оба? Очень тяжело вывести эти законы. А самое главное – не надо их формулировать. Любая теоретизация дает так называемый «теоретический юмор», который мы, Гайдай, Слободской и я, люто ненавидели. Для нас самое страшное было, когда один что-то предлагал, а два других ему отвечали: «Это теоретический юмор». Мы исходили из того, что должна быть точная психологическая ситуация и точная привязка репризы к этой ситуации.

Работа с Гайдаем была для нас счастьем общения с «гроссмейстером» эксцентрической комедии. Это был абсолютно профессиональный труд. Гайдай участвовал в нашей работе, называл себя «приходящим сценаристом». Благодаря присутствию режиссера мы делали сразу режиссерский сценарий, его не приходилось переделывать. В одном из последних своих интервью Гайдай сказал, что, когда перестал работать с нами, у него больше не было таких удач, как эти три фильма. Я думаю, он необъективен, фильм «Иван Васильевич меняет профессию» – большая удача. Но он просто устал пробивать сквозь цензурные рогатки комедии на современные темы. Он подумал, что с экранизациями будет проще, поэтому появились «Двенадцать стульев» и «Иван Васильевич», где в основе булгаковская пьеса.

С дочерью Инной.

– Смотрите ли вы фильмы современных западных комедиографов? Интересны ли вам Тарантино и Вуди Аллен?

– Тарантино – нет, Вуди Аллен – да, очень. Я редко меняю свои пристрастия. Есть человек, которого я в детстве увидел на экране и полюбил на всю жизнь. Это Чарльз Спенсер Чаплин. Мне много богов не надо, я поклоняюсь одному. Он мне близок еще и тем, о ком он думал, когда делал свои фильмы. Было много замечательных комиков, все они вызывали смех. Но только Чаплин вызывал не только смех, но и слезы. А сейчас мне наиболее близок Вуди Аллен, хотя он работает в манере, отличной от манеры Чаплина. И в том и в другом есть человечность. Хотя Вуди Аллену уже много лет, он всё время в эксперименте, всё время меняется, не повторяет себя.

– Как бы вы определили жанр ваших с Гайдаем фильмов? Это комедия положений, сатирическая комедия?

– Неважно, в каком жанре работает сценарист. Если он чувствует, что человеческие качества могут лечь в основу сюжета, то это дорогого стоит. Работать в соавторстве тяжело. Но если есть понимание, для кого ты пишешь, если есть понимание – выражаясь высокопарно, – что такое добро и зло, и если есть понимание, что достойно того, чтобы тратить силы, то все недоразумения уходят на второй план.

Мы не претендовали на кинофестивали, на элитарность и восхищение критиков. Работали для тех, кого некоторые пренебрежительно называют «рядовым зрителем». Мы быстро осознали, что мы не

диссиденты, не взорвем строй, при котором люди живут тяжело и безрадостно. Но мы можем подарить им полтора часа юмора, чтобы на этот период зритель забылся, перестал думать о своих проблемах. Один человек сказал нам: «Но это же наркотик!» Да, наши фильмы дарили людям состояние эйфории на короткое время. Но неужели лучше, если человек забывается, напившись в подворотне? По-моему, лучше, если он забудется в кинозале, смеясь над комедией. Может быть, эти полтора часа помогут ему, когда он вернется к своему унылому, безрадостному существованию. Ведь смех обладает мощным терапевтическим действием.

Когда мы попадали в зал и видели, как люди счастливы, мы были счастливы с ними вместе. И это нас объединяло.

НЕБО НА ВСЕХ ОДНО

Ефим Гаммер

15 июня 1992 года в израильской газете «Наша страна» я прочел заметку о летчике Корданском, героически погибшем в 1943 году при налете на румынский порт Констанца. Вот она:

«Подвиг Гастелло повторил летчик-еврей Шика Абрамович Корданский. После окончания Ейской военной школы морских летчиков Шика совершил свой первый боевой вылет уже 22 июня 1941 года.

Затем его перевели в 36-й полк 63-й авиационной бригады. Очень скоро Шика стал командиром звена и участвовал во многих операциях над территорией Румынии...

28 сентября во время дневного полета он точно вывел свою эскадрилью к порту Констанца, где находились несколько немецких военных кораблей. Два из них удалось потопить. Но тогда по самолету Шики был открыт массированный зенитный огонь, и самолет вспыхнул.

Шика Корданский направил свой горящий самолет с оставшимися бомбами на палубу немецкого корабля.

Почти через 47 лет – 4 октября 1990 года – Шике Абрамовичу Корданскому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза за беспримерное мужество, проявленное в годы второй мировой войны. Его вдове и дочери были вручены грамота Героя и «Золотая Звезда».

Эта заметка напомнила мне о моем очерке «Небо на всех одно» – о штурмане Алексее Ключкине, участнике легендарного дневного налета на Констанцу. Очерк был опубликован в 1971 году латвийским издательством «Лиесма» в сборнике «В годы штурмовые».

Алексей Степанович Ключкин был удостоен звания Героя Советского Союза вскоре после рейда на Констанцу, когда находился в госпитале.

Пусть сегодня мой очерк, восстановленный с привлечением новых материалов, повернет время вспять и объединит разлученных смертью асов второй мировой – ведь небо и впрямь одно на всех.

* * *

Над Констанцей небо – яркий шелк. Солнце над Констанцей – как арбуз початый. Но из синей выси в землю вдавливаются тяжелый гул моторов. По аэродромам разносится «Ахтунг! Ахтунг!» По рулежкам бегут летчики, втискиваются в тесные кабины. И, вздымая клубы серой пыли, взмывают в воздух «мессершмитты». Ложатся на боевой курс. Но поздно. Сполохи разрывов охватывают нефтепирс. И небо становится рваным, искромсанным огнем, а море под ним – кровавым.

– Засуетились?! – желчно выдохнул Рыхлов и бросил бомбардировщик в вираж.

Тяжелый «бастон», американский самолет-торпедоносец, полученный по ленд-лизу, развернулся над городом, снизился. Порт надвигался, выросли нефтяные баки, корабли. А с ними и заградительный огонь. Небо грохотало, как жесть на ветру. Крупнокалиберные зенитки «эрликоны» кромсали облака.

– Леша! Как цель?

– Вижу...

Штурман Ключкин включил пулеметы. Приближалась развязка. Приближалось мгновение, ради которого сегодня утром, 28 сентября 1943 года, была поднята в воздух специально отобранная группа из лучших бомбардировщиков Черноморского флота.

Вражеский эсминец стремительно вырастал. На его палубе отчетливо виднелись черные фигурки моряков.

– Чего медлишь? Бросай!

– Не горячись. Рано.

– Ну, давай, Леша!

Клюшкин смолчал. Он выждал еще какую-то долю секунды: точный часовой механизм, заключенный в нем самом, не мог подвести. И вот кнопка электросбрасывателя торпеды податливо ушла вниз.

«Как оно?» – подумалось ему. Клюшкин видел: торпеда точно легла на курс. Но взрыва он не услышал. Взрыв вошел в него: в кабину самолета угодил снаряд. Осколком пробило каску. Боль раздирала тело, обволакивала, поглощала целиком. Хотелось кричать. И он кричал, не слыша собственных слов. Второй снаряд угодил в бронеспинку. Клюшкина выбило из кресла на пол. Он приподнялся, стараясь вновь угнездиться в кресле, чтобы не терять из виду Констанцу.

– Саша, ранен, – выговорил он с трудом.

Но вместо голоса командира до него донеслось скрежетание металла, замолкнувшее на самой визгливой ноте. «Что-то с мотором? Значит, конец!»

«Бастон» планировал над городом. Двигатели отказали: снаряд, разорвавшись в кабине летчика, искромсал приборную доску и перебил систему электропроводки, питающей приборы. Рыхлов едва удерживал самолет от падения. Бросив взгляд на порт, он уже зло приноравливался направить машину на немецкий корабль, над которым завис объятый пламенем бомбардировщик Шики Корданского.

– Корданский горит, – крикнул он Клюшкину.

Клюшкин стирал ладонью кровь с лица. Не думал, что ему доведется стать свидетелем смерти Шики, сокурсника по Ейской школе морских летчиков.

Самолет Корданского резко пошел вниз. «На таран! – понял Клюшкин. – У него же там бомб до черта!»

Немыслимой силы взрыв потряс порт.

«Бастон» сильно трянуло. И вдруг правый мотор, чихнув раз-другой, очнулся от летаргического сна. Взрывной волной его разбудило. Погибая, Шика Корданский вернул к жизни самолет Клюшкина. Такое бывает только на войне.

Рыхлов развернул машину – к вражескому аэродрому. Успеть проутюжить взлетные полосы, пока гитлеровцы не опомнились.

В стороне от него самолет-торпедоносец полковника Бидзинишвили, оставляя за собой шлейф густого дыма, врезался в нефтебаки.

Стрелок-радист доложил:

– Взлетают три истребителя.

«Мессерью» выходили на перехват. У Рыхлова оставались считанные секунды: надо было во что бы то ни стало заставить работать левый мотор. Иначе не уйти. По кабине разливался едкий дым горячей резины. Одной рукой придерживая штурвал, второй он пытался отсоединить проводничок, который от прямого попадания осколка замкнулся на корпус самолета. Пожар удалось предотвратить. Теперь нужно было расцепить остальные перепутанные проводники. Один, второй, третий... А вот и искомый...

– Ну, давай, милый, – уговаривал летчик мотор. И тот, в ответ на мольбу человеческую, зачастил на своем столь понятном авиаторам языке.

Самолет развернулся на море, вывернулся из-под удара истребителя и на бреющем полете пошел над водой.

Клюшкин постепенно приходил в себя. Казалось, вместе с ним из обморочного состояния выходит и боль, становясь всё несноснее. Он попытался перебинтовать голову, но от резкого движения опять потерял сознание. Второй раз очнулся с ударом самолета о землю.

«Что бы это значило?» Он хотел приподняться, но не мог сдвинуться с места. Вокруг была темень, пронизанная желтыми молниями, синими искрами, усеянная стремительно закручивающимися в точку спиральями. И будто звуковое оформление цветной фантазмагии – бравурная музыка духового оркестра. Она накатилась, оглушила и подавила. «Да что они, издеваются? С ума сошли? Кому эта музыка? Шике Корданскому? Полковнику Бидзинишвили? Да и сколько нас всего-то живых?»

Но музыка гремела, заполняла собой всё мировое пространство.

Этим маршем их провожали в полет...

А. Еберштейн.

1970 гг.

**** * ****

Задание было неожиданное, как, впрочем, многое на войне.

Жара в районе Геленджика – Новороссийска стояла несносная.

– Невмоготу, – приговаривал Саша Рыхлов, выливая на оголенное мускулистое тело ведро холодной воды. – А чего ты, Леша, водичкой не побалуешься?

– От солнца всё равно не спасешься. Привыкать к нему надо.

– И привык? Поделись опытом.

– Некогда. Гляди, вестовой.

Солдат подбежал к летчикам, козырнул.

– Комдив требует в штаб.

Рыхлов набросил гимнастерку, жестко опоясался ремнем, завел все складки за спину.

Погнав перед собой пустую консервную банку, они двинулись по широкому аэродромному полю. Банка, описав в воздухе полукруг, плюхнулась в воронку от снаряда.

В штабном блиндаже собрались асы торпедного удара с воздуха, лучшие летчики 36-го авиационного полка. Дело для них намечалось небывалое. Как поговаривали, операцию заказали «на самом

верху». В отместку за утверждения Геббельса о том, что русские летчики деморализованы, нагрузки дальних перелетов выдерживать не способны, да и самолетов, пригодных для этого, у них нет.

Склонившись над картой, летчики уточняли маршрут. Боевое задание было кратким: среди бела дня, в ясную безоблачную погоду пересечь Черное море, выйти на Констанцу и обрушить торпедный и бомбовый удар на порт, корабли, стоящие у причалов, уничтожить запасы горючего.

– А прикрытие? – спросил Шика Корданский.

– Прикрытия истребителей не будет, – ответил командир дивизии. – Наше оружие – внезапность и точный расчет. Геринг говорил, что съест собственную шляпу, если мы будем бомбить Берлин. Берлин мы бомбили. А шляпу он съел? То-то! Другой их врун по части пропаганды Геббельс твердит, что мы не способны совершать дальние перелеты. Вот нам и предоставлена возможность провести дальний перелет, чтобы Геббельс заткнулся и подавился шляпой Геринга. Затолкаем ему эту шляпу в глотку, а? Как думаете?

«Затолкаем...» – нестройно откликнулись летчики.

– Тогда слушай приказ!..

Они расходились по машинам, оживленно переговаривались, еще раз уточняли маршрут.

Сидя на парашюте у шасси, Клюшкин составлял штурманскую справку. Рядом с ним лежали планшет и карта. Вокруг уселись Миша Дюков, Шика Корданский со своими штурманами и Саша Рыхлов.

Еще раз учтены точки боевого развертывания, момент сброса торпеды. Констанца была перед ними, как на фотографии. Данные о вражеских судах, расположении цистерн с горючим были предоставлены 30-м разведполком.

– Ну, кажется, всё, – подытожил Рыхлов.

И, будто дожидаясь этой завершающей фразы, вдали показался вестовой.

– На митинг! На митинг! – созывал он всех.

Полковник Токарев, открывая митинг, посвященный предстоящему рейду, будто выполнял поручение Генштаба: держался излишне официально, время от времени поглядывал на незнакомого офицера из штаба армии, который будто штырь проглотил, фиксируя в уме каждое его слово.

– Такого в истории авиации еще не было!!! – расставлял восклицательные знаки полковник Токарев. – Первыми это делают советские летчики!!! Черноморцы!!! Вы!!!

А они стояли перед строем – шесть экипажей, лучшие из лучших, и думали, что им очень хочется жить, хочется вернуться назад. И дарить свои фотокарточки девчонкам из батальона аэродромного обслуживания, а не красоваться в траурной каемке на страницах фронтовых газет.

Прощаясь, ребята жали им руки.

Техник-лейтенант рыхловского «басто

на» Блударев протянул Клюшкину свою каску.

– Пригодится, – сказал он, – в небе-то. От осколков в самый раз. Ты там повнимательнее обзор веди.

– Не волнуйся, зевать не буду.

Самолеты готовы к вылету.

– От винтов!

– Есть от винтов!

Горганная медь духового оркестра провожала летчиков в полет. Только она, взамен истребителей, дана была им в сопровождение над Черным морем.

О. Еридані неєє.

* * *

Вместе со звуками марша один за другим оставляют взлетную полосу акулообразные самолеты. Впереди вырисовывается море. Буднично спокойное, оно лениво катит волны, легко различимые сквозь стеклянный пол штурманской кабины. Прошло ощущение скорости. Чудилось, бомбардировщик застыл в бескрайней голубизне воздуха. Сдвинув каску на затылок, штурман с благодарностью подумал о Жоре Блудареве. Парень хотел лететь с ними стрелком-радистом. Но не разрешили. А на него положиться можно. Достаточно вспомнить, как он спас самолет с ранеными, когда возвращался от партизан на Большую Землю... Шика Корданский тоже вытащил ребят с того света – весь свой экипаж. Сам ранен, в самолете две сотни пробоин, и ничего – дотянул до аэродрома... Невзначай вспомнив об однокашнике, с которым вместе учился в Ейской военной школе морских летчиков и впоследствии попал в 36-й авиационный полк, он посмотрел вперед – туда, где в авангарде шел его самолет.

Еврейское имя Шика было в новинку для курсанта Леши Клюшкина, и он называл Корданского на свой лад – Шуриком. Потом, правда, приновился к необычному имени...

На море нет приметных ориентиров, не с чем сверять карту. Определяться в воздухе не к чему. Этим занимается штурман ведущего торпедоносца. Готовиться к выходу на цель еще рано. Но на всякий случай Клюшкин вынул из планшета схему порта, внимательно посмотрел на нее, затем закрыл глаза.

Погода ухудшалась. Появились седые клубы облаков. Эскадрилья снизилась. Ритмичный гул моторов нагонял сон. Но Клюшкин отлично знал, насколько обманчиво это состояние.

Война имеет свою арифметику: она складывалась у старшего лейтенанта Клюшкина из более чем ста боевых вылетов, четырех потопленных транспортов, шести уничтоженных барж, трех сбитых самолетов, множества бомбовых ударов по вражеским аэродромам и различным коммуникациям. И вот теперь – путь на Констанцу. По расчетам, ей надлежало появиться на горизонте. Сонливость испарилась. Ларингофон донес голос радиста:

– Самолет справа!

Это был «гамбург» с его неуклюжими ногами-поплавками. Он шел в лоб, затем развернулся вправо, пытаясь с виража выйти в хвост эскадрильи. Только «гамбург» вышел из виража, как Афанасий Фокин, идущий впереди, развернул группу и повел ее на форсированной скорости в противоположную от Констанцы сторону.

«Хитер Афанасий, вздумал обдурить немца», – усмехнулся Клюшкин.

Фокин вновь развернул группу. Было ясно, что хитрость не удалась, немец не введен в заблуждение и дал знать своим о приближении эскадрильи торпедоносцев. На внезапность уже нельзя было рассчитывать.

* * *

Клюшкин пришел в себя, когда его выносили из приземлившегося самолета.

– Потерпи, всё будет в порядке, – услышал он голос Рыхлова.

– Спасибо, Саша, что домой привез, – вытолкнул из себя с трудом и опять «поплыл» в беспамятство.

Этим маршем провожали в полет шесть лучших экипажей Черноморского флота. Этой мелодией их и встречали. Но небо неохотно отпускает на землю тех, кто поднялся высоко над ней. Три самолета из шести небо не отпустило...

На аэродроме Клюшкину оказали первую медицинскую помощь. Но ранения были очень серьезны: эрликоновский снаряд, пройдясь по каске, выбил левый глаз. В правый попал осколок. Второй снаряд изуродовал левую руку, изрешетил осколками грудь.

Потребовалось срочное вмешательство специалиста-глазника.

– Возите его в Сочи, – сказал хирург Левин, – к профессору Сабурову. Это ученик самого Филатова, большой мастер.

Санитарный самолет подкатил к госпиталю. За штурвал сел Володя Рукавицын, один из немногих, кто без ранений вернулся из рейда на Констанцу. Опытный летчик легко поднял машину. Клюшкин не почувствовал взлета. Он лежал на носилках, с черной повязкой на глазах, и старался думать о чем-то постороннем. Внезапно набежала дурацкая, но довольно смешная мысль, что Геббельсу, пожалуй, сейчас еще хуже, если, конечно, ему в этот момент впихивают в глотку шляпу Геринга.

Начиная растягивать губы в улыбке, Клюшкин почувствовал резкую боль. Нет, лучше, как советовал доктор Левин, почаще вспоминать детство-юность. «Это целительно, – говорил он. – Нервных успокаивает, а тем, кто собирается на поправку, заговаривает боль».

Клюшкин входил в удивительный лабиринт памяти. Плутал-плутал, пока не вышел к чему-то определенному. К ощущению давней, застарелой обиды. Ему вновь было обидно, как много лет назад: он не попал в летчики! И кого винить? Себя? В чем? В том, что не занимался в аэроклубе? Нет этого аэроклуба в Орехово-Зуево! Есть только отставные авиаторы. Вместе с ними он работал на заводе «Карболит» и жил в одном общежитии. По вечерам они начинали, посмеиваясь, заводить дискуссии: в какие войска призовут Лешку?

– В авиацию! – горячился парнишка.

– Куда там! Кость тонка. Чтобы в летчики попасть, надо мускулы качать, здоровье наращивать. А ты... Посмотри на себя в зеркальце. С твоими данными тебе самый раз в пехтуру. Закатают тебя в шинелишку, винтарь в руки и напевай: «Сопки ваши стали наши».

1937 год для юного Лешки стал памятен вызовом на медкомиссию и невероятно счастливым: «Годен».

Однако его, не прошедшего аэроклубной подготовки, отправляют учиться не на летчика, а в школу младших авиаспециалистов, на Дальний Восток.

Началась жизнь курсантская. Поначалу будущие стрелки-радисты знакомились со скоростными бомбардировщиками по макетам, азбуку Морзе осваивали.

На тренажерах проводили стрельбы по движущейся мишени. Готовились к выходу в небо. По ночам чаще обычного снились взлетные полосы, капониры, ангары. Пришло назначение в Николаевск. Думал: «Учеба кончилась, наступает настоящая летная жизнь».

Но учиться пришлось вновь. Командир воздушного корабля Яков Чувеленков требовал от старшины Клюшкина истинного мастерства.

– В бою у тебя не спросят, знаешь ли ты теорию. В бою покажи практику. Иначе будешь не птицей реять над морем, а червей кормить под землей, – назидательно говорил он.

Реять птицей над морем... Да, именно этого и хотел Алексей Клюшкин. И поэтому, как только выдалась в полку разрядка, подал рапорт о направлении в Ейскую военную школу морских летчиков.

Опять медицинская комиссия. Изучали врачи Лешку, крутили на специальном стуле, прослушивали легкие и сердце. Всем хорош парень: крепок, вынослив, спортивен. Но снова подвело то, что не был он в аэроклубе.

– Учитесь на штурмана, – предложил председатель мандатной комиссии.

А почему бы и нет? Он решился.

Помчались дни занятий.

Ребята притирались друг к другу.

– Будем знакомы, Леша Клюшкин.

– Шика Корданский.

– Как? Шика?

– Шика...

– Ну, значит, и мы тут будем жить с Шиком, если вокруг такие ребята!

А ребята и впрямь были мировые. Дружили, ссорились, мирились. Знакомились с девушками. Отбивали самых красивых. И не предполагали, хоть и готовились к войне, что она разразится внезапно и многим из нынешних курсантов суждено будет сгореть в небе, так и не увидев Победу...

* * *

– Неплохо, неплохо, – раздался голос с соседней койки.

– Что «неплохо»? – не понял Клюшкин.

– Вел себя неплохо на операции. Док говорит, Сабуров. Тебя скальпелем, говорит, а ты стихами кроешь. Что-то о даме, которая – вот конфузия! – стала мамою. Видать, позабыв завести мужа. Твои, что ли? Поэт?

– Нет, – с трудом выдавил летчик. – Есенинские. Это любимые стихи Коли Пояркова – штурмана Рукавицына. Вместе на Констанцу летали.

– Того Рукавицына, что тебя в здешний лазарет определил?

– Точно.

– Он тебе шоколада привез да сгущенку...

Клюшкин лежал пластом. Хотелось кликнуть медсестру и спросить у нее главное: буду ли видеть? Она, конечно, постарается успокоить. Лишнее это, лишнее... Да и у профессора не вымолишь зрения... Надо ждать, когда снимут повязки. Ждать и держаться.

Клюшкин натянул на голову одеяло. Поморщился от боли и задал соседу, как казалось ему, ничего не значащий вопрос:

– А у тебя что?

– Не видишь, что ли... – парень вдруг осекся: – Ноги... Нет ног, приятель... Отрезали. Теперь из меня не матрос-краснофлотец, а так себе, тельник без двух якорей. В общем, преставился... – Он вдруг засмеялся. – Вернее, не я, а ноги мои преставились, в смысле, скакнули на тот свет. А я за ними не гонюсь. Куда мне за ними угнаться, безногому? Словом, будем знакомы, Валерий Бершадский с Одессы-мамы, здравствуйте вам!

* * *

Стояла поздняя осень. Золотые листья шелестели за окнами палаты. С каждым днем приходило всё больше и больше писем. В газете появилась статья о налете торпедоносцев на Констанцу, и это вызвало настоящий ажиотаж у лучшей части человечества, в локонах и косичках. Письма шли потоком.

Валера Бершадский читал девичьи послания вслух, сопровождая их солеными шуточками.

– С каждым днем у тебя невест прибавляется, Леша, – говорил он. – Одолжи хоть одну. Это ничего, что у меня под тельником два якоря оторваны. Не бойсь, я на третьем, как на мертвом приколе. Не посрамлю морскую пехоту.

Клюшкину было не до невест. Он бы всех «одолжил» Валере Бершадскому, лишь бы вернулось зрение. Приближался пятьдесят второй день заключения в непроглядной темноте, а с ним и снятие повязок.

Однажды доктор сказал:

– Ну-с, Алексей, сегодня будем видеть.

– Боюсь, – выдохнул Клюшкин.

Его повели длинными коридорами. А может, они не были настолько длинные, просто казалось так от волнения. Он шел, опираясь на руку врача. В памяти почему-то всплыл эпизод из довоенного фильма «Истребители». Летчику, потерявшему зрение, снимали повязки. Клюшкин тогда недоумевал: отчего тот боялся открыть глаза? А сейчас словно сам перенесся на экран: его усадили в кресло, сняли повязки...

– Открывайте глаза! – послышался повелительный голос Сабурова.

– Доктор, я буду видеть?

– Открывайте глаза, старший лейтенант!

– Какие глаза? Один выбит. Второй... У меня в живых только один и остался...

– Разговорчики!

И вдруг, будто бросаясь в пике, Клюшкин резко вздернул веки. Блестящие пуговицы сабуровского мундира засверкали перед ним, слепя, как трассирующие пули в ночи.

– Вижу!

– Что именно?

– Пуговицы, китель ваш...

– Какого он цвета?

– Белого.

– Еще что видите?

– Небо вижу за окном. Ваше лицо. Доктор, я вижу!

– Ну и молодцом, старшой. Теперь дайте глазам отдохнуть и сами не переутомляйтесь.

Опять повязки. Опять переход в палату. А там его уже ждал Рукавицын, прилетевший сообщить, что полк перебазирован на другой аэродром.

– Поправляйся скорей, – обрадованно говорил он, услышав, что к другу вернулось зрение. – И возвращайся. Все тебя ждут. И Саша Рыхлов, и Жора Блударев, и Леня Зимницкий, и Афанасий Фомин, и Коля Поярков... Все, кто покуда жив и здоров. А мы перелетаем в Скадовск, так что не скоро увидимся...

Они расстались. Долго еще Клюшкин стоял у открытого окна. Ждал, когда небо прочертит знакомое урчание мотора. Дождался. И взмахнул рукой в знак прощания, зная, что летчик в ответ помашет крыльями.

* * *

Снег плотно лежал на госпитальной крыше, пролысинами покрывал траву.

Старший лейтенант Клюшкин числился среди выздоравливающих. То и дело он тренировал левую руку, изуродованную осколком. Пальцы повиновались с трудом. Но Алексей заставлял их сгибаться. Для этого изобрел хитрый прием: рассыпал горох по столу, затем по горошине собирал его в коробку от папирос. Наполнял ее, и давай всё сначала.

– Ты как та бабка, что сеяла горох: прыг-скок, прыг-скок, – балагурил моряк Валера Бершадский. – Выписка в зубы, и чеши на бал-маскарад, с танцами-шманцами и ночными загулянцами. А мне... «расцветали яблони и груши»... Но только в песенном исполнении. Не растанцуешься...

Что тут скажешь? Участие «братишке» не требовалось...

Клюшкину показалось в палате неудобно. Он поднялся из-за стола и вышел во двор. Недавно он подал рапорт с просьбой разрешить ему долечиваться в полку.

– Ну какой из тебя морской летчик? – внушал ему Сабуров. – Одного глаза нет, второй с частичной потерей зрения. Не адмирал Нельсон, успеешь еще повоевать.

По чисто заметенным дорожкам ходили выздоравливающие. Кто опирался на тросточку, кто на сучковатую палку, а наиболее удачливые – на руку медсестры.

Клюшкин оглянулся на окно своей палаты. «Что-то стряслось! – екнуло под ложечкой, когда он увидел, что в комнату набилось народу – не продохнуть. – Неужто Валера Бершадский? Нет, не тот он человек, чтобы руки на себя накладывать!»

Клюшкин поспешил в палату.

– Что случилось? – спросил, увидев, что с Бершадским всё в полном порядке. Лежит себе на кровати, лыбится.

– Газеты читать надо, Леша! – многозначительно сказал Валера.

На столе рядом с рассыпанным горохом лежала армейская газета. Машинально начав переключать горошины в коробку, Клюшкин разглядывал первую полосу. Крупным шрифтом было напечатано:

«ΟΕΑC Ι ΒΑCΕΑΕΟΙ Α ΑΑΠΟΙΑΙ ΙΑΙ ΝΙ ΑΑΟΑ ΝΝΝΒ

Çà íáðáçüíáíá áíííéíáíéá áíááíü çáááíéé éíí áíáíááíéý íá öðííüá áíðíáíí ñ íáí áöééí é çáðááü÷ééáí é è íðýñááí íüá í ðé çüíí íüáááü è ááðíéíüáí í ðéíñíéüü çááí éá Ááðý Νí ááüíéíá Νí þçá ñ áðü÷áí éáí íðááíá Éáíéíá è í áááéé «Çíéíüáý Çáççá» éáü÷ééü íüáðüáí ö éáéüáí áí öó Ééþééíó Áéáéíþ Νüáí áí íáé÷ö».

* * *

Поезд ритмично подрагивал. Придорожные столбы стремительно проносились мимо окон. Клюшкин возвращался в полк. Он стоял в тамбуре вагона, мерно попыхивал папиросой.

– Закурить не дадите? – обратился к нему пожилой офицер, из штабистов.

– Пожалуйста.

Зацепившись о выдернутую из кармана пачку «Беломорканала», на пол упала почерневшая на сгибах бумажка. Клюшкин нагнулся, поднял ее. Это была давняя справка о количестве его боевых вылетов до мая 1942 года.

С такими справками прибывали на одну из засекреченных станций, где формировался 36-й авиационный полк, летчики со всей страны. Им предстояло осваивать американский двухмоторный бомбардировщик «бастон».

На этой станции вновь сошлись пути Алексея Клюшкина и Шики Корданского, там они обрели новых боевых друзей – Рыхлова, Рукавицына, Зимницкого, Фокина. Там они опять засели всей компанией за изучение матчасти и снова стали учиться взмывать в небо.

Клюшкину было легче других. До прибытия в 36-й полк он работал на перегонке «бастонов». Как челнок, носился между Ираном и СССР. Поставлял для фронта боевые машины, равных которым в то время не было.

Под Тегераном американцы выстроили крупный авиационный завод по сборке «бастонов», работа шла круглосуточно. День за днем на поток выходили десятки самолетов, настоящие летающие крепости, приходившие на смену советским тихоходам «ДБ-3Ф» и «ТБ-2». Им и предстояло нанести удар по Констанце.

* * *

Поезд замедлил ход.

Клюшкин сошел. В штабе полка надо отметить о прибытии, получить новый самолет. И – в бой, покой нам только снится...

Более полугодя прошло с момента атаки на Констанцу. Много изменилось с тех пор. Новые шрамы высекала война на лицах друзей-сослуживцев. Иных уже не досчитать, погиб и командир дивизии Токарев.

Поминая комдива, летчики до половины наполнили его стакан водкой, а сверху положили кусок черного хлеба.

Они пили горькую – за встречу, за будущую победу. И непременно за всех тех, кто шел с ними в безвозвратный полет на Констанцу, шел на верную смерть, чтобы по чьей-то причуде, либо Гитлера, либо Сталина, затолкать-таки в глотку Геббельсу шляпу фельдмаршала Геринга.

Декабрь, 1970 – Январь, 2005

И ЭТО ВСЁ О НЕМ...

Александр Блиндер

Собеседником моим был человек именитый. Президент Федерального союза адвокатов России А. П. Галоганов именовал его не иначе как одним из мэтров отечественной адвокатуры. Михаил Александрович Гофштейн в преклонные свои годы всё еще занимает ответственные посты в разных федеральных и региональных юридических учреждениях. Беседа с ним, предлагаемая читателям, воспроизводит лишь отдельные вехи жизненного пути этого незаурядного человека.

– Любая дорога начинается с первого шага. Михаил Александрович, расскажите немного о своих детских годах: они ведь, как известно, накладывают отпечаток на формирование человека.

– Попробую. На мой взгляд, сетовать на судьбу мне грешно. Как-то так получилось, что фортуна вела меня с самого детства праведной дорогой. Коренной москвич, я воспитывался в семье, которая изначально полагала, что, кроме отличных оценок, никаких других в учебе у меня быть не должно. Помню, как переживали родители, когда я принес из школы целых два «хорошо». Пришлось уже через неделю им в утешение принести по этим предметам «отлично».

Вообще приходилось постоянно «соответствовать». Потому и школу окончил с аттестатом отличника.

По настоянию матери, помнится, заучивал наизусть классические поэмы. Целиком. Потом «с выражением» декламировал их родителям и гостям, что, видно, предопределило любовь к сцене. С удовольствием участвовал в школьной художественной самодеятельности, в разного рода районных конкурсах чтецов-декламаторов. Увлечение сценой неожиданно привело меня даже в Кремль, где на торжественном заседании, посвященном очередной знаменательной дате, выступали «юные дарования».

Не позабыл я и то выступление в кремлевском зале, которое осчастливил своим присутствием «великий вождь и учитель». Через несколько дней в какой-то центральной газете была опубликована фотография, запечатлевшая торжественное действо и, в частности, ребяташек. В качестве поощрения нас, юных декламаторов, записали в Дом пионеров, где в студии художественного чтения с нами занималась Мария Гавриловна Бовшек. Та самая, у которой учился Яхонтов.

Тогда же меня пригласили в Центральный детский театр, которым руководила знаменитая Наталья Ильинична Сац. Мне довелось несколько раз побывать у нее дома. «Тебе, Миша, непременно надо продолжать учебу, не оставляй сцену. Есть у тебя задатки», – напутствовала она меня. Помню, как переживал я арест Натальи Ильиничны. Много лет пришлось провести ей за колючей проволокой, пока не реабилитировали...

Школьное увлечение сценой, казалось, предопределило будущее. Но в старших классах мною овладело совершенно необъяснимое желание пойти на военную службу. Родители категорически возражали. Считали, что я могу стать артистом. Но я настоял на своем: мол, в училище меня направляет «руководство».

– Михаил Александрович, судя по многочисленным воинским наградам, о войне вы знаете не понаслышке. Уверен, воспоминаний у вас немало...

– Это истинная правда. На фронт я попал в марте 1942-го, после окончания ускоренного курса Московского краснознаменного артиллерийского училища. Во время войны оно называлось гвардейским минометно-артиллерийским.

Первая батарея «катюш» (установок залпового огня) приняла участие в боях уже в июле 1941-го. Но мы, курсанты, конечно, тогда еще не знали, что это такое, хотя и видели во дворе училища зачехленные стволы. Близко к ним никого в то время не подпускали. Мое первое знакомство с «катюшами» состоялось на московской Ходынке. Там нам дали первые уроки управления ими. Оказалось, это проще, чем мы предполагали. Овладев новым оружием, мы выехали в Серебряный Бор: там была наша огневая позиция на случай прорыва немцев к Москве. К счастью, этого не случилось, и мы вернулись доучиваться.

Непосредственно в военных действиях я участвовал в составе 8-го гвардейского минометно-артиллерийского дивизиона «катюш». Помню, загрузились мы по дороге на фронт на станции Долгоруково и поехали в направлении Клинца. Боевым крещением стала страшная бомбардировка при разгрузке. Видно, немцы что-то прознали о нашем передвижении. Казалось, вздыбилась вся земля окрест. Ко мне подбежал комдив: «Немедленно убрать все машины со станции! Немедленно! Вон в тот лес!» И хотя трудно было даже голову поднять – убрали, вывели. Там и переждали бомбежку.

Начались бесконечные скитания по лесам. Я по-мальчишески ждал: когда же начнем стрелять? Этот день наступил 12 июля 1942-го. Отстрелявшись, машины под бомбежкой на предельной скорости мчались по раздолбанной дороге на новую позицию. Бомбы рвались впереди и сзади, казалось, каждая нацелена именно на тебя. В бешеной скачке я на миг приподнялся с сиденья – убедиться, что задние машины идут за нами. И тут очередной взрыв вблизи! Воздушный смерч сорвал с головы фуражку и выбросил ее на обочину. Водитель вопросительно глянул на меня. «Вперед! – прокричал я. – Вперед!»

И тут вижу: остановилась следовавшая за нами машина. Вышел командир орудия, не спеша, не обращая внимания на рвущиеся рядом бомбы, нагнулся, поднял фуражку, отряхнул с нее комья земли и вернулся в кабину.

Пустяк? Мелкий незначительный факт? Как бы не так. Я с его помощью целую философию выстроил. Урок мне был преподан самый что ни на есть наглядный. В любых обстоятельствах офицер обязан сохранять спокойствие.

Сохранился в памяти удивительный случай. То было 17 декабря 1943 года. Тогда я уже командовал гвардейской батареей «катюш» в составе 5-й гвардейской танковой армии. Мы с комдивизиона подошли к сараю, где находилась рация. Внезапно воздух сотряс оглушительный взрыв. Оказалось, прямо на то место, где мы находились, сбросил бомбу немецкий самолет типа нашего У-2. У него был бесшумный полет. Меня оглушило, ослепило, но, представьте, – ни царапины на теле. Разве только вот осколком расплосовало полущубок. Погиб командир дивизиона, получили ранения еще несколько солдат. Таковы превратности судьбы...

Еще один эпизод. Было это на Украине, в районе Кировограда, близ узловой станции Знаменка. Немцы там так прочно закрепились, что наши танки вынуждены были стать на прикол. Приостановилось наступление армии. И командование поставило задачу, выполнение которой было сопряжено с небывалым риском. В Знаменке находились огромные немецкие склады боеприпасов и оружия. Поразить их огнем наших реактивных снарядов с позиций у передовой не могли – не доставали. Оставалась лишь возможность ударить по этим складам со стороны немецких тылов. Для этого надо было переправить наши «катюши» через линию фронта. Но как? Начальник инженерной службы армии предложил план.

Между двумя деревнями на переднем крае было замерзшее, сплошь заминированное болото. Командарм приказал сделать проходы через минное поле и переправить одну батарею «катюш» в немецкий тыл. Выбор пал на батарею, которой командовал я.

По ту сторону передовой действовали наши партизаны. Они готовы были, по данным разведки, оказать нам возможную помощь.

Батарея выехала. Однако противник встретил нас таким массированным огнем, что до ночи о движении и думать было нельзя. Немцы ведь, как известно, отличаются педантизмом. И на фронте они придерживались правила: ночь – для сна. Когда огонь поутих, мы направили машины к месту прохода. Там

батарею уже поджидали саперы. И наши машины, двигаясь со скоростью катафалка, благополучно достигли назначенного места.

Необычность этого рейда была очевидна всем. Никогда, ни на минуту не задерживались мы на позиции, с которой вели огонь. Противник вел за «катюшами» постоянную охоту. Захват же нашего грозного оружия был чреват неисчислимыми бедами. Для всех. А тут такое – сами пожаловали во вражеский тыл. Но сработал тщательно разработанный план, расписанный по минутам. И всё удалось наилучшим образом. То была операция, достойная изучения в военных академиях.

Два залпа дали по Знаменке. С ужасающей силой там начали рваться боеприпасы на складах, в небо взметнулось пламя пожара. Следующие два залпа завершили операцию. Меня наградили орденом Отечественной войны, чем немало горжусь.

– У вас есть и другие боевые награды?

– Сначала дали медаль «За боевые заслуги». За взятие Харькова. Представлен был к ордену Красной Звезды. Но к тому времени город опять сдали, и достоинство наград всем, представленным к награждению, снизили. Потом наградили орденом Красной Звезды и еще одним орденом Отечественной войны. Войну закончил под германским городом Штеттин в звании капитана.

Ἐπεὶ «ἐὰν φεῖ». Ἴνεὶ τὴ ὀφείλοισιν οἰοτεῖσθαι ἴσασιν ὁ ἄ. Οὐδένα δὲ

Ἰ ἀλλὰ καὶ ἴδασιν αἱ ἐβδασιν τῶν ἑταίρων αἱ ἐ, Ἰ ὁ ἀπὸ αἱ ἴτε αἱ εἰ ὁ Ἰ ἡ δασιν αἱ ἐ.

– Не успел, кажется, оглянуться, – говорит мой собеседник, – а отсчитано уже более полувека работы в адвокатуре...

С институтских времен юриспруденция стала моей судьбой, самой жизнью. Отдавал ей себя полностью и без остатка.

Это и в самом деле так. То же рассказывали мне многие коллеги М. Гофштейна. Некоторые определяли его отношение к избранной профессии словом «одержимость».

Ἰὶ ἁ ἀγαθῶν ἀνδρῶν οὐκ ἔστιν ἡ ἀνάγκη τὸν δαίμονα εἶναι ἰσχυρὸν ἢ τὴν ἀρετὴν τὸν ἀνδρῶν. Ἄρα οὐκ ἔστιν ἡ ἀνάγκη τὸν δαίμονα εἶναι ἰσχυρὸν ἢ τὴν ἀρετὴν τὸν ἀνδρῶν.

- Ἰ, Ἰεσοῦ ἀπὸ τῆς ἰσχυρῆς ἀρετῆς τὸν δαίμονα, - ἀπερὶ τοῦ - Ἐπεὶ οὐκ ἔστιν ἡ ἀνάγκη τὸν δαίμονα εἶναι ἰσχυρὸν ἢ τὴν ἀρετὴν τὸν ἀνδρῶν. Ἄρα οὐκ ἔστιν ἡ ἀνάγκη τὸν δαίμονα εἶναι ἰσχυρὸν ἢ τὴν ἀρετὴν τὸν ἀνδρῶν. Ἄρα οὐκ ἔστιν ἡ ἀνάγκη τὸν δαίμονα εἶναι ἰσχυρὸν ἢ τὴν ἀρετὴν τὸν ἀνδρῶν. Ἄρα οὐκ ἔστιν ἡ ἀνάγκη τὸν δαίμονα εἶναι ἰσχυρὸν ἢ τὴν ἀρετὴν τὸν ἀνδρῶν.

Ἰὶ ἱερ, ὁ ἀρετῆς ἡ ἀρετῆς εἶναι οὐκ ἔστιν ἡ ἀρετῆς «Ἰὰ ἀρετῆς «Ἄρε», ἡ ἀρετῆς ἡ ἀρετῆς «Ἄρε» («Ἄρε» ἡ ἀρετῆς - «Ἄρε» ἡ ἀρετῆς)». Ἄρα οὐκ ἔστιν ἡ ἀνάγκη τὸν δαίμονα εἶναι ἰσχυρὸν ἢ τὴν ἀρετὴν τὸν ἀνδρῶν.

– Поговорим о вашей адвокатской деятельности...

– Хотите, расскажу о деле болгарского гражданина Сергея Антонова? Его обвинили в покушении на Папу Римского Иоанна Павла II. Об этом «преступлении века» сообщали все газеты мира. Турецкий террорист Агджа, задержанный на месте, дал показания об участии в покушении на папу болгарских граждан. Стали говорить и о причастности наших спецслужб к этому гнусному делу.

В Москве был создан национальный комитет в защиту Сергея Антонова.

«Стержнем» комитета стала рабочая группа из специалистов в области уголовного права. В ее составе был и я – кстати, единственный адвокат. Уголовно-процессуальные нормы Италии исключали участие в процессе иностранных адвокатов. Работать пришлось в Софии. В болгарский МИД, где мы трудились, из Рима ежедневно поступала стенограмма состоявшегося накануне судебного заседания. В тот же день болгарская группа посылала из Софии рекомендации итальянским адвокатам. Мне поручили составлять еженедельные информации о ходе процесса. Они докладывались политическому руководству СССР.

О масштабах этого дела говорит хотя бы то, что обвинительное заключение было изложено на тысяче листов.

Понемногу выяснилось, что адвокаты, защищавшие Антонова в суде, оказались не слишком серьезными профессионалами. Помнится, глава болгарского правительства Тодор Живков, узнав об ошибках защитников, схватился за голову. Тут же обратился к нам – помогите!

Мы напрягли все свои силы. Благо (весьма, правда, сложными путями) мне удалось привлечь внимание суда к одному обстоятельству, позволившему неопровержимо доказать алиби Антонова. В противном случае отрицательные последствия процесса, по мнению нашей группы, трудно было бы переоценить.

Повторяю: дело было крайне сложным. До

статочно сказать, что террориста Агджу, приговоренного впоследствии к пожизненному лишению свободы, допрашивали 93 раза; 103 раза он изменял данные ранее показания. Мой личный вклад в борьбу за оправдательный приговор заключался в реализации идей, которые были сформулированы мною на разных стадиях судебного процесса*.

Еще одно надолго запомнившееся дело. Ко мне обратилась жительница подмосковного поселка Мария Бахирева (имя и фамилия изменены. – Ред.). Ее обвинили в убийстве новорожденного ребенка. Женщина утверждала, что никакой вины на ней нет, хотя труп обнаружили под полом квартиры. Бахирева не отрицала, что рожала дома. У нее было трое детей, воспитывала она их одна.

В ту пору аборт у нас были запрещены, да и спохватилась Мария слишком поздно. Едва начались родовые схватки, она, по ее словам, схватила со стола ножницы, чтобы перерезать пуповину, и забралась на горячую деревенскую печь. Когда выходил плод, потеряла сознание. Потом на мгновение очнулась, перерезала пуповину и тут же вновь впала в забытие. Придя в себя, увидела, что ребенок мертв. Очень испугалась и спрятала труп под полом.

Заподозрив неладное, соседи сообщили в милицию. Так нашли тело ребенка. Началось следствие. В протоколе допроса указывалось, что ребенок либо истек кровью, либо мать его задушила. Поскольку Бахиреву обвиняли в умышленном убийстве, главным был вопрос: в каком состоянии ребенок появился на свет – живым или мертвым?

Как велит закон, сделали легочную пробу, обычную в таких случаях. Если ребенок мертв, его легкие не всплывают на поверхность воды. Не всплыли. Вывод следствия – убийство. Так ли это? Пришлось надолго засесть в библиотеку. Перелопатил груды юридической литературы, медицинских справочников. И вот она, удача! Отыскал заключение ученых по аналогичному факту, оно стало решающим в судьбе моей подзащитной.

Дело в том, что легочную пробу ни в коем случае нельзя было делать на разложившемся трупе (а он пролежал в земле более двух недель). Несостоятельность обвинения была подтверждена еще одним аргументом: в местной поликлинике мне выдали справку, что обвиняемая неоднократно обращалась туда по поводу острой сердечной недостаточности. Стало быть, потеря сознания при родах была вполне вероятной.

Суд оправдал Бахиреву, и вышестоящая инстанция оставила приговор в силе.

– Михаил Александрович, может, припомните еще какое-либо интересное дело? А заодно скажите, как часто удавалось вам выигрывать дела по обвинению в убийстве?

– Доля таких дел в моей практике составляет примерно 75–80 процентов. Люблю принимать на себя защиту на стадии кассационного рассмотрения в судах второй инстанции. Там нагляднее просматриваются все огрехи следствия и суда. Я провел более десятка дел со смертными приговорами, и только по двум из них приговоры, вынесенные судами первой инстанции, оставлены в силе.

Вот еще один сюжет. Муж с женой мирно спали в своей квартире. Какой-то сукин сын проник туда через окно. Женщина проснулась, вскрикнула. Преступник тут же нанес ей удар ножом (не смертельный), а потом покончил с ее супругом. Прихватив деньги и ценности, удрал.

Через некоторое время схватили какого-то человека и показали его женщине. Та опознала в нем преступника, сказала, что тот был такого же роста, тоже в калошах, подвязанных веревками, и тоже в плащ-палатке. Человека предали суду. Ему грозила смертная казнь. В суде он говорил: «Посмотрите, у нас полдеревни ходит в таких калошах, и в плащ-палатках многие ходят» (это были послевоенные годы). Суд направил дело на доследование.

Нашли еще одного подозреваемого. Снова опознание, и снова женщина признала убийцу. Первого выпустили, второго приговорили к смертной казни. В Верховном суде я говорил: как же так, женщина указала на одного, потом на другого, но при этом не сообщила ни одной серьезной улики. Плащ-палатка, калоши... Между тем по времени совершения убийства и ограбления выходило, что мой подзащитный имел неопровержимое алиби. В деле были и другие несоответствия.

Верховный суд отменил решение, направил дело на новое рассмотрение. Опять смертная казнь! И всё-таки в финале – оправдательный приговор за недоказанность состава преступления.

...Не так давно Михаил Александрович Гофштейн, фронтовик, заслуженный юрист республики, почетный адвокат Российской Федерации, вице-президент Международного содружества адвокатов и Московской областной палаты адвокатов, кавалер Золотой медали имени Плевако, отметил свой юбилей. На торжестве, устроенном по этому случаю, понятное дело, прозвучало множество самых сердечных слов и добрых пожеланий...

** Έφτασε στα 96 ετών ο Ι. Α. Αϊθωποπούλος, ο οποίος υπηρέτησε στα Έφιας της Γαλλίας II αλλά και στην Ελλάδα. Ο παππούς του είναι ο Αϊθωποπούλος Ιωάννης - παππούς του Εδουάρδου Ι Αδόφου II του Βελγίου και ο παππούς του είναι ο Αϊθωποπούλος Αλέξανδρος.*

«МЕНЯ МЕЛОДИЯ ЗАВЕРТИТ...»

Марк Харитонов

9 октября этого года Илье Янкеlevичу Габаю (1935–1973) исполнилось бы семьдесят лет. Я уже писал на страницах журнала «Лехаим» о личности и драматической судьбе этого замечательного человека и педагога, чья самоотверженная правозащитная деятельность стала теперь широко известна. Меньше знают читатели его незаурядную поэзию. Немногочисленные стихи Габая опубликованы преимущественно в малотиражных сборниках, изданных после его смерти усилиями друзей, да и то уже достаточно давно. Между тем жизнь и судьба Габая неотделимы от этой поэзии, только она позволяет проникнуть в его внутренний мир, понять его по-настоящему.

Габай был поэт по душевной организации своей. Стихами он жил, стихи были для него естественной формой самовыражения. Писал он редко, но сразу – ему было ведомо вдохновение.

*Î áíÿ ï æíæÿ çàáðòèò,
Êæè ááðáð - ãðíòí:éó çíèù.
B áúúó áÿòíé ïáíí á ááððà
Ïáí:éíéíé, ïíáíÿòíé ñçáí èè.
Êá:ó! Ê çíá:èò: áíí èç éíæé,
Áíí èç ñáÿ, èç ïáíòÿéíá
Èç áááí èã, íà ñòèðèé ïíóíæèã
È áñ æáÿéíáí ñòèðíá*

К написанному он почти не возвращался, хотя всё время говорил, что надо бы еще поработать над ними, пошлифовать. Отчасти это объяснялось тем, что он быстро вырастал из давних строк и не мог вызвать в себе прежнего интереса к ним. Нередко причиной бывали обстоятельства.

«Думаю, что на шлифовку ее (поэмы “Выбранные места”. – М. Х.) не хватит никаких сил и времени, – писал он мне в 1971 году из лагеря близ Кемерово, где отбывал трехлетнее заключение за свои правозащитные выступления, – для того, чтобы сейчас ее писать, я и так должен был поступиться кое-

какими удобствами, пойти на некоторые, невозможные долго вещи». Наверно, лишь побывавшие в лагере, и в лагере общем, уголовном, смогут оценить, что кроется за словечком об «удобствах». «И это жаль, – добавлял он в другом письме: – Мне сейчас как-то ясны неудовлетворительные для меня места... Можно бы и переделать или написать заново – но где уж сейчас!»

Мне порой бывала досадна небрежность в его обращении со словом, которой при его технике нетрудно бы избежать; стих его иногда звучал недостаточно вразумительно, темно, почти зашифровано. Сам Габай не только не отклонял упреки в косноязычии, но не без вызова утверждал его как некий поэтический принцип:

В ієо́а́ е́ае́ п̄а́аі́ е́ м̄і́ѳ̄,

Е́п̄і́ ѱ̄ѳ̄і́і́, і́а́ а́а́п̄і́

Косноязычие это было иного рода, чем знаменитое пастернаковское, возникавшее от переизбытка, напора всего, что просилось в стих, когда вспыхнувшие в озарении слова мгновенно застывают в немислимом соседстве друг с другом, одним своим соприкосновением порождая превосходящий грамматику смысл. Но оно и не происходило от версификаторской слабости автора. Порой казалось, что ему, с ранних лет жившему в мире созвучий и ритмов, проще изъясняться стихами, нежели прозой, – так легки и блистательны бывали его стихотворные экспромты. Он отдал свою дань формальным находкам, звукописи, но в зрелых стихах уходил от этого сознательно – словно боясь «променять на живость слов живую боль и душу живу».

Тут было не пренебрежение художественным совершенством, но чувство, что человек, которому надо выкрикнуть что-то жизненно важное, меньше всего станет заботиться о выверенной интонации или удачном решении:

Вѳ̄і́е́ і́п̄а́і́ і́а́ і́ѳ̄ѳ̄і́:а́а́а́ і́ѳ̄е́:а́е́,

Вѳ̄і́е́ і́ а́п̄і́е́, ѱ̄ѳ̄і́е́ ѳ̄а́е́е́...

Повторю здесь уже написанное однажды: такое отношение к поэзии кажется мне связанным с древнейшей духовной традицией – традицией еврейских пророков, «людей, которые не занимались “литературным трудом”», а жили неотделимо от своих слов, и слова эти были самовыражением, но не самореализацией профессионалов:

І́а́ п̄а́а́о́е́п̄а́ е́ ѳ̄і́а́е́а́ п̄о́е́ѳ̄е́,

А́ А́-а́а́а́ѳ̄і́ і́а́а́ і́а́а́ і́ѳ̄е́ѳ̄і́а́.

Они жгли сердца – разжигая от своего собственного. Они размышляли, предостерегали, звали, обличали, скорбели, переливая душу в дымящиеся строки:

І́і́ѳ̄і́ ѳ̄:ѳ̄і́ м̄і́ ѳ̄п̄а́ а́ п̄і́і́а́ і́а́ѳ̄,

А́ і́ѳ̄а́а́а́ ѳ̄і́е́і́і́ а́ п̄ѳ̄і́а́ е́ѳ̄е́а́ е́е́е́:а́

В ноябре 1970 года Габай написал мне из лагеря о замысле поэмы, которую он назвал «Выбранные места» (она строилась, по аналогии со знаменитым гоголевским сочинением, в форме писем друзьям). Это опять, по его словам, была «попытка углубления вечных (для меня) тем, спора с самой собой, но боюсь, что каждый раз и теза, и антитеза будет слишком категорична – и потому схематична». Некоторые главки поэмы он потом присылал мне в письмах – и следом жалел об этом, боялся, что фрагмент будет неверно понят: «...без контекста, без оспаривания и опровержения чего-то высказанного (так у меня построено) буду понят неполно и превратно».

Это относится ко всему, что он писал.

Стихи Габая – вечное самоопровержение, «за» и «против», вечное «ясно – не ясно» (так была озаглавлена его юношеская поэма), словно две половинки собственного существа были не в ладах одна с

другой. Случалось, я запоминал иные его понравившиеся мне суждения и время спустя повторял их в разговоре. Габай почти всегда опровергал их, забыв, что опровергает собственную недавнюю мысль.

Он был слишком глубок, чтобы всякий раз не видеть другой стороны истины, слишком честен, чтобы удовлетвориться компромиссом. Ни одна мысль или тезис не становятся у него окончательными, не выражают сполна того, что он хочет сказать. Отсюда всегдашнее тяготение Габая к большим поэмам с бесконечным, открытым варьированием мотивов; в кратком стихе не всегда удавалось быть цельным.

Αδααρ δα δααί ου Α. Νεαοδα ε εΙ εαΙ Ε. Ααααυ «Ι ιππ ο».

Счет его к самому себе был труден – соразмерял ли он посильность своей ноши? Чтобы быть нетрагичным в трагической действительности, надо либо обладать известной степенью толстокожести и поверхностности, либо возвыситься до некоего надличного представления о мире, как о вечном и неизбежном круговороте жизни и смерти, радости и страданий – представления, не знающего ни страха перед миром, ни отрицания, ни оправдания его. Крушение отдельной человеческой судьбы выглядит тогда частной дисгармонией внутри гармонического целого; ценность ее относительна, все происходящее имеет свой смысл. Такая мудрая примиренность с судьбой тоже не дается без потерь. Страсть, любовь порождены напряжением, которое говорит об утрате целостности; не всякому дано прорваться к гармонии через напряжение и разрыв, можно считать целостностью и отсутствие страсти, неспособность к истовому жизненному поиску. Возможно самодовольство, самолюбование в трагизме; искусство нередко служит зеркалом такого самолюбования. Это мироощущение заведомо отказывается от поисков выхода, считая его иллюзорным, зато находит нравственно сомнительное утешение в чувстве превосходства над другими, не способными к столь героической позиции. Этот аристократический эстетизм высокомерен и лишен любви; он знает лишь о своем страдании.

Не об этом ли, среди прочего, вел напряженный спор со своими оппонентами библейский Иов, проблематика которого была Габаю особенно близка? «Книга Иова» – именно так назвал он свою незаконченную поэму. Незадолго перед смертью он думал о ее продолжении; я видел среди оставленных им записей нечто вроде конспекта этой книги.

В стихах Габая нет примирения с жизненным трагизмом, притягия его, столь близкого равнодушию. Терпя в своем поиске поражение за поражением, он не отказывается от него – он не верит в право души не искать выхода из противоречий:

Νααηδè - ιι ατ ααε ιι εαε ηαηδè?

Ευε δαααε - ιι αα αα ιαεοè?..

Он так и не сумел свести воедино свой трагически-разорванный мир. Тот, кто считает, что ему это удалось, пусть спросит себя: какой ценой?

Предлагаю читателям «Лехаима» подборку ранних, написанных почти полувека назад и до сих пор мало кем прочитанных стихов Ильи Габая.

ÈÇ ÖÈÈÈÀ «ÁÁÐÁËÑÈÈÁ Ì ÁËÌÄÈÈ»

Ì äëìäèÿ

Ææáí í à èèè í ææáí í à
Í í ò ù, í ðáðáá áí ááí í é äëäáæ,
Èæè áí æäü, áí çí èéí áøü èç ò ùí áí à
È çàèèáí ò í áøü ì áíÿ, èæè áí æäü
Èæè í áí í æ ááçè þáí í é ñò áí è,
Ì áíÿ, í áí áí í áÿ, ì áíÿ,
Ò ùí áí çáááøü á è í ò þ ñò áí áí ü
Í áí óçí èæüü í áí ì áíÿ.
Ì áíÿ ì äëìäèÿ çáááðò èò,
Èæè ááò áð - áí ðí ò í :-éó çí èü,
B áááó á ÿò í é í áí á ááò ðá
Í áí:-èí èí é, í í áí ÿò í é ñ çáí èè.
Èá:-ó! È çí á:-èò: áí í èç èí æè,
Áí í èç ñááÿ, èç í óí ò ÿ é í á
Èç áááí èð, í á ñò èð è í í ò í æ èð,
È áí æ á ÿ é í á ú ñò è ò í á
È ì í á, í áí:-èí è á ááçí çááí ò í í é,
Çááí áò ü, èæè ñò ðáí áí è áí ù ó á,
È á ÿò í ì çè ááí ú á í áí áí
Ì í á áááò áí è áíÿ ì áø àò ü
Ì áø àò ü ì ð è ò í é :-áæ èð ÿí í ò é é,
È áí ì í ú é :-áæ áð í áí ú é çáèí,
È ááæ á ÿò í ò ì è èü é Ì í ò áð ò,
x ò í ñ è è é ì áí æ
á è í í ò áð ò í ú é çáè.
B áááó áááí í í áí é áááí

B ááó ãî ëîî àòù ì áíyòù.

È ááòáíííéí ó ÷òí ý- Ñáéüáðé,

×òí òù óóíáèóüíò ì áíý.

28 èpèy 1961

Ñí í í áã àòèòá

Yòíò èàì áíü- ñéíáí í èàì áíüí ðíáíúé.

Òù í á çí ááóü í ðí:íúé íí, í á í ðí:íúé.

Òù áã í á àèääé, í á àèääé,

òù á áã óçíòù í á áí éáòáé

íáíé óçíð- ááòí ááòó í:ááéáòá

Í í ííyòù ááíííííé áíéáíé í í:ùp

òù í ðí:áé, í ðí:óáòó áí ááé áí í:ùp

ýòé áóéáí, ñò ðí áéá èáé èéòá

Í ðí:èòáé? È íííyè? Í á ííðà èè

éíí:èòù çàòýí óáóééíý í ðéááé?

Òù í í èàì íp, èáé í í éí èáá Áðáéý,

í áéüüàì è í áçý:èì è í ðí ááé.

Òù í ðéóáé, óíò áéüé, í í éðíé,

áýçí úé,

è óááá í áéíí í ééó áááí áí,

ááòáííò éòù éáííí í ðáááá

òáó ááçéáíí úò

áéáíí úó, èáé èñòíðéý, í éííü áí.

*Èæèáíá, èðáñèáíá, èàé áíæ,
í èññí áí á (á í íæáò, áðíáí èé ñò èõ?).*

*Òàé áðááè íí òí àòíáíé áí ðíáí
òú æáíáí òí òàé íí íáé áðáíò è.
Áóéáí ñáéðáðòí, èàé á òáí áí,
èàé á í íèè òáí -*

*á çáóí úáí íñò ú ñéí á
Á íááí, áæí-ñéí áí, èàé òàéèñ
í ðý:áò èàí áí ú ñò áð:áíéçð í éí òú*

*Òú í íéááòú íí ðíáíç,
íí ðááí éí á,
áá-òí í ò ñááí áí á ñò í ðí á*

*í óáí íé, ñéí áí í í ðí í íááí ðááé í á,
áíéçð áí ðí áí é è ñò áðé í á
Á íí òú í í: óáí ò áááòú ðí ò àéí ñò ú -*

*í áéðáé áú óáí úá - è èáò è!
Áóááò í á í ðé ááéíí, á ò ò óááéíí
í óááí é è áí ð: èé áí é í áá ò è ò.*

*Í áò. Í á áúááò. Òú í á éááéí áááí.
Áóááò ñí. È, í íæáò áú òú, ñéáí çí ñí*

*òú óáé áé óú áé áéú Í áéé áááá
á áé ááéé í áááò ðáí í ò ð í èññí áí.*

28 èpëý 1961

Çáðááááéú

*Í á íáéæáéò á í ðé óáéú áá
èáí ñáí è áí áú èé í ðé óáéú áí è
í á çáí é á Ááéí áò ñéí é.*

(Áé áéèý, Èññí á)

Пришельцы на земле Египетской

и из земли чужан ушельцы!

Куда ведут вас? К счастью? К гибели?

На пьедестал? На дно ущелья?

Нет. Властвуя, как над рабами,

и указав: безрабство – цель,

им всё поведал Зарубабель

на арамейском языке.

Идут в нестрой печальных, сонных,

идут в молитвенной тоске,

и их подошвы топчут солнце,

и тени сонмищ на песке.

Идут, в разноязычной речи

свои молитвы утопив.

Дойдут и опояшут реки

продольным поясом толпы.

А чтоб дошли и не упали,

чтоб шли скитальцы ночь и день,

ты лги, ты лги им, Зарубабель,

про Палестину, про Эдем.

Пускай их движет наважденье,

пусть наводнят они пески!

Ты только право на вожденье,

как груз, до времени не скинь.

А доползут, дойдут, долезут

и превратят Эдем в прилавок, –

ты сгинь, ты стал им бесполезен;

устами жреческими Эзры

им Яг-ве даст рабов и право.

Вчера рабы, забыв

заветы,

теперь возьмут себе рабов,

и плач пришельцев

безответных

вплетется в их фольклорный рев.

Живя с приплодом и с рабами,

откроет вещей фарисей,

что вел не ты их,

Зарубабель,

а Б-г и с Б-гом Моисей.

Тебя в степи в победном гаме

швырнут на землю – в грязь

и пыль

и там казнят тебя камнями

слепой и взмыленной толпы.

Толпа! Ты будешь за камень,

за оскверненный Ханаан

пришельцем горьким в поколениях,

в земле неласковых чужан.

28 èpëy 1961

Øiëi - Àééõii ó

Çà àiùàòíé - ïï:òè íá ðòáí éíp -

Íò òííéé èéè íðííòí òàé

Áäðá çàí èàéèèà ðéðè í èà

Ñòáí í áíp -

Í áðá çááí í áy' í ðííòí òà

*È i òeéiáái ú á òuèé i áu áb,
Néi áí í òáéé úéú óáá úé,
Í áááò áéé í ò òyíú ááò ú í áéíú è
Néi áá áé è í óááóú.
È èàé áóóòí áú í íí áí ééè èó,
Áóóòí í í áéí í èó í íí áí èòú,
Çàí í è: áéè í òí òí èè á áé áé è ýó,
È áóí ò á òí ú é çàí í éé
Í áéí í í éá
Í áéà í é ò é í èà áááí í çáú ú ò í á
Í áéà á ò uè í á: í áé ýí è ñú
Í á çááááé á ú è ú ñú ò ú í á ú ò í í
Í áááí: óááò áí è í áááí ú ñéú?
Í áéà áí éá, í òí òí: á è ááó,
È áí è ó í é ý ñ ú: í é ñó ó é ú é.
Á í í ò í í ó é ò ú é á ú í ó ó ò é ý ò í
È óú ó èà
È í ááí éá çàí í éééé æ áéí áú,
È í òí òí: ááò áá çàí í éééé...
Òéúéí áí æ áé è ñó ó: áé í í æ áé í áú
È ñó: áé í ú á é ð á è í í ééé.
È, í áááí ááí í ú á çáú éé
Óá è ò í ñú ò ú è çí áí áí è ò ú,
È í í ý ò ú áú áí ñé è è áé áé è è,
Çááé ó á ý ó ò éí Í áéí í í é áá 1959*

Еврейская мелодия

Был Крушеван. И нету Крушевана.

Он может снова быть или не быть,

как могут снова быть или не быть,
как могут вечно жить и –
долго жить
пруты дерев под вязью, кружевами
снегов. Снегов...
Был, как команда, весок
и был идейно объясним погром.
С оглядкою – молитвенной, еврейской
картавый ветер пробирался в дом,
и заклинал молитвенным наветом,
и клял словами осторожных злоб...
А Крушеван был, твердый юдофоб,
Издателем и чуточку – поэтом.
И в дни погрома Каллионы дух
так прихотливо изменяет лица,
что видел он не как летает пух –
как оживают сказочные птицы.
В такие дни смещаются углы
обычных зрений. И в кромешной пыли
не полосы матрацные плыли –
плыли подобья вымерших рептилий.
Он разглядел (так оживляют снег,
так в миф преображают жалкий иней),
что радуга купается в пенсне,
как солнца луч в пролитом керосине.
В клоповнике узрел он: горячась,

пьют кровь жида, в крови ж купая пейсы...

**...Дано немало видеть песнопевцу
в такой, свободный от погрома час...**

**Еврейский ветер, нагнетая жуть,
пел: «Жили-были в гоевой Расее,
а ныне не бытуют, не живут
Арон с Рахиль и Сурка с Моисеем».**

**Он раскачал в молитве облака,
он жалобой терзал чужие дали
и трепетной рукой их облакал
в невидимый и правоверный талис.**

**Он истерзал и эту даль, и дол,
и всё вокруг своим картавым гудом.**

**Он возвеличил скорбную юдоль
и до времен иных оставил удаль.
Он вел подсчет скорбей, утрат и ран.**

**Он счет сводил и с будущим,
и с прошлым...**

**Но нищего жалеют не за рвань:
за то, что он не борется, а просит.
Еврейский ветер звал потоки бед
на головы неверных, славил Б-га
и в исступленьи позабыл пропеть,
что жили-были Гоги и Магоги...**

1 ёрїў 1963

«ЕЙ НЕ ЖАЛКО ЛЕРМОНТОВА!»

Аאי אאעעו נאדי רא

Не так давно я читал (в «Вопросах литературы») интервью с поэтом Генрихом Сапгиром (это было незадолго до его смерти). Отвечая на вопрос: что главное – эстетически – объединило его и его друзей, поэтов и художников, в группу единомышленников, он сказал:

– У нас до сих пор не понимают, что такое «примитивизм» в литературе. В живописи давно поняли, а в литературе нет. «Примитивизм» у нас не признают как полноценное течение. А ведь был Глазков...

Это очень верное замечание. С той только поправкой, что до Глазкова был Хлебников, а потом обэриуты: Хармс, Олейников, молодой Заболоцкий.

И был Маршак.

В своей книжке о Маршаке (в той ее главе, которая называется «Детский почерк»), я писал о «примитивизме» (не пользуясь, правда, этим термином) как об одном из коренных свойств поэтики Маршака. Я там говорил, что детские стихи, поэмы и сказки Маршака хорошо было бы иллюстрировать рисунками детей.

Вот, например:

Ї еуаао і адиоіа

Ї і аіаі і і аіаі,

Ї еуаао і адиоіа

ЕҫАі адеее е іаі...

«Ї деі едеааі » оіаііаіідеаіапо еае ііеіііааі іа оа:аіеа А аіаіаіе Ааааіа..»

Так и видишь рисунок, на котором нарисованы крупно – детскими каракулями – бурные волны и огромный, во весь лист, пароход.

«Мистер Твистер» сейчас пренебрежительно называют плакатом. Да, конечно, это плакат. Но ведь плакат – это и есть «примитивизм».

Говоря о близости поэтики раннего, детского, Маршака поэтике Маяковского, я мог бы сослаться на появление в его «Почте» Бориса Житкова – реального человека, конкретного его тогдашнего коллегу и приятеля. Точь-в-точь как у Маяковского, у которого в его стихи входят «Лиля, Ося и собака Щеник», и «сосед Бальшин», и домработница «Аннушка».

Но поскольку я всё-таки пишу не статью, а воспоминания, вспомню лучше, как он говорил (постоянно, постоянно!) о своей любви к Хлебникову, с каким искренним восхищением читал любимые им строчки Хармса:

Í àèèííýèè, í àèèííýèè,

Í àèèííýèè ñàì í ààð

Í í í ò ò ó á à à í à è à à è í ñ

Ò è ú è í í à ð, í à ð, í à ð

Í àèèííýèè ñàì í ààð

Á ó ó ò í ø è à ì, ø è à ì, ø è à ì,

Í í í ò ò ó á à à í ò í à è è í

Ò è ú è í è à ì, è à ì, è à ì.

Í á í è ì è ç ñ à ì ú ò à è è ñ ò ò à è ú ñ ú ò «í ð è ì è ò è à è ñ ò í à» à ð è ñ è í è í ñ ý è è Ò Ò à è à à ú è Í. Í è à è í è è í à

А уж кто у нас больший модернист и авангардист, чем Хармс?

Да и строфу-другую «байстрюка» Маяковского он тоже при случае мог прочесть, выбрав из него что-нибудь особенно любимое. Читал, правда, – словно нарочно убирая «лесенку», подчеркивая чеканный ритм классического размера:

Í í è ñ è ò ò ó á à à ñ í à à ó è à ò í ò í ò á à ò

è ý à è ò ñ ñ à ñ ñ í í, à ð á ì, ç ð è í í,

è à è à í à è è à è à í ø à è à í à í ò í à ñ,

ñ ð á à í ò à í í ú è à ñ à ð á à à ì è ð è ì à

Читал точно так же, как читал – тоже случилось – Державина:

È ñëäää äîçðàíòäò ì ìÿ, íá öáÿääÿ,

ÁíçéçüÑëääÿííá ðíä äíëéáí íá

ääüäò ÷òèòü..

Èèè Èíííéáí òèÿ Áííáííéíá:

È äüáí èèçáí íäÿ ì èðä,

Èíòíðíá ñòíéüéí æääéä,

Ííÿòüíí òððü äíáíæ èèðä,

Áðíæà è çàðäÿíü, ííçéä..

Но при этом, читая Маяковского, он – так же, голосом, – словно пробуя их на вкус, выделял в его строчках слова, которых конечно же не могло быть ни у какого Державина и ни у какого Анненского: «трудом», «громаду», «прорвет», «грубо», «водопровод», «сработанный», – словно подчеркивая, что и в этом, строго организованном, классическом ритме бывший футурист остается собой – неповторимым, ни на кого не похожим Маяковским. И в каждом этом «маяковском» слове была для него – это чувствовалось! – своя музыка.

Но если так, откуда, из каких глубин сознания (или подсознания) вырвалось у него по отношению к безусловно любимому и почитаемому им Маяковскому это пренебрежительное, чуть ли даже не презрительное – «байстрюк»?

Маршак любил (и умел) пошутить.

Нет, лучше, пожалуй, тут выразиться иначе: он любил сказать un mot.

Как я уже признался, излагая свой разговор с С. Я. о Флобере, французского языка я не знаю. Но это французское выражение, переводящееся на русский как «острота», помню с детства. Оно пришло ко мне из «Войны и мира». Есть там у Льва Николаевича такой персонаж – русский дипломат Билибин, который время от времени произносит какое-нибудь un mot. Но перед тем как его произнести, он собирает складки морщин на лбу, как говорит Толстой, «подбирает кожу», а произнеся, в знак удовольствия эти свои складки распускает. На протяжении романа – всех его четырех томов – этот мелкий штрих, характеризующий манеру Билибина острить, повторяется постоянно. (Это вообще один из любимых приемов Льва Николаевича: вот так же, всякий раз, когда появляется на страницах его романа «маленькая княгиня» – жена князя Андрея, упоминается ее слегка коротковатая, с чуть чернеющими усиками, верхняя губка, которая придавала ее улыбке какую-то особенную прелесть.)

Так вот, у Самуила Яковлевича была такая же, всякий раз повторяющаяся манера произносить остроту, как у толстовского Билибина. То есть, конечно, не такая же, совсем другая, – но такая же определенная, ярко выраженная.

Собираясь сказать un mot, он всякий раз понижал голос, и в этом новом, изменившемся голосе его уже слышался предшествующий остроте, словно бы предвкушаемый им смех. А в глазах загорались веселые искорки.

Вот так он однажды сказал при мне Вале Берестову про его домашний адрес (Второй Зачатьевский переулочек):

– Вы знаете, голубчик, какое слово в названии вашего переулочка самое неприличное?

И, «распуская кожу», объяснил:

– Второй!

Свою реплику насчет того, что Маяковский («между нами говоря, голубчик») – байстрюк, он точно так же, «по-билибински», предварил изменением голоса и блеснувшими в глазах смешинками.

В каждой шутке, как известно, заключена толика правды, иногда – немалая. И что-то, конечно, в этой его реплике было и от реального его отношения к Маяковскому (и Твардовскому).

И всё-таки это было *un mot*. Так же, впрочем, как и реплика про «домашнего гуся». И как реплика про Ираклия Андроникова («...между нами говоря, голубчик, это же вакуум»).

Одно такое его *un mot* стало для меня источником довольно неприятного казуса, разрешившегося лишь спустя четверть века.

Однажды в каком-то нашем разговоре, вот в этой самой «билибинской» своей манере С. Я. сказал, что Ваншенкин и Винокуров – это, в сущности, один поэт. У них ведь и фамилия одна и та же: Ваншенкин – это измененное «Вайншенкер». В переводе на русский – «Винокуров».

Женя Винокуров, когда я пересказал ему эту остроту старика, отнесся к ней довольно добродушно. (Как видно, услышал ее уже не в первый раз.)

– Б-г с ним, с Маршаком, – сказал он. – Гораздо хуже то, что и Лесючевский тоже рассматривает меня и Ваншенкина как одного поэта.

Лесючевский был тогда директором (точнее – председателем правления) издательства «Советский писатель».

В ответ на мой немой вопрос Женя пояснил:

– Недавно говорю я ему, что давно пора бы уже выпустить новую мою книгу. А он мне: «Ну, знаете, вы с Ваншенкиным не можете на нас обижаться. В прошлом году мы выпустили книгу Ваншенкина. И в позапрошлом. Да и три года назад тоже, мне помнится, вышла у нас книга Ваншенкина. Нет-нет! Кто другой, но вы с Ваншенкиным никак не можете на нас обижаться!»

Поводов для юмора тут было, конечно, предостаточно. Но меня довольно сильно раздражало, что этих двух, одновременно входивших в литературу и поначалу в чем-то действительно схожих, поэтов постоянно выносят за одни скобки. Раздражало то, что никто почему-то не видел, не хотел видеть, как далеко уже разошлись их пути.

И вот, написав – по газетным масштабам довольно большую – статью о Винокурове, я посвятил этой теме отдельный абзац, в котором говорил, как далеко ушел этот поэт от ранних своих бытовых стихов в совершенно иную область, так сказать, философской лирики. В полемическом задоре эту свою мысль я высказал так, что Ваншенкину она вполне могла показаться обидной. Обижать я его совсем не хотел, но как-то там у меня выходило, что вот, мол, Винокуров от ранних своих бытовых стихов ушел далеко вперед, а Ваншенкин как был приземленным бытовиком, так им и остался.

Ê. Ààí óàí èèí. Í à ì ò ò ÿ æ á í è è à à à à à è è ì ÿ ò è è à ò í í í á í í à à à à è è ì í á ò è è

Это меня несколько тревожило, и, пока статья проходила всеми обычными газетными этапами (машинка, гранки, контрольная полоса), я всё время мысленно отмечал, что надо будет мне к этому абзацу еще вернуться, слегка его откорректировать.

И тут, представьте, открывается дверь, и в мой служебный кабинет – легок на помине – входит Костя Ваншенкин.

Увидав на моем столе гранки (или уже контрольную полосу) этой самой, прямо его касающейся статьи, начинает не без интереса ее читать. А я, не дожидаясь, пока он доберется до злополучного абзаца, возьми да и скажи:

– Да, кстати, Костя, прочти внимательно вот это место. Я всё думаю, не покажется ли это тебе обидным.

Костя прочел и сказал, что да, конечно, хотел я того или не хотел, но читается этот мой пассаж как безусловно обидный для его поэтической репутации выпад.

– Ну, если так, – сказал я, – мы его сейчас вычеркнем.

И с маху, одним размашистым росчерком пера, вычеркнул.

Удовлетворенный Костя ушел. А минут двадцать спустя заглянул в мой кабинет один мой коллега, взял со стола те же гранки, быстро пробежал их глазами и, увидав вычеркнутый абзац, схватился за голову.

– Зачем ты это сделал? – изумился он.

Я объяснил.

– Ты с ума сошел! – зашелся он. И стал горячо мне доказывать, что, вычеркнув этот абзац, я безнадежно испортил всю статью, вынул из нее самую суть. Что весь смысл статьи, ее нерв, ее болевая точка – как раз вот в этом абзаце, прямо утверждающем, что Винокуров – не Ваншенкин, что это – очень разные, совсем не похожие друг на друга поэты.

Поддавшись этому бешеному напору, я восстановил вычеркнутый абзац, подумав, что до конца дня еще успею как-то смягчить его. Но – не успел. Замотался, забыл.

В общем, наутро в газете статья вышла в том самом виде, в каком ее читал Костя и который показался ему обидным.

В тот же вечер, встретив Костю у входа в ЦДЛ, я кинулся к нему, чтобы объясниться. Но он слушать меня не стал. Отвернулся. И с той минуты на протяжении двадцати пяти лет он не подавал мне руки. А у меня на протяжении этих двадцати пяти лет так ни разу и не хватило духу хоть попытаться сломать этот лед – подойти к нему, попробовать объясниться. И лишь четверть века спустя, когда в первый раз приехал в Москву из долгой своей эмиграции Коржавин и, принимая его в свои объятия, мы с Костей оказались за одним столом, я нашел в себе силы обратиться к нему:

– Костя! Я давно хотел тебе сказать, что в той истории я кругом перед тобой виноват. Если можешь, прости меня.

И «дюк его простил».

Самуил Яковлевич Маршак в этой истории, разумеется, совершенно не повинен. Но завязкой этого сюжета как-никак была всё-таки его острота.

А из-за другой его остроты, другого его *un mot* меня однажды даже вызвали на дуэль.

Да, да, я не шучу. Это был самый что ни на есть настоящий вызов, и избежать смертельного поединка мне удалось только потому, что приглашала меня к барьеру – точь в точь как в чеховском водевиле – дама.

Но об этом, наверно, стоит рассказать подробнее.

Валя Берестов, с которым, как я уже говорил, мы познакомились и подружились у Маршака, был наделен многими дарованиями. Одним из самых ярких среди них был – дар устного рассказа. Он был не просто блестящий рассказчик, каким был, например, Константин Георгиевич Паустовский или Камил Икрамов. Этот его дар был сродни дару Ираклия Андроникова. Он совершенно бесподобно – не хуже самого Ираклия – умел воспроизводить голос и манеру Алексея Николаевича Толстого, которого хорошо знал. Или того же Самуила Яковлевича. И точь-в-точь как эстрадные выступления Ираклия, эти его устные рассказы были именно рассказами в самом точном смысле этого слова – каждый со своим сюжетом, с точной, изысканной композицией, с завязкой, кульминацией и развязкой.

До сих пор звучат у меня в ушах переданные его голосом реплики А. Н. Толстого, обращенные к немецкому режиссеру Эрвину Пискатору, которого переводчица, убежденная, что «в доме Толстых говорят по-немецки», на целый день оставила в этом доме без своих услуг.

– Ту-ся! – высоким, почти женским голосом обращается А. Н. к жене за обеденным столом. – Что это такое?!

– Это суп, Алешенька, – отвечает жена. – Очень хороший перловый суп.

– Значит, вопрос ставится так, – реагирует на это объяснение классик. – Или я писатель и работаю в литературе, или я ем эти сопли!

И – повернувшись к Пискатору:

– Эссен зи битте! Дас ист айне гутте зуппе...

Объясняя немцу, почему его дача окружена высоким забором, он пытается ему втолковать:

– Пишу роман. О Петре Первом. Петрус Примус... Творчество – акт интимный, а мальчишки глазают.

Немецких слов для объяснения всех этих деликатных ситуаций ему не хватает, и он поневоле переходит на русский. Чертыхается, негодует. И наконец не выдерживает:

– Ему скучно! Мне тошно! Где эта чертова переводчица?!.. Я кончился! Я иссяк! Я больше не могу!

И тут немецкий гость на чистейшем русском языке спокойно произносит:

– Если вам трудно объясняться по-немецки, мы можем говорить по-русски.

Немая сцена.

Реплика Маршака, ставшая поводом для вызова меня на дуэль, была из такого же устного рассказа Вали Берестова. То есть реплика эта была – подлинная. Я почти уверен, что сам слышал ее из уст Самуила Яковлевича. «Почти» – потому что, хоть рассказ этот создавался при мне, на моих глазах, и лепился из материала, знакомого мне не понаслышке, став рассказом, он совершенно заслонил от меня тот реальный эпизод, которому я был свидетелем и который лег в его основу. Так что я теперь уже не могу с полной уверенностью сказать, какая реплика в том рассказе была действительно Самуилом Яковлевичем произнесена, а какая явилась плодом Валькиного художественного вымысла.

Насколько я знаю, Валя не делал попыток этот свой устный рассказ записать. Поэтому сейчас я постараюсь хоть бледную тень его сохранить для потомства. Увы, это будет именно тень. Но всё-таки...

À. Ááðñò íá

Íí áúé í á í ðñòí áéáñòýíéé ðáññéáç:éé, éáééí áúé, í áí ðéí áð. È. Á. Í áññòí áññéé.

Ýò í ò áá ááð áúé ññíáí è ááðó È. Áí áðí í ééí áá

Завязкой рассказа стало маленькое подношение Вали Самуилу Яковлевичу.

Явившись к нему с очередным визитом, он принес ему новую, только что вышедшую книжку молодой Беллы Ахмадулиной.

Самуил Яковлевич благодарит и жадно впивается в книжку.

Жадно, но – не спеша.

Раскрыть ее он не торопится. Сперва, любовно поглаживая, подносит ее к лицу, прямо к глазам, и долго вглядывается в обложку. Медленно вчитывается в заглавие:

– «Струна»... Какое славное название... от него так и веет свежестью... Я предвижу, голубчик, что вы сделали мне чудесный подарок...

Насладившись обложкой, раскрывает книжку и так же внимательно вглядывается в портрет юной Беллы:

– Прелестное молодое лицо... И какое необычное... Сразу видно, что это лицо поэта... Спасибо, голубчик, порадовали старика!.. Ну что ж, почитаем?

И, раскрыв книжку, начинает читать:

Î, àià ñ ò í á í é ñ ó: è ò ñ ý

Â ñ - è ì í é í á í ñ ò ù ò á ñ ý.

Ê í á á ñ ñ ò ñ è ò ù

«Ê ò í ñ ò ó: è ò ñ ý?» -

В í ò á á: á «Ý ò í ý!»

Ý ò í ý! Â ñ, ì í í é í ò á í

Â ù ñ ó ó á è í ò á í ò è.

Ñ ò è ò í ó è è è í í ñ ò á ð á è è

Í é á: è á á í í á ò á ñ è...

Â ñ, á á á í á í í á ç à ý ò è ì

В í ò è ò è á ñ á á í á í á

Ý ò í ý - ò ù í á ç à ñ ò è è

Ý ò í ý, à í á í í á

– Очень музыкально, – одобряет он. – Куда ведет, пока не понимаю, но есть музыка. А это уже много, голубчик. И как свободно, ненатурно звучат у нее эти «О» и «Ах»... В наш век, пожалуй, только у Есенина это поэтическое «Ах» звучало так естественно! Вы помните, конечно?

И он с наслаждением вспоминает:

Â ñ, è ý ý ò è ñ ò ð á í ù ç í á ñ -

Ñ à ñ í á ñ à è ù é í ò í ó è è ò à ñ í ò ù ù

Ò ñ è ù é í á è è á è è ð í á è ñ ñ í ò ó è ð á ñ

Í í á á ò ñ ò á è í ñ ñ ò à ñ á ð ù ì í í á ð ñ ó ò ù..

Не отказав себе в удовольствии дочитать стихотворение Есенина до конца, он возвращается к Ахмадулиной.

– Ну что ж, пойдём дальше?

Ī, ī īāā āā āāāī īīīōūīā ī ēā

È òāī ēēūōī īīōūīī òāēīīē

īōīōōīp!

Ī ī īāō, ŷŷōīē ī ēēīīōē īāīōīp:

Ī āīēāē īōīēūōīīŷ ī ēī ī òēē ī īēā...

– Гм... А вот это уже как-то манерно? Вам не кажется?.. Этакая ломака... А?.. И обратите внимание, тут и это ее любимое «О» звучит уже неестественно. Я бы даже сказал, нарочито... Ну, это ничего... Не расстраивайтесь, голубчик. Это от молодости. Это пройдет... Пойдем дальше! Я уверен, что дальше будет лучше!

И, перелистнув несколько страниц, он читает:

È īīīāā, ēāē īāē ī āōōāīīā

īāē āīōīī īāā āēīīāē...

Òāē ēōī āāīīāāēē: Ī āōōūīīā

ēēūīēāōī īīōīā āōŷēē òīē?

– А вот тут я что-то совсем не понял, голубчик. К чему они здесь, эти мартены?

– Это сравнение, Самуил Яковлевич. Во время дуэли там – помните? – началась гроза. Вот она и сравнивает вспышки молнии с огнями мартенов...

– Да, да, гроза... Я помню... Но какое-то странное сравнение... искусственное... Вам не кажется, голубчик?.. Ну ладно, пойдём дальше...

Продолжает читать:

А Пушкин пил вино, смеялся,

Дела его прекрасно шли...

– Послушайте, это же ухарь-купец, а не Пушкин... «Дела его прекрасно шли...» Прямо купчик какой-то... Вы не согласны?..

Читает дальше:

È īīāīāēēā āī īēā-āī ē,

ē ēēūīāēāīī Ī āōāēē...

*«Í ðáðáðííá ì íéíáíá èèöí... È èàéíá íáíáú÷ííá.. Ñðáçó àèáíí, ÷òí çòí èèöí ííçòà...» -
íéáçäé Í áððáé, äýáý íá çòó óíòíáðáðéç çííé Á. Áöí ááðééííé*

– Поводила плечами? – в голосе его появляется тот призывок смеха, который обычно предшествует у него остроте. – Да это цыганка какая-то, а не Наталья Николаевна...

И, насупившись, он опять возвращается к началу стихотворения:

И снова, как огни мартенов...

– Дались ей эти огни мартенов...

И вдруг, чуть не плача:

– Голубчик, неужели вы не чувствуете? ЕЙ НЕ ЖАЛКО ЛЕРМОНТОВА!.. Он был такой молодой!.. Вы представьте себе, сколько бы еще он сумел сделать, если бы не эта ужасная дуэль!..

Закрывает книжку, смотрит на ее обложку.

– «Струна»... И название какое-то претенциозное... По правде говоря, безвкусное ведь название...

Смотрит на портрет, на прелестное лицо юной Беллы.

– И лицо... Какое-то, знаете, незначительное... Что-то даже есть в нем несимпатичное... Да, да, определенно неприятное лицо...

И решительным жестом он возвращает поднесенный ему подарок дарителю:

– Нет, голубчик, не буду я читать эту книжку... Читайте ее сами.

Это, так сказать, завязка.

Собственно, даже не завязка, а экспозиция. Или, лучше сказать, предыстория моего сюжета. А истинной завязкой его надо считать рецензию на книгу стихов Беллы Ахмадулиной «Уроки музыки», которую я написал и напечатал в 1970 году, в 12-й книжке «Нового мира».

Белла была тогда кумиром всей нашей передовой (называлось это другим словом: «прогрессивной») интеллигенции. Некоторые энтузиасты даже ставили ее рядом с Ахматовой. Поэтому рецензия моя – весьма, надо сказать, нелицеприятная, – в самом прогрессивном нашем журнале проходила туго. Прогрессивные редакторши крутили мне руки, требуя, чтобы все свои упреки поэтессе я обложил ватой, то есть комплиментами и всякого рода уверениями в несомненности ее Б-жественного поэтического дара.

В результате рецензия вышла гораздо более мягкой и даже комплиментарной, чем мне бы хотелось.

Но это мне не помогло.

Даже друзья, в числе которых были и близкие, меня за нее осуждали. Зачем, дескать, бить по своим. А люди более от меня далекие – те и вовсе (это до меня доходило) говорили: «Если уж у него такой критический зуд, изничтожил бы всю эту сволочь: Грибачева, Софронова... А он, как нарочно, выбирает для своих нападков самых ярких, самых талантливых: сперва Евтушенко и Вознесенского, а теперь вот Беллочку...»

Даже целую эпоху спустя (в 1987-м), когда я включил эту давнюю статью в новую свою книгу (она вышла через двадцать лет после предыдущей), прогрессивные (и в высшей степени доброжелательные по отношению ко мне) внутренние рецензенты упрямо и красноречиво уговаривали меня этого не делать. И заботились они не столько о Белле, сколько обо мне, о моей (а не ее) репутации. Они искренне полагали, что эта статья меня роняет.

Пересказывать содержание той моей статьи я сейчас, разумеется, не буду. Приведу из нее только маленькую цитату.

Вспоминая злополучное четверостишие, в котором фамилия убийцы Лермонтова рифмовалась с «огнями мартенов», я писал:

***Ἐπεὶ τὸ αἶψὸν οὐ γὰρ ἐδὸς ἡ, ἢ ἴσῃ ἴβ, ἱ:αῖ ὑ δαξάδααεᾶ ἰῖεῖεῖτᾶ ἦ. Β. Ἰ ἀδραεᾶ
Δαξάδαεᾶ εᾶε εῖεεᾶ, ἰεᾶαο εῖεῖτο ἀφῦαῖ ἰ ἰααοὶ ἰαοῖ τὸ εῖ ἰῖοα οᾶ ἰε ἰεοεῖτὸ αἰ δαῖ εῖ:***

- Αἰεῖα:εε, ἰαεᾶεᾶ αἰ ἰα:αῖτοαῖοα? Αε ἰαεᾶεῖτ Ἐαδῖ ἰῖοῖα!!

Белла обиделась, конечно, не только на это замечание. (Были там и другие, гораздо более обидные, о некоторых из них я, наверно, еще скажу.) Но поводом для ответа она выбрала именно его.

Случай представился не скоро: аж целых семь лет спустя. В 1977 году в Тбилиси вышел солидный (страниц семьсот) ее том. Как раз в это время один ленинградский литератор опубликовал заметки о своем путешествии по Кавказу. И там, в этих своих путевых очерках, он, между прочим, заметил, что в Грузии его особенно поразил культ двух женщин: первая – царица Тамар, а вторая – Белла Ахмадулина.

Если судить по увесистому тому Беллы, изданному в Тбилиси, эта реплика ленинградского писателя не была ни метафорой, ни гиперболой. Будучи предметом обожание пылких грузин, на территории этой республики (и, соответственно, этого тома) Белла могла позволить себе всё, что бы ей ни заблагорассудилось.

А заблагорассудилось ей там опубликовать такое письмо:

Ἐδεοεεε Α. ἦ.

Ἀεῖαῖεῖτὸαεᾶαἰ ὑε Α. ἦ!

***Ἀῦ ἰεααεε ἰ ἰα:αῖτοῖ οἰ ἰῖ ἰῖ ἰα ἰ αῖῖ ἰα ἰαοῖα, ἰαῖαῖτ ἰα:αῖ εῖ εῖ οἰ δῖε ῖ, ἰῖ ὀαο ἰ ἰεο
ἰεῖῖῖῖῖοαε ε ἰαῖοεε, ἰα ἰ ἰαῖ ἰαῖεοῖ ἰ αῖεαῖεῖ ἰ αῖα Ἀαα ἰαῖ ῖοῖ ἰαῖ ἰ ἰα οᾶ ἰεεαᾶ αῖῖ ἰ αῖῖ
ἰῖ:αοῖα ε εᾶῖοῖα, :οἰ ῖ ἰα εἰ ἀφ ἰ δεαῖ:εε ε ἰοεεεαοεῖῖ, ε αῖ εἰ αῖεα εδεοεεε αῖῖ ἰ αῖῖ
:δααῖ:αεῖ ἰῖ δαῖεῖῖοῖ***

В маадеаиіт маааиіт н Ааи є а іодєоаоаеиітє іоаіеа нєааіа є аеуиаоііа нєєіоаіаієу, іаєиоає іиі єіабуаа єі аіа Іосеєіа є Єаиі ііоііа. Ааєіиоааіііа :оі і іаєо ііоаааоу і аіу іааа Ааи є, – јоі оі, :оі оєааіііа нєєіоаіаієа іеіаііа а ааіеєіає є іаі дєаєаєаоаеиіт-іаіеаіоааііітє і іеіаіиоє ааоіоа, мсіаоаеиіт іа аєєр:аі і а дачаєдєаі ор Ааи є єі єаі оає :оі іаіо-аі єа Ааоа – аіеуи іа і іає, а Ааоає јіааєє. І і аі, јоі аєу і аіу оіаі і е-аі іа аі:єо.

Ааєіі єею оі, :оі Ау а Ааоає нòаоіа іоу і і є оі:іі ааіадеоа, :оі і іа «іа ааєєі Єаиі ііоііа».

В іієаає, :оі Ау ніі є іоєіаоа іаіу аєу іаєаієу :аііаєа, а єіоіоі Ау іоааіієаааоа аіаієіа м-оаіоаєа оаєєаі Єаиі ііоііа. І а оіеуєі оаєіа іааєіаієа і і ааєа оаєіа і іаіаієа є а аіеуєаєаао іаі ааєаі ііа є дєаєдєаеиі іа дачаєдєаоаеиіоа.

В іаіоіуоаеиіт іоіоо Ааі ааіоєааоаеиіт міауєоу ііа, єаєєі іадаіі і іао ј іієо:єоу іо Ааіаіаєаоаіаієа і іає :аіоє є міаіоє.

Єраіа Ааоє аіеіаєу, єоі а іаааіа аа аає, ааіо н-єоаоу аєу ніу і іаіоіуіеі є.

І оєі є оа оаіаі єу є іоі:ау...

*(Ааєєа Аоі ааєєєіа Ніті і Аоіоєє.
Оаєєєіе, 1977. N. 523-524)*

Не совсем было ясно, от чьего имени написано это дышащее презрительной иронией послание. Тот факт, что автор говорит о себе в мужском роде, заставлял предположить, что пишет всё это не поэтесса Белла Ахмадулина, а какой-то ее герой. С другой стороны, стихотворение, которое автор письма вроде признает своим, было написано не безымянным героем поэтессы, а ею самой. Таким образом, кто является автором этого письма, – вернее, кого надлежит считать его автором, – не вполне ясно. Но кто такой этот самый «критик Б. С.», к которому послание обращено, сомнений не вызывало.

Итак, я получил «короткий вызов, иль картель», сочиненный по всем правилам дуэльного кодекса.

Дуэль, как вы понимаете, не состоялась. В книге («Бремя таланта», М., 1987), куда ту, давнюю свою статью об Ахмадулиной – и даже в несколько расширенном виде – я всё-таки включил, я сделал несколько неуклюжую попытку извиниться перед оскорбленной мною поэтессой. Написал, что не только в «злодейском сочувствии убийцам поэта», но даже в постыдном равнодушии к его гибели ее не подозревал. Объявлял инцидент чистейшим недоразумением, вину за которое брал целиком на себя: я, мол, наверно, крайне сбивчиво и невнятно выразил суть своих претензий. Надо было прямо написать, что я ничуть не сомневался, что ей, конечно же, жалко Лермонтова. А хотел я, мол, сказать всего лишь, что данное, конкретное стихотворение, данные, конкретные его строки родились не из острого, внезапно пронзившего душу автора чувства жалости к безвременно погибшему гению, а из каких-то других ее чувств и душевных движений, если таковые имели место.

Но если быть совсем честным, надо признать, что эти мои извинения были чистейшей воды лицемерием. На самом деле оснований обижаться на меня у Беллы было более чем достаточно. И самым обидным для нее в той моей рецензии была вовсе не злополучная реплика Маршака. Самым обидным там был финал моей статьи, последний, заключающий ее абзац.

Это была цитата из Л. Н. Толстого, из «Анны Карениной»:

Нельзя запретить человеку сделать себе большую куклу из воска и целовать ее. Но если б этот человек с куклой пришел и сел пред влюбленным и принялся бы ласкать свою куклу, как влюбленный ласкает ту, которую он любит, то влюбленному было бы неприятно. Такое же неприятное чувство испытывал Михайлов при виде живописи Вронского; ему было и смешно, и досадно, и жалко, и оскорбительно.

À íáðàçá àèþáéáí í íã, èí ò í ò ò ò ó àýãáà ò ò í á çò ó è á ò á ù è í «è ì ì á ò í í, è à ì ì á í í, è æ à è è í, è ì ì è í ò á è ò à è ì ì í», ì í á í à è ç ì á í í í ò á ì ò à à è ç è ì ì ò ò í è ì è í í à è í - à è í á è: Ñ. B. Ì á ò á è

В своей статье я этого, конечно, не написал (этого еще не хватало!), но за этой толстовской цитатой, за этой его метафорой для меня стояли не персонажи «Анны Карениной» – художник Михайлов и Вронский, а совершенно реальные, конкретные фигуры. За образом человека, который уселся перед влюбленным, чтобы на его глазах ласкать свою восковую куклу, мне виделась не одна Белла: таких имитаторов влюбленности и помимо нее было тогда немало. Но в образе влюбленного, которому глядеть на эту игру было «и смешно, и досадно, и жалко, и оскорбительно», мне неизменно представлялся только один человек: Самуил Яковлевич Маршак.

Сוויה ארדהעוירא דאעעײַציג אַ יאָדאָציאָניע װ אַ נײַאָרײַע דיײַע (1917-1930)

Александр Локшин

Сложилось убеждение, что православие было чуть ли не единственной конфессией, подвергавшейся гонениям в эпоху большевизма. Имеется, однако, немало свидетельств тому, что среди тех, кто испытывал на себе постоянное давление, познал гонения, извещал террор со стороны советской власти, были и евреи, придерживавшиеся религиозной традиции. Антиклерикальная война, начатая с первых же дней существования новой власти, велась против всех конфессий без исключения. В каждом случае у нее, разумеется, были свои особенности. Кампанию по борьбе с «иудейским клерикализмом» проводили главным образом коммунисты-евреи, объединенные в еврейские секции при губернских обкомах партии и имевшие свой центральный орган – Евбюро при ЦК РКП(б). Именно евсекциям в немалой степени режим и отдал на откуп политику на «еврейской улице». С 1920–1921 годов, сначала несколько неуверенно, а потом всё с большим пылом и фанатизмом они осуществляли свои замыслы.

В первые годы большевистской диктатуры наиболее важные и очевидные приметы еврейской религиозной жизни – Шабос, праздники, кашрус и обрезание – были подвергнуты самой решительной критике в еврейской коммунистической прессе и на различного рода собраниях, организованных властями. Однако поначалу соблюдение еврейских религиозных традиций, как правило, не запрещалось. Насильственных действий не было. Антииудейские кампании покамест сводились к тому, что верующим мешали молиться – особенно когда наступали главные религиозные праздники. В 1920 году в Гомеле в Йом Кипур на площади, где стояла самая большая городская синагога, евреи-комсомольцы организовали шумный митинг с пением «Интернационала», поставив себе целью сорвать службу. Нечто подобное происходило и во многих других городах. Например в Минске в Йом Кипур в клубе собрали еврейских рабочих, прочитали им лекцию «Моисей и Дарвин», после чего специально в день поста был организован обед, играла музыка, исполнялись революционные песни. В Кременчуге в тот же день в добровольно-принудительном порядке рабочие трудились в пользу безработных лишних два часа; затем со знаменем прошли мимо синагоги.

С 1922 года антирелигиозные акции становятся более частыми, продуманными и длительными. Каждая имеет свое название. Скажем: «Кампания по борьбе против субботнего отдыха». Или: «Неделя борьбы с клерикалами»... Организуются пока еще театрализованные суды над историей еврейской религии, над традиционными обычаями. В том же Гомеле прошел «Суд над богами с сожжением чучела Ие-говвы», в Одессе – «Суд над праздником Всепрощения». В это же время впервые появляются так называемые и печально знаменитые «письма трудящихся». Газета «Безбожник» с ликованием сообщала миру, что в 1923 году в редакции харьковских газет поступило 2500 писем от еврейских рабочих и служащих с просьбой о закрытии синагог. Через несколько лет письма подобного рода станут «обоснованием» для властей при уничтожении еврейских молитвенных домов.

Однако с самого начала борьбы с иудаизмом в отношении еврейских религиозных учебных заведений проводилась куда более жесткая политика. Сражаясь за юные души, власть и ее ударный отряд – евсекция – отказывались использовать для борьбы систему медленного удушения, длительной пропаганды, как принято было в отношении взрослых. Здесь нельзя было ограничиваться половинчатыми мерами. Член еврейской секции И. Славин в статье «Клерикализм и сионизм у евреев» писал: «Гражданская война кончилась – борьба против хедеров началась». 30 августа 1921 года был принят циркуляр Народного комиссариата просвещения, требовавший, чтобы «хедеры и ешивы, имеющие характер постоянно функционирующих учебных заведений, в которых учатся дети до 18 лет, были немедленно закрыты». Разработанный советскими чиновниками единый план ликвидации хедеров был рекомендован и принят Евбюро Наркомпроса. Приняв циркуляр, власти стали проводить на местах «антихедерные» митинги; к участию в них привлекались самые разные слои населения. В Бобруйске вывели на демонстрацию малолетних детей – учащихся хедеров. В Слуцке в том же 1922 году состоялась конференция домашних хозяек. Вот одно из выступлений: «Я уже стара, у меня дрожат руки и ноги, я уже столько не проживу, сколько прожила. Я знаю – грех так говорить. Но я должна сказать: хедер губит наших детей».

Вслед за закрытием хедеров начались открытые репрессии. На собраниях трудящихся евреев выясняли, кто именно из членов профсоюза продолжает посылать детей в хедеры, и выносили решения о недопустимости дальнейшего пребывания этих людей в «пролетарской семье». Правда, кое-кто из коммунистов-евреев отдавал себе отчет в том, насколько губительным для их собственного народа может стать курс, направленный на ликвидацию национальной школы. В статье «Что мы закрываем?», опубликованной в связи с ликвидацией еврейских общин, Шимон Диманштейн, комиссар по еврейским национальным делам, в свое время учившийся в ешиве, писал, что евреи смогли сохраниться в рассеянии только благодаря «сильному религиозному чувству». Что духовное превосходство евреев, поднявшихся до монотеизма, делало их сильнее своих угнетателей, сильнее других языческих народов. Оно «охраняло от ассимиляции». В этих словах, достаточно неожиданных для коммуниста, звучит уважение к еврейскому народу и его традициям. Тем не менее классовые ценности всё равно оказались выше. «Борьба с буржуазией настоятельно требует, – продолжает Диманштейн, – разрушить твердыню еврейских общин. Мы слишком долго их терпели». Мысль эта могла быть отнесена и к хедерам. Угроза была весьма серьезной и для несогласных означала возможность оказаться в рядах так называемых «лишенцев», приравненных к социально чуждым элементам. Последние в формировавшемся советском социуме находились на положении неполноправных маргиналов. Вскоре стали проводиться конференции беспартийных еврейских рабочих и служащих; те почти всегда единогласно высказывались за закрытие хедеров. В ряде случаев на подобные конференции приглашались раввины, которым предоставлялась возможность выступить в защиту своих взглядов. На конференциях выбиралась «комиссия помощи еврейскому бюро отдела народного образования по ликвидации хедеров». В ее задачу входила, среди прочего, обязанность выслеживать и выдавать властям тайные хедеры. Наконец, «учитывая требования трудящихся», принималось постановление местного исполкома о закрытии хедеров. Такова была в общих чертах планомерная деятельность по ликвидации существовавшего веками еврейского начального образования. К 1923 году легальные хедеры в Советской России были ликвидированы. «Гроб над хедером основательно заколочен, – радовался М. Левитан, один из влиятельных евсековских деятелей. – Уже не воскреснуть этому призраку».

Особенность политики, касающейся еврейского религиозного образования, сформулирована Моше Айзенштадтом, который еще до революции занимал должность общественного раввина Петроградской хоральной синагоги. В записке, тайно переданной членам Американского объединенного распределительного комитета («Джойнт»), он писал в 1926 году:

«Мнение, что власти в Советской России запрещают нам молиться или делать обрезание нашим детям, неверно. Нам дозволяют иметь наши синагоги, есть кошерное мясо... Никто не препятствует нам в этом. Однако дискриминация... состоит во вмешательстве в религиозное образование наших детей... Когда обнаруживают религиозную школу, где учатся три или больше мальчиков, учителя немедленно арестовываются... Наше молодое поколение насильственно отрывают от нас... Наш долг обратить внимание американского еврейства на эту чудовищную несправедливость».

Акции властей нередко встречали глухое, а подчас и открытое сопротивление. Именно политика в сфере образования – больше, чем в любой другой сфере религиозной жизни, – вызвала решительное противодействие еврейской массы. «В Витебске, в большой синагоге города, – сообщала московская газета “Безбожник”, – собралась многотысячная фанатизированная толпа, от имени которой к залу суда явились депутаты с угрозами и требованием пустить в зал. При выходе из помещения, где проходил суд, тт. Абрам (зав. отделом) и Храповский (зав. губнаробразом) подверглись нападению фанатиков».

Ἰαὐτὸ αὐτὸ τὴν ἐκείνην ὄρασιν τὴν πρὸς αὐτὸν ἄδῃ. Ἀεὶ οὐδὲν.

Особую известность получила речь раввина Мордехая Барышанского на митинге евреев-рабочих Гомеля, обсуждавших фактически уже заранее решенный властями вопрос о закрытии хедеров. По словам корреспондента одной из советских газет, раввин Барышанский произнес «явно контрреволюционную, глубоко оскорбляющую власть речь, сравнив притеснения верующих евреев властями с антисемитской политикой последнего русского царя Николая II». Речь раввина, по мнению журналиста, была выслушана собравшимися с глубоким сочувствием, в то время как доклад евсековца Переля «несколько раз прерывался возгласами и репликами с мест, оскорбляющими как коммунистическую партию, так и советскую власть». Едва время Барышанского истекло, президиум напомнил ему об этом. Но раввин, указав на публику, произнес: «Спросите о времени у них». В ответ люди зашумели, послышались громкие возгласы – все настаивали на продолжении выступления. «Под бурные аплодисменты Барышанский, как триумфатор, сошел с трибуны». «Целых два дня еврейская община, назлектризованная горячими защитительными речами Барышанского, продолжала волноваться, и толпа возле синагоги бушевала до поздней ночи, ввиду чего приходилось разгонять ее с помощью милиции». Вскоре гомельские власти организовали судебный процесс над бунтарем. Местный ревтрибунал приговорил раввина к «двум годам принудительных работ со слабой изоляцией». Открытое выступление Барышанского (его прозвали «еврейским Тихоном») привлекло внимание мировой общественности к судьбе хедеров в России.

Инсценированный «суд» над хедером в Витебске в 1921 году тоже вызвал открытое выступление против местной евсекции; его пришлось подавлять милицейскими силами. Как это случалось не раз в еврейской истории, скажем в эпоху разрушения второго Храма, Йоханана бен Заккая и организованной им академии в Явне, в религиозных кругах было принято решение не идти на прямую конфронтацию с властью, с превосходящими силами партии и государства.

К созданию подпольных хедеров еврейские общины фактически приступили сразу же после появления циркуляра Наркомпроса в августе 1921 года. Уже в 1922 году состоялось несколько судебных процессов над организаторами незаконных учебных заведений. В Баку судили 16 раввинов и «крупных еврейских спекулянтов» – попечителей тайного хедера и Талмуд-Торы. Тайные хедеры были обнаружены властями в разных местах, в частности в самой Москве, в местечке Княжицы Могилевской губернии, кое-где еще. В 1925 году в Киеве шел судебный процесс над организаторами подпольных хедеров; однако, несмотря на преследования, руководители киевской общины не отказались от обучения детей. В 1929 году в том же Киеве не менее четверти детей, учившихся в советских школах, одновременно посещали подпольные хедеры – хорошо организованные и работавшие в три смены.

В ряде случаев несколько известных людей, возглавлявших ешивы, вместе с группой учащихся эмигрировали в Польшу. Раввин Моше Соловейчик, представитель знаменитой раввинской династии, глава ешивы в Воложине, раввин Исроэл-Меир а-Коэн, известный под именем Хофец Хаим и особо почитаемый в среде евреев-литваков, раввины Борух-Бер Львович и раввин Исер-Залман Мельтцер – все они с 1921 по 1923 год в ответ на притеснения большевистского режима оставили советскую территорию. Учащиеся ешивы в Новогрудке, которым поначалу только угрожали и которых потом стали открыто преследовать, вместе со своими семьями и родителями тайно перешли советско-польскую границу. К концу 1923 года житомирский корреспондент «Дер Эмес», центральной большевистской газеты на идише, писал, что хедеры и ешивы ликвидированы по всей области – за исключением одной или двух ешив, переместившихся в самые отдаленные районы края. Задача, которую предстоит решить еврейским большевистским активистам, утверждала газета, – это привлечение подрастающего поколения к новым формам образования – советским. Стороннему наблюдателю исчезновение традиционного еврейского образования представлялось правильным. Но это было крайне поверхностное впечатление. Кроме того, еврейское религиозное образование на самом деле не подверглось ликвидации – оно ушло, как уже говорилось, в подполье. Более того, тайные хедеры и ешивы сплывались, ведомые желанием устоять и сохраниться. Их становилось всё больше и больше.

Организацией, взявшей на себя ответственность за этот процесс, стал Комитет раввинов (Ваад Рабаней) СССР. Основал и возглавил его Любавичский Ребе Йосеф-Ицхок Шнеерсон. Комитету удалось просуществовать с конца 1922 до весны 1930 года. Решающая роль в нем, естественно, принадлежала рабби Шнеерсону, однако сам раввинский Комитет не был только любавичской организацией. Кроме рабби Шнеерсона в его руководство входили главные раввины крупнейших городов России, Белоруссии и Украины: духовный раввин Шмуэл Рабинович из Москвы, Менахем-Мендл Глускин из Минска и Элия Аарон Милейковский из Харькова. Первый не был хасидом; он принадлежал к «литовскому» направлению в иудаизме. Последний был религиозным сионистом. Новозыбковский раввин Шломо-Йосеф Зевин получил пост секретаря организации. Создание Комитета стало подлинным переворотом. Совершил его молодой энергичный хасидский раввин, сумевший свергнуть власть престарелых священнослужителей Москвы и Петрограда. Рабби Шнеерсон рассматривал Комитет раввинов не только как сообщество религиозных

деятелей, занятых дискуссиями и консультациями. Он видел в нем в первую очередь контрольный орган, регулирующий деятельность еврейских религиозных общин и других организаций в Советском Союзе. Целью его было объединение всех общин страны под довольно жестким и централизованным руководством. Пребывающий в изоляции, но соблюдающий традиции еврей, отдельный раввин, отдельные синагога, миква или хедер оказывались не в состоянии противостоять силам правящего режима. Центральной организации легче было найти необходимые средства, организовать моральную поддержку, дать совет – как вести себя в том или ином случае в отношениях с местными властями. Проще было предоставить юридическую защиту, легче распространить информацию о нарушении прав той или иной еврейской организации и даже одного из его членов.

Эта была совершенно новая форма еврейской религиозной жизни. Сотни лет иудаизм в Восточной Европе держался на религиозных общинах, каждая из которых самостоятельно вела свои дела. У русского еврейства никогда не было главного раввина, центральной консистории, общенационального собрания раввинов или объединения синагог. Идея Ребе Й.-И. Шнеерсона зиждилась на его собственном опыте и основах хасидизма. В жизни хасидских общин роль Ребе была очень велика. Он занимался самыми разными проблемами. Назначал раввинов и резников (шойхетов), распределял средства, осуществлял духовное руководство, вел переписку со своими последователями. Столкнувшись с серьезными трудностями, которые переживали религиозные евреи в Советском Союзе, он напряженно искал возможность выхода.

Новая структура отличалась от привычных форм хасидской общинной жизни прежде всего тем, что должна была быть тайной, полностью скрытой от карательных служб нового режима и его осведомителей. Тут Ребе Шнеерсон использовал систему проверенных методов русского революционного движения, прежде всего его еврейской «составляющей» – Бунда. Система включала в себя налаживание тайных каналов для получения помощи из-за границы, использование секретных эмиссаров, содействовавших религиозной деятельности в Советском Союзе. Й.-И. Шнеерсон, несколько позже оказавшись за пределами Советской России, называл этих заграничных эмиссаров на старый лад – «арумфорер» (коммивояжеры) или «агитаторн».

Рабби Й.-И. Шнеерсон.

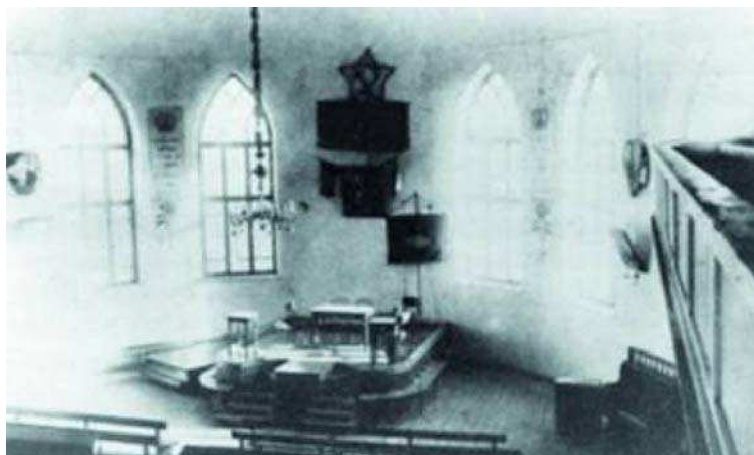
Тем временем Комитет раввинов развернул широкую деятельность; главным делом стала поддержка хедеров и ешив в Советском Союзе. В конце 1922 года члены Комитета принялись за выработку правового статуса еврейского начального религиозного образования. Секретарь комитета раввин Ш. Зевин сумел установить неофициальные контакты с Центральной юридической консультацией в Москве. В 1923 году туда был направлен запрос: разрешают ли советские законы преподавание религии в частном доме группе из пяти-шести детей? Из консультации пришел положительный ответ. Комитет разослал нотариально заверенные копии этого документа в десятки общин. Разослал по всей стране. Это стало реальной поддержкой деморализованным и запуганным местными властями меламедам. В случае ареста или во время суда те могли сослаться на письмо из Центральной юридической консультации, доказывая, что не нарушили советское законодательство. Когда в 1923 году Народный комиссариат юстиции вознамерился внести изменения в Уголовный кодекс СССР, запретив частное обучение религии, раввинский Комитет решительно воспротивился нововведению. Комитет собрал в Киеве, в Минске, в других городах и получил почти 5 тыс. подписей с протестом против несправедливого преследования еврейских педагогов. Комитет раввинов убедил старейшину московской синагоги, активного участника сионистского движения Давида Шора, музыканта по профессии, имевшего связи в высших советских и партийных кругах, переслать письма верующих, сопроводив их собственным письмом председателю Всероссийского Центрального

Исполнительного Комитета (ВЦИК) Льву Каменеву. В июле 1923 года во время встречи с Каменевым Д. Шору удалось склонить последнего на свою сторону. Л. Каменев обратился к заместителю Генерального прокурора Николаю Крыленко. На очередном заседании ВЦИК Крыленко заявил, что Наркомюст принял решение отказаться от введения поправки к Уголовному кодексу, касающейся запрета на частное обучение основам религии. Комитет раввинов воспринял эту удачу как крупный политический успех. Заверенные экземпляры протокола заседания ВЦИК вновь были разосланы по общинам.

Работа «Ваад Рабаней СССР» во многом зависела от финансовой поддержки из-за границы. Й.-И. Шнеерсон установил контакты со Всемирным Еврейским Альянсом в Париже, с комитетом раввина Меира Хильдесхаймера в Берлине, с ортодоксальным «Агудас а-Рабаним». Самую большую пользу принесли связи с Американским еврейским объединенным комитетом («Джойнт») и его московским представителем – доктором Йосефом Розеном. Официально функции «Джойнта» в Советском Союзе ограничивались материальной помощью для восстановления разрушенной войной экономической жизни еврейских общин. Однако Розен и руководство «Джойнта» в Нью-Йорке согласились, несколько отклонившись от разрешенной властями сферы деятельности, выделить средства на поддержку «культурной работы» среди сионистов и религиозных евреев. С 1925 года эта помощь постоянно росла. За несколько лет на эти цели ушли десятки тысяч долларов. Комитет раввинов стал работать как орган, занимающийся распределением средств для поддержки подпольных хедеров и ешив. Мужество и целеустремленность р. Й.-И. Шнеерсона дали благой результат. Учащиеся хедеров и ешив преисполнились великой благодарности к этому незаурядному человеку. Их численность в трудные годы, несмотря на опасную ситуацию, на угрозу репрессий, выросла. По данным, которыми располагали р. Шнеерсон и Зевин, только в Минске число детей, посещавших хедеры, составило несколько сот человек. Комитет оказывал ежемесячную поддержку хедерам в 22 общинах, где обучались 3480 детей. Кроме того, время от времени помощь от Комитета получали хедеры из 44 других общин. В 1928 году, накануне новой беспрецедентной волны гонений на верующих, р. Шнеерсону удалось включить около 160 новых общин в сформированную Комитетом образовательную сеть, увеличив таким образом число хедеров до 8700. Но при этом он полагал, что в СССР имелось по меньшей мере еще 20 тыс. еврейских детей, чьи родители хотели дать своим детям религиозное образование, и не собиравшись останавливаться на достигнутом.

Шнеерсон рассматривал своих последователей как передовой отряд, обязанный всеми силами бороться за сохранение иудаизма в Советском Союзе. Он твердо верил, что эмиграция из СССР может только ослабить усилия и подорвать дух оставшихся. В 1925 году, получив письмо от одного из своих адептов, утверждавшего, что исповедовать иудаизм в России стало невозможно, и желавшего получить разрешение уехать с семьей в Эрец Исраэль, Шнеерсон решительно возразил автору послания:

«Для каждого из нас настало время понять, что нам не следует озираться вокруг себя в поисках другого места в жизни. Мы находимся здесь, и именно здесь мы должны хранить свет Торы и следовать по пути служения Б-гу. Всем нам давно пора понять, что у нас есть жизненная задача – помогать нашим братьям и в этой стране. Я говорю тебе прямо – оставь свои мысли об отъезде. Сосредоточься лучше на том, чтобы помогать нашим братьям и углублять изучение Торы».

Nei aatā, i daadauāi i ay ā eēōā äēy daāt-eō

В 1925 году по инициативе Ребе Шнеерсона в городе Невеле Ленинградской (ныне Псковской) области была открыта «Бейс Мидраш Ли-Рабаним Ве-Шохтим» – полуподпольная ешива для подготовки раввинов и шойхетов. За три года ее окончили 48 человек, а в 1928 году в ней было уже 65 учащихся.

Подавляющее большинство подпольных религиозных учебных заведений – это результат деятельности движения Хабад; благодаря ему в тяжелых условиях удалось сохранить многовековые традиции еврейского образования. Организованная евсекцией кампания по «раскрытию» хедеров редко приносила чаемые результаты. Скажем, в Кременчуге дети, посещавшие подпольные хедеры, упорно молчали, сколько бы их ни допрашивали. В Минске при нелегальной синагоге существовало религиозное издательство Гинзбурга; оно выпустило в свет азбуку для подпольных хедеров тиражом в 20 тыс. экземпляров. В том же Минске раввин Шаковский бесстрашно произносил в синагоге проповеди, призывавшие оградить еврейских детей от влияния атеистической советской школы: «Если в море возникает пожар на корабле, то прежде всего спасают детей... У нас сейчас большой пожар... Спасайте детей!» – воскликнул он. Формой открытого сопротивления явился ответ властям, организовавшим в Минске судилище над так называемой «иудейской контрреволюцией». Показательно анонимное письмо, в связи с этим процессом направленное, видимо, целой группой людей издателю в адрес еврейской минской газеты «Октябрь». «Уважаемый редактор! Вы – бандиты. Придет время, когда мы будем плясать в вашей еврейской крови, ибо русские не способны на то, что вы делаете... Пуришкевич и Замысловский^[1] были благочестивцами по сравнению с вами. Теперь ваша спесь несколько спадет, нет уже евсекций^[2]. Ваша кровь еще будет литься, кровь раввинов не пройдет вам даром».

Особого внимания заслуживают выступления магидов. Магиды – это бродячие проповедники. Нередко их речи включали в себя до дерзости прозрачные притчи и даже открытые призывы к религиозному нонконформизму. Вот какую притчу (машал) поведал слушателям один из магидов в московской синагоге на Арбате: «У меня была лошадь. Дохлая кляча, ее противно было запрягать. Нищета царила в моем доме. Но вот настал день ярмарки, и я выменял клячу на коня. Это был красивый конь и веселилась моя душа, глядя на него. Однако скоро я увидел, что конь мой опоенный и слаб на ноги и я не могу проехать на нем ни шагу». Вот пример, еще более недвусмысленного машала: «Никто не даст нам избавленья, ни Б-г, ни царь и не герой; добьемся мы освобожденья своею собственной рукой... Если избавление дает не Б-г, а рука, то, следовательно, рука у них является Б-гом. Но ведь руку можно сломать... А разве можно сломать Б-га? Следовательно, рука не Б-г. Значит, не правы они, говорящие, что нет Б-га».

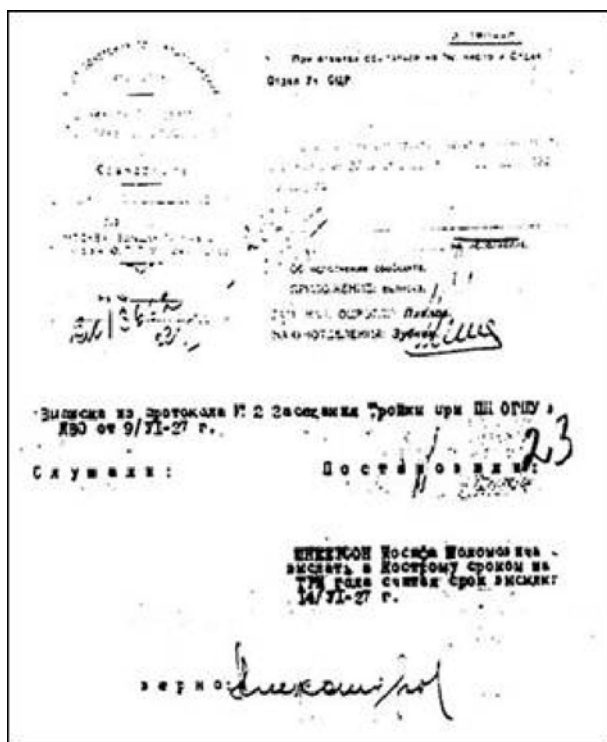
В борьбе с еврейским образованием власти активно использовали самих детей. Например, в Кременчуге за дело взялись «юные безбожники» из городского «Союза воинствующих безбожников». Они обнаружили несколько подпольных хедеров. Обучавшихся там детей уговорами и насильно стали вовлекать в пионерские организации, а над меламедами было проведено несколько показательных судебных процессов.

Рабби Шнеерсон, председатель Комитета, практически сам принимал решения о финансовой поддержке тех или иных хедеров и ешив. Рачительное отношение р. Шнеерсона к распределению средств шло на пользу его личной репутации. Минская и слущкая миснагедские ешивы постоянно обращались к нему с просьбами о помощи и восхищались учением Хабад. Эти ешивы даже предлагали включить изучение хасидизма как важного религиозного направления в свою учебную программу. Из-за нехватки средств и некоторых других привходящих обстоятельств Комитет раввинов не смог распространить свою деятельность на всё еврейское религиозное образование в Советском Союзе. Тем не менее он был самой важной и совершенной организацией своего рода в условиях быстро формирующегося тоталитарного атеистического государства.

Коммунистическая пресса на идише развернула резкую пропагандистскую кампанию против Любавичского Ребе, объявив его «самым опасным еврейским контрреволюционером» страны. Но даже после его ареста и последующей высылки из Советского Союза в сентябре 1927 года деятельность Комитета раввинов не прекратилась. Комитет продолжал работать; секретарем его оставался раввин Зевин, дополнительные обязанности принял на себя московский раввин Яков Клемес. Правда, ешива в Невеле вскоре была обнаружена и закрыта властями. Ее руководителя, раввина Шмуэла Левитина, арестовали и сослали в Сибирь.

Тем не менее отчет Комитета о своей деятельности, составленный в 1929 году для «Джойнта», выдержан в спокойном и уверенном тоне:

«Нападки, обрушившиеся на ешивы, как бы тяжелы они ни были, не сломили дух студентов ешивы и их руководителей. Хотя в результате этого десять (человек. – А. Л.) были посажены в тюрьму, ешива не уничтожена. Когда евсекция начала притеснять ешиву, (она. – А. Л.) перебралась в другой город, разделилась на несколько частей и продолжала занятия. С уничтожением ешивы в Невеле учащиеся направляются в другие города...»

Αὐτὴνὰ ἐς τὸ ὀφείλει ἀπαιτῆσαι «ὀφείλει» ἡ ἀπὸ τῆς δ. Ε.-Ε. Οἰκονομίας τῆς Ἐπιθροῦν ἁ

Не позже мая 1929 года письмо, подписанное Зевиным, Клемесом, примерно ста менее известными раввинами и «другими работниками в ортодоксальном еврействе», ушло на Запад. Авторы письма обращались к западному еврейству с просьбой не прекращать материальную поддержку ешив и других религиозных заведений в СССР.

Ситуация сильно изменилась к худшему осенью 1929 года, когда началась неслыханная по масштабу всесоюзная антирелигиозная кампания, когда десятки синагог были закрыты или превращены в рабочие клубы. На очереди стояло закрытие московской и ленинградской хоральных синагог. Многие раввины в России, в Белоруссии и на Украине были лишены гражданских прав. Их дома и квартиры конфисковало государство, они оказались перед реальной угрозой ареста и депортации. В этой обстановке немалое число религиозных деятелей стремилось покинуть родные места и перебраться куда-нибудь подальше или вообще эмигрировать.

Дело в том, что перед этим был принят новый закон о религиозных объединениях. В соответствии с ним религиозным организациям запрещалось оказывать материальную поддержку своим членам, устраивать молитвенные и другие собрания, открывать библиотеки и читальни. Массовые аресты прошли в Минске. Среди арестованных был Менахем Глускин, главный раввин города и член руководящего совета Комитета. Он и его соратники были обвинены в контрреволюционной деятельности. В сложившихся условиях минский Комитет раввинов лишился возможности помогать хедерам. Самым зловещим и пугающим было сообщение властей о том, что ими обнаружены «переписка с еврейскими организациями за границей... гектограф и документы, свидетельствующие, что община занималась контрреволюционной деятельностью, передачей сведений зарубежным организациям». Несомненно, в виду имелись контакты раввинского Комитета с «Джойнтом» и самим Ребе Шнеерсоном. В результате переписка с р. Шнеерсоном, жившим в Риге, и штаб-квартирой «Джойнта» в Нью-Йорке была прекращена. Обнаруженные документы и раскрытие несанкционированной советскими властями деятельности «Джойнта» принудили руководство последнего прекратить финансирование религиозных учреждений. Это нанесло смертельный удар Комитету раввинов и привело к его самороспуску. В результате подавляющее большинство тайных хедеров оказались закрытыми.

Βιάννης Γ. Λεοντής.

Подпольные учебные заведения, хедеры и ешивы дали образование десяткам тысяч еврейских мальчиков и юношей. Более десяти лет они сумели выстоять в невероятно трудных условиях и продемонстрировали уникальное мужество. Рабби Шнеерсон и его единомышленники были убеждены: их деятельность спасла от гибели еврейскую религиозную традицию в Советском Союзе. Несмотря на беспощадные антиклерикальные кампании последующих десятилетий, иудаизм уцелел и оказался необходим новым поколениям евреев, явившимся в мир на этой земле, под небом этой страны.

*Υπογύψιν ο λαός «Εβραίοι» Αειμίαντος Αοεί Γα: ο Ετέοείο επί τεί γαόντ 55 έαο.
Γίγαδαεύαι ατ η πράεεαι ε ίαααι ττ Ια αεύτ αεσα π ο δαί ε: ατ ατ.*

^[1] *Εγαπόί τα παόίατ ά ί δαδαι έ ποεί ί ί έ Διηέ, αέοεάί τά π ο ί δί ί έεε ί ααεί αί ετ ά
δε ο αεύτ ί ί αέεπ ο ά Ααέεπ ά Ιά ί δ ο αττ ί αά ί εί ά 1913 π ά ά*

^[2] *Α 1929 π ά ά αττ έεε αύεε δαπ ούαί τ αεάν ο τί ε.*

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

איך אַראַבערטיי

Как-то летом, в субботу, я зашел к Рут Штерн и, к своему удивлению, увидел на ее веранде незнакомца, которого она представила как Леопольда Бродского. Линдхерст – городок маленький, и стоит кому приехать, об этом тотчас становится известно. Из слов Рут я понял, что он уже приходил к ним домой с рекомендательным письмом от кейптаунских знакомых и что в Линдхерсте он уже несколько недель.

Было это лет десять назад, через год или два после второй мировой; десять лет назад я и предположить не мог, что буду жить в Йоханнесбурге – там-то сегодня днем я и увидел Леопольда Бродского. Я ехал в машине, он шел по тротуару; он меня не заметил, а я сообразил, кто это, только проехав несколько кварталов. Наверное, из-за этой встречи я и решил вспомнить давнишнюю историю, хотя с тех пор случилось много всякого и с нами, и с делом, которому я был, как мне тогда казалось, предан.

Итак, десять лет тому назад мы оказались втроем – Рут, Бродский и я, и Рут сказала:

– Леопольд – твой собрат по оружию. Он тоже сионист.

– Так вы сионист? – спросил меня Бродский.

– Так считает Рут, – ответил я.

– А сами вы как считаете?

Он продолжал настаивать, и я понял, как глупо прозвучал мой уклончивый ответ.

– Да, сионист, – сказал я.

– А почему? – спросил он.

Прямота и серьезность, с которыми Бродский задавал вопросы, не меньше чем сильный акцент, выдавали в нем выходца из Европы. Бродский напоминал ракету или снаряд: смуглый, низкорослый, широкоплечий, с низким лбом и квадратной головой. Очки не придавали его лицу утонченности, а скошенный подбородок не было свидетельством слабости – он позволял сосредоточить внимание на плоской черной макушке. Говоря со мной, он набычился, словно готовился меня боднуть. В тот летний день Рут была в шортах и блузке, я – в шортах и рубашке, Бродский же облачился в темный костюм, словно солнцепек его нимало не беспокоил.

– Так почему вы сионист? – повторил он, когда я замешкался с ответом.

Меня так и подмывало спросить в свой черед: «А вы почему?» – но после предыдущего обмена репликами я сдержался.

– Потому что я еврей, – сказал я.

– Далеко не все евреи сионисты. Если, конечно, не считать сионизмом мелкие пожертвования и аплодисменты в конце собрания.

– Нет, – сказал я, – я сионист иного рода.

– Хотите сказать, вы собираетесь в Эрец Исроэл?

– Да. Меня скоро должны вызвать на учебную ферму под Йоханнесбургом. А потом пошлют туда.

– Понятно. И вы пока что живете в Линдхерсте?

– Похоже на то, – ответил я. И, боясь показаться грубым, добавил: – И тем временем работаю в конторе отца.

– Тем временем... – повторил Бродский. – Я и сам так живу.

– Так вы тоже туда собираетесь?

– Разумеется. В Линдхерст я приехал, потому что была вакансия. Мне всё равно, в каком городе ждать.

– Как вам понравился Линдхерст?

Бродский повернул голову, взглянул на пыльный садик за верандой, на пустынную линдхерстскую улочку, где поблескивал на солнце гудрон. И сказал, четко – такая у него была манера – выговаривая все гласные и согласные:

– Линдхерста я толком не разглядел.

Последовало молчание, нарушил его я.

– Вы к какому движению принадлежите?

Бродский усмехнулся и дернул плечом.

– В ваш сельскохозяйственный сионизм я не верю. Я из тех, кого называют экстремистами.

– Вы – бомбист?

– Да. – Бродский отшутился, но в шутке слышалась угроза. – Впрочем, в Линдхерсте, думаю, я бомбы бросать не стану.

– Линдхерст далеко от тех мест, где бросают бомбы, – сказал я и с улыбкой обернулся к Рут. Но она на меня и не взглянула. Она лежала, небрежно раскинувшись в плетеном кресле – а она при каждой новой встрече мне казалась еще более полной и сдобной, – словно ее не интересовало, какое впечатление она производит.

Когда я затеял с Бродским один из тех нескончаемых споров, что в то время так часто вели сионисты – о террористическом движении в ответ на мандатное правление, введенное Британией в Палестине*, Рут в разговор не вступала, только слушала. Сегодня, пожалуй, об этом движении если кто и помнит, так те, кто в нем участвовал да родственники погибших с той и другой стороны; но тогда я с жаром осуждал терроризм, а Бродский слушал, крутил головой во все стороны, ерзал на стуле, смотрел на Рут и на улицу и в конце концов резко меня прервал.

– Слушайте, меня ваши доводы нисколько не интересуют. Я вам так скажу: если бы бомбы в Палестине бросали сумасшедшие, я бы и этому был рад. В Европе – откуда, напоминаю, я родом, – евреев десять лет ставили к стенке, заставляли самих копать себе могилы, выстраиваться в очереди в газовые камеры. Десять, двенадцать, двадцать лет с евреями обращались чудовищно: их расстреливали, мучили, отправляли в газовые камеры, преследовали как зверье, травили собаками; из их кожи делали абажуры, из золотых зубов – украшения. И евреи на это никак не отвечали. А те евреи, кому повезло, кто оказался за пределами Европы, – их уделом были унижение, бессилие, злоба и отчаяние: об этом должны знать даже вы, молодые люди из Линдхерста.

Бродский подался вперед. Хотя говорил он медленно, похоже, слов ему не приходилось подбирать. Он продолжал, опустив голову еще ниже, но так же неспешно:

– Потому-то я и говорю, что был бы рад, даже если бы бомбы кидали сумасшедшие. Я счастлив, что наконец нашлись евреи, которые нападают сами, а не ждут, когда нападут на них, евреи, которые сами наносят удары, а не получают их, евреи, которые убивают других, чтобы не убили их.

– Но это же просто дикарство! – воскликнул я.

– И что с того? – Бродский нимало не смутился. – Я живу среди дикарей, чего же бояться, что и меня назовут дикарем? Говорите, вы мечтаете о стране, что будет принадлежать евреям? Позвольте мне сказать: добиться чего-то можно, только став диким – как псы, как зулусы.

– Мы не псы и не зулусы.

– Если вы намерены действовать всерьез, вам придется уподобиться им. Ваш сионизм – такой святой и чистый, а мои товарищи-сионисты – не настолько хорошие, мы не о счастье печемся, нам главное – ухватить, вырвать, заполучить. Палестина достанется тем, кто будет за нее биться, и когда Палестина станет нашей, миру придется с этим смириться.

Потом мы с Рут молча слушали рассказ Бродского о том, как они с дядей бежали в 1939 году из Польши, а его родителям и младшей сестре не удалось бежать, и их убили немцы. Даже в четырнадцать лет, только покинув Польшу, Бродский мечтал попасть в Палестину. Но дядя не сумел раздобыть въездную визу и привез его в Южную Африку. И теперь Бродский всё еще ждал отъезда в Палестину, однако надеялся, что ждать осталось недолго.

Рут сидела, приоткрыв рот – виднелась полоска белых зубов, и ее глаза смотрели строго и внимательно. Я слушал, поглядывая то на Рут, то на Бродского – от этого угрюмого человека меня отъединяли и разница в возрасте, пусть и всего на несколько лет, и то, что он родился в другой стране, и испытания, которые ему пришлось из-за этого перенести. Прежде мне не доводилось встречать людей моего поколения, напрямую пострадавших от Холокоста. Будь Бродский старше, его слова бы так на меня не подействовали: но вышло так, что я – сознавая, насколько мое детство в южноафриканском городишке Линдхерст было безопасным, обыденным и скучным, – странным образом, не отдавая себе в том отчета, почти завидовал этому чужому человеку и перенесенным им испытаниям. Мне и теперь трудно в этом признаться, но именно такие чувства я тогда испытывал, и, когда Рут вдруг сказала ему: «Я слушаю вас, и мне стыдно за себя», я понял, что она чувствует то же самое.

За весь разговор она практически не проронила ни слова, и теперь говорила недовольно, почти дерзко. Бродский хоть, похоже, и удивился, однако сообразил, что от него требуется, и перевел разговор, так что и мы с Рут могли принять в нем участие. Но я помнил, с какой страстью он говорил до того, и мне было

стыдно, что я могу болтать с ним о фильмах, которые показывают в городе, но немею, если речь заходит о Европе.

Когда Бродский собрался уходить, Рут пригласила его бывать у нее.

– Не ждите приглашения. Приходите, и всё. Достаточно просто позвонить.

– Как вам будет угодно... Благодарю вас, с удовольствием.

– Мне угодно, – сказала Рут, поднимаясь с кресла. Она стояла вскинув голову, словно формальностью слов и позы пыталась искупить легкомыслие своего вида. Но это ей не удалось, тем более что она машинально заправляла в шорты выбившуюся блузку. Этот жест меня растрогал, и мне было обидно, что и Бродский, должно быть, его заметил.

Но Бродский не улыбнулся. Сверкнув очками, он бегло глянул на нее и снова дернул плечом.

– Буду рад, – сказал он.

– Приходите обязательно. Если у вас освободится время.

– Для вас я его всегда освобожу, – сказал Бродский. Он посмотрел на нее в упор, и она не отвела взгляда.

Но первой с места тронулась всё же она. Подошла к ступенькам, спускавшимся в сад.

– До свидания, Леопольд, – произнесла она и подождала, когда он поравняется с ней.

– До свидания.

Бродский быстро спустился с крыльца и, заложив руки за спину, зашагал по дорожке. Он шел с краю, словно по улице с оживленным движением. Не обернулся, сев в машину, и даже рукой не помахал, как всегда, уходя, махал я, и Рут не помахала ему, как махала мне. Она стояла, прислонившись к колонне, пока машина не скрылась из виду, а когда повернулась ко мне, ее смуглое лицо было умиротворенным, взгляд стал рассредоточенным, и единственным ярким пятном были накрашенные губы. Она смотрела на меня и словно не видела, и я сказал:

– Мне надо идти.

– Надо? Почему? Еще не поздно.

– Нет, мне надо идти.

Рут молча подождала, пока я пройду мимо. Увидев, что она приняла мой уход так спокойно, я страстно захотел остаться, но не остался.

Даже живя в пыльном, забытом Б-гом городишке, в стране, отгороженной от европейских бурь всей громадой африканского континента, вдали от того, что мне казалось центром мира, я в свои восемнадцать лет должен был догадываться не только о том, что со мной случится, но и о том, что могло бы случиться. Из того, что теперь, десять лет спустя, я живу в Йоханнесбурге, а не в поселении на палестинской границе, где предполагал жить, не стоит делать вывод, что мой сионизм был неискренним. Неведение не есть неискренность, и хотя я и не ведал, что многое во мне самом не позволит мне жить в Палестине, неведение мое было во всяком случае искренним.

Тогда, в трепетный период между детством и взрослостью, меня обуревали детские страсти и стремление повзрослеть, и хотя лишь немногие евреи в то время связали себя со столь чужеродным движением, как сионизм, я, встав на этот путь, не чувствовал себя оторванным от своих сверстников. Разве у всех нас – и евреев, и гоев – не было своей Палестины? Разве нашелся бы хоть один, кто не искал бы призвания более высокого и отличного от того, что было давно знакомо? Разве был хоть кто-то, кто не

пытался по-своему, как это делал я, осознать, проверить, испробовать собственный путь? И даже в спокойном, пыльном, с детства знакомом Линдхерсте разве не было Рут – незнакомой, непредсказуемой, которую хотелось завоевать?

Я никогда не говорил с ней о любви – боялся, что она засмеет меня, но мы уже целовались и прижимались друг к другу; когда мы вместе отправлялись купаться, ее широкие бедра манили меня; ключицы, окаймлявшие ее смуглую шею, таили тайну, которую я надеялся познать. И когда Рут, смеясь над моим сионизмом, сказала: «Ты талдычишь про сионизм, но всё сводится к тому, что где-то человек копает на поле картошку, а это не про меня», – когда она сказала что-то в этом роде, я понял, что она томится, так же как и я, что она тоже испытывает себя, пытается представить возможности, проверяет мир вокруг, как – я видел это много раз – в бассейне проверяет упругость trampлина, прежде чем прыгнуть, раскинув руки и зажмурив глаза, вниз.

Мы ходили вместе плавать, ходили на матчи по регби, на танцы, на собрания Линдхерстского общества израильской молодежи; часто в выходные я просто приходил к ней, днем или под вечер, и мы сидели и болтали, вдвоем или в компании других гостей. Мне нравилось, что она пухленькая, невысокая, темноволосая, загорелая, что голос у нее высокий и ломкий, нравилось, как она сидит, раскинувшись, в кресле, нравилось, что она часто смеется моим шуткам и часто рада моему обществу.

Но когда, через несколько дней после того, как я познакомился с Леопольдом Бродским, я позвонил Рут и позвал ее в кино, она тихим голосом, по телефону казавшимся совсем детским, без запинки ответила, что занята. В выходные я снова позвонил, и она снова ответила, что ей очень жаль, но она опять занята и встретиться со мной не может. Через несколько дней, вечером я увидел ее с Бродским в городской библиотеке: он, поздоровавшись с библиотекарем, протянул ему книгу, а Рут стояла поодаль, словно робела подойти ближе; меня они не заметили: она смотрела на Бродского так же сосредоточенно, как и в тот день, когда я впервые увидел их вместе. Я пришел к Рут без предупреждения, как оно и бывало вечером в выходные, и застал их с Бродским сидящими в полумраке на веранде, и, хотя оба держались дружески, я пробыл там недолго.

Я уверял себя, что внешне Бродский мне уступает – ниже ростом, приземистее, говорит с акцентом, но понимал, что всё это не имеет значения. Потому что она так же, как и он, жаждала, пусть скрыто и неявно – как-никак девушка, – того, чего еще не знала, но что хотела изведать. И эту жажду, пусть отчасти, мог утолить Бродский, а не я, чьи детство и отрочество прошли рядом с ней, в унылом, тихом городишке. Через несколько недель я перестал звонить Рут и в гости к ней больше не ходил. Даже в глубине души я признавал, что Бродский имел право поступить так, как он поступил, так же как при нашей первой встрече признал за ним право призывать к убийству.

То, что произошло между мной и Рут однажды под вечер, когда я в конце концов заглянул к ней, случилось не по моей инициативе.

– Мы тоже что-то значим, – сказал я ей тогда, не смея верить, что это правда, пока она не показала, что я для нее значу, и в восемнадцать лет я и не надеялся, что мне будет позволено что-то большее.

Однако инициатива исходила от Бродского, и действовала Рут по его наущению. Однажды вечером он, к моему удивлению, позвонил и спросил, можно ли ко мне зайти. Он придумал предлог: попросил почитать журнал, о котором я упоминал во время нашей давнишней встречи; взяв журнал, он предложил пойти прогуляться. Мне было любопытно, что ему от меня нужно, и я согласился. Вечер был теплый, такой же теплый, или даже еще теплее, чем после солнечного дня в другом климате, я вышел как был – в шортах и сандалиях – и чувствовал, какое тепло исходит от земли – словно она и была источником жары.

Бродский был в костюме. Мы шли медленно, он иногда останавливался и пристально смотрел на меня, словно проверяя, стоит ли ко мне обращаться. Сначала он говорил о Южной Африке и об образе жизни южноафриканцев – множество слуг, автомобили и наряды, родители, о которых нам не приходится заботиться, напротив, они заботятся о нас.

– Вам, ребята, повезло, – сказал Бродский. – Будь вы на несколько лет старше, вас, скорее всего, призвали бы в армию и отправили воевать, но и тут судьба вас пощадила. Вы не пережили тех ужасов, не испытали никаких неудобств. И именно поэтому, уж извините, вашим разговорам о поездке в Палестину у меня особой веры нет. Жизнь в Палестине тяжелая, суровая, жестокая, не для таких, как вы, вы же знаете лишь удовольствия да развлечения, в крайнем случае – маетесь от скуки. Горько, горько вы не знали, а в Палестине жизнь полна горя.

– Я постараюсь подготовиться, – сказал я.

– Вы так говорите, потому что не понимаете, что такое горе. К горю никто не может быть готов. Когда оно приходит, это всегда шок, всегда ужас. Только некоторые люди к этому уже успели привыкнуть, другие – нет. Вот и всё. – Он шел, сложив руки за спиной. – Быть может, лично вам это и удастся, быть может, вы поедете в Палестину и сумеете там жить. Хотя я в этом сомневаюсь.

– Вы ко мне несправедливы.

Он миролюбиво сделал шаг вперед, еще больше нагнув голову.

– Я же сказал, что, может быть, вы в конце концов и справитесь. Исключения бывают. – Тут он резко остановился и обернулся ко мне. – Но такая девушка, как Рут – а она во многом похожа на вас: и воспитывали ее так же, и живет она тоже в Линдхерсте, но она всё-таки девушка, – разве она сможет жить в Палестине – в той Палестине, какой я ее себе представляю?

– Она не хочет жить в Палестине.

В темноте я едва разглядел, как он кивнул.

– Она понимает, понимает, какое получила воспитание, к чему ее готовили. Ей нельзя было отказать в здравом смысле. Но теперь я бы так не сказал. Теперь она ведет иные речи. Но мне здравый смысл не отказал. Я ей говорю: Рут, дорогая, Палестина – не для таких девушек, как ты. Я еду в Палестину, но такие, как я, созданы для этой страны.

– Возможно, вы правы насчет Рут.

– Уверен, что прав, иначе я не стал бы заводить этот разговор. Я знаю, как вам нравится Рут, – сказал Бродский, и, хотя он говорил медленно, прямота слов его меня огорошила. – Я понял это в первый же день – по тому, как вы на нее смотрели. И я знаю, как нравиться Рут вы – она сама мне об этом сказала. – Мы остановились, и он шагнул ко мне. – В этом мире за всё надо бороться. Это касается и женщин. Вы сами должны решить, стоит ли бороться за нее. – Фонарь освещал его лишь наполовину, другая половина оставалась в тени. – Она милая девушка, – продолжал Бродский. – Берите ее. Мужчина должен брать то, что может получить. Никогда не позволяйте себя отпихивать. В этом мире никто никому не помогает. Каждый сам за себя, силой отстаивает свое.

Он пошел дальше, а я не тронулся с места, и он остановился, обернулся и уставился на меня. Я тоже смотрел на него – на темную коренастую фигуру, на привычную голову, на оправу очков, выделяющуюся даже в темноте. Я не мог различить, улыбается он или нет, когда он сказал:

– Вы, наверное, хотите спросить, зачем в таком случае я помогаю вам. Но я не вам помогаю. Я помогаю прежде всего себе.

– Каким образом? – спросил я.

– Я посмотрел, крепко подумал и решил: Рут не для меня. Вот и всё. Я отступаю. – И он действительно шагнул назад.

– Если вы хотели только этого, можно было обойтись и без нашей беседы.

– Я так не хотел.

– Послушайте, – сказал я громко, – что вы пытаетесь мне доказать? – И еще спросил: – Что вы, собственно, делаете? – Он не успел произнести ни слова, но я уже знал ответ.

Я был настолько удивлен, что он считал нужным передо мной рисоваться, навязывать мне свои взгляды, демонстрировать свое превосходство, что, услышав его слова, даже не рассердился.

– Поскольку я имел удовольствие увести у вас Рут, доставьте мне удовольствие вам ее вернуть. – Теперь я видел, что он улыбается.

Мы стояли на углу улочки – за нашу прогулку мы прошли не одну такую улочку. Я развернулся и пошел домой. На ровных, тихих улочках мне попала пара-тройка кошек, а так кругом стояла тишина, и когда вдалеке загудел поезд, у меня было такое ощущение, что это место, забытое и покинутое, затерялось во мраке вельда.

Я не знал, что сказать Рут, но чувствовал, что должен поговорить с ней. Должен был снова встретиться с ней, хотя на следующий день, когда я позвонил ей, она моему звонку не обрадовалась.

– Ты уверен, что этого хочешь? – спросила она, но я ответил, что хочу, и настаивал, пока она не согласилась.

Когда я пришел, Рут ждала меня на веранде.

– Привет, – только и сказала она.

– Привет, – ответил я.

Она спросила, не хочу ли я выпить чего-нибудь прохладительного, но я отказался.

Я не мог сидеть с ней рядом и устроился подальше, в другом углу веранды, но не смотреть на нее я не мог. Я понимал, что, если буду медлить, не осмелюсь ничего ей сказать, но никак не мог решить, что именно сказать.

– Рут... – начал я и тут понял. – ...Я хочу поговорить с тобой о Леопольде.

– Я тебя слушаю.

– Значит, я могу? Могу с тобой поговорить, Рут? Seriously поговорить? Разрешаешь?

Она кивнула.

– Ты за этим пришел?

– Да.

– Что ж, раз ты здесь, наверное, так тому и быть. – Ее слова не очень обнадеживали, но я всё-таки начал.

Теперь я понимаю, что это было чистым безумием – и то, что я пришел, и то, что пытался сделать – уговорить девушку переменить свои чувства, ведь это задача безнадежная, даже когда к ней приступают более деликатно, чем я.

– Он псих, – с места в карьер заявил я. – У него всё напоказ. Он прет как паровоз. Он не уверен в себе, вот и самоутверждается. – Я не обдумывал заранее, что буду говорить, тем не менее говорил без запинки. – Помнишь, когда он был здесь в первый раз, он говорил о том, как воюют в Палестине, о том, что он за террор, даже если бы террористами были сумасшедшие?

– Помню.

– Вот-вот, об этом я и веду речь. Он говорит, что хочет, чтобы евреи убивали, потому что столько лет до этого убивали евреев, так неужели ты не понимаешь, что он не верит, как верим ты и я, что евреев просто напросто нельзя убивать? Неужели ты не понимаешь: он в глубине души боится, что такова судьба всех евреев и его ждет такая судьба? Поэтому ему приходится доказывать себе, что евреи – такие же люди, что у них другая судьба, что евреи сами могут убивать. Он должен себя убеждать в этом – и про евреев, и про себя, но он всегда против других.

– И что же?

– Это плохо. – Ничего другого я придумать не мог.

Я ждал от Рут ответа, но она молчала. Мне пришлось продолжить.

– Мы не такие, – сказал я. – Мы не считаем, что у нас такая судьба. Мы другие, и это существенное различие, самое важное. Я знаю, мы не имеем права так рассуждать, потому что нам не довелось испытать то, что испытал он, но мы всё равно обязаны отстаивать свои взгляды. Мы тоже что-то значим.

– Я это знаю, – сказала Рут.

Что-то в ее голосе заставило меня взглянуть на нее. Она откинулась в кресле; я увидел в ее глазах блеск – она то ли радовалась, то ли гордилась, что ошарашила меня своим ответом. И тут я заметил, что глаза ее заблестели еще сильнее: слеза повисла на реснице и быстро скатилась по щеке.

– Я люблю его, – сказала она.

Я вскочил со стула, встал перед ней на колени, взял ее за руку. Она не отняла руку, и я сжал ее пальцы.

– Разве нельзя? – услышал я ее слова.

Я крепче стиснул ее руку, привел довод, который так и рвался с моих уст, – ничем больше защитить и ее, и себя я не мог.

– Ты слишком молода. – Я чувствовал, как к моим глазам подступают слезы, и сжимал ее руку, пока опасность не миновала.

Рука, лежавшая на подлокотнике, опустилась на мою голову – и меня словно током прошибло. Ласково, словно исход моей битвы был для нее давно делом решенным, она сказала:

– Я и сама себе это говорила. Говорила, что слишком молода для любви к такому человеку. – Ее рука скользнула к моему затылку, прохладная, легкая, ограждающая. Я поднял голову: лицо Рут было рядом, на щеках блестели дорожки от слез, но других признаков того, что она плакала, не было. – Я слишком молода. И я его действительно люблю.

Только тогда я вспомнил, что Бродский ее не любит: тогда вечером, на пустынной улице, он сказал мне, что не любит ее. Ее предали, ей грозило разочарование, она должна была проиграть; эта любовь, для которой она созрела, была безнадежной. Я не мог смолчать.

– Он тебя не любит.

Она не стала спрашивать, с чего я это взял.

– Я знаю.

– Так как же ты можешь его любить?

– Так же, как ты любишь меня, – просто ответила Рут.

Мы никогда прежде не говорили о любви, да и теперь таким образом она сказала, что не любит меня, – вот и весь разговор. Однако ее слова ошеломили меня, и, пока я шел по улицам, залитым последними лучами солнца, я не мог опомниться. Я как никогда ясно понимал, что в мире есть нечто высшее, и его свет доходит даже досюда, даже до меня.

В конце концов я съездил в Палестину и вернулся. Интересно, что делал Бродский? И что он делает теперь – ведь увидел я его в Йоханнесбурге, на переходе, где он стоял, сложив руки за спиной, ждал, когда загорится зеленый свет. Он пробыл в Линдхерсте недолго, и никто, кроме Рут, не знал и особо не интересовался, что случилось с ним после того, как десять лет назад он уехал.

Как ни странно, но из нас троих в Палестине живет только Рут, может, копает где-то картошку, хоть и клялась, что никогда этого делать не станет. В Палестине я с ней не встретился – она приехала, когда я уже оттуда уехал. Я не видел ее много лет.

И только теперь, написав это, я понял, что признание, которого так яростно и отчаянно требовал Леопольд Бродский от мира, я получил от Рут, когда, послушавшись ее, сумел наконец увидеть землю, обетованную нам всем. Это земля, где должен постараться жить каждый из нас, потому что другой нет.

Ī ādāā n āi āēēēēēēēē

Āādū Ī ō ōēēēēēēēē

** Ī āi āāō Ī ā ōi āāēēēēēēēē ō āēēēēēēēē Ī āēēēēēēēē Ū Āēēēēēēēē ō āi ēy Ī ēō-ēēā Ī ō Ēēē Ī āēēē ā 1920 ā āā, Ī ēēēēēēēē, ēāē ēēēēēēēēēēēēēē Ī āēēēēēēēē āi ādāi y Ī ādāē ē ēōēēēēēēēē ēēēēēēēē.*

КРУГОВАЯ ПОРУКА

Моисей Гольдштейн

Историю политической борьбы в России можно разделить на периоды – соответственно тому, под каким лозунгом шла травля евреев. Период «жидокадетов» – это когда «черная сотня» воевала с партией кадетов. Эпоха «Керензона» – когда надо было свалить Керенского. Само собой разумеется, что теперь, когда идет борьба с большевиками, то по всем фронтам пущен лозунг: «Большевики – это жида». Вот почему раньше, чем говорить о территориях, о суверенных правах, о самоопределении – обо всем том, что теперь так модно, и остро, и сложно, – еврейский народ мог бы обратиться к человечеству с простым и ясным требованием, требованием-примитивом: долой круговую поруку народа за отдельных лиц!

То, что стало азбукой в уголовном праве – что за величайшее преступление человека не может отвечать никто, кроме него самого, что вызвало бы возмущение, если бы за преступника был осужден его дядя, или племянник, или кузен, – то должно сделаться азбукой и в отношении целого народа. Народ не может, и не хочет, и не должен отвечать за те или другие действия тех или других евреев.

До и после Февральской революции 1917 года говорили: русское правительство – это одно, а русский народ – другое; русский народ не виноват, если русское правительство плохое.

Но позвольте: если русскому народу не ставилось в счет самодержавие, заявлявшее в продолжении трехсот лет, что оно действует от имени и в пользу русского народа, то как можно еврейскому народу ставить в счет Троцкого или Зиновьева, которые никогда и не смели заявлять, что действуют от имени еврейского народа? Не еврейский народ выбирал Троцкого, не еврейским государством правит Троцкий, и не еврейское дело делает он.

Ибо кто же – кроме тех, которые не могут и не хотят видеть истину, – не знает, что ни один народ в России не пострадал от большевизма в большей степени, чем еврейский? Благами большевизма воспользовался не он: землю получили крестьяне, фабрики-рабочие; зло же большевизма пало больше всего на еврейский народ: финансы, промышленность, торговля, либеральные профессии – все его экономические базы потрясены, подорваны, уничтожены. Что же касается нескольких сотен или даже тысяч еврейских комиссаров или спекулянтов (из которых первые расстреливают вторых), то они так же мало могут компенсировать бедствия миллионных масс, как процветание десяти тысяч помещиков могло утолить земельный голод русского крестьянства.

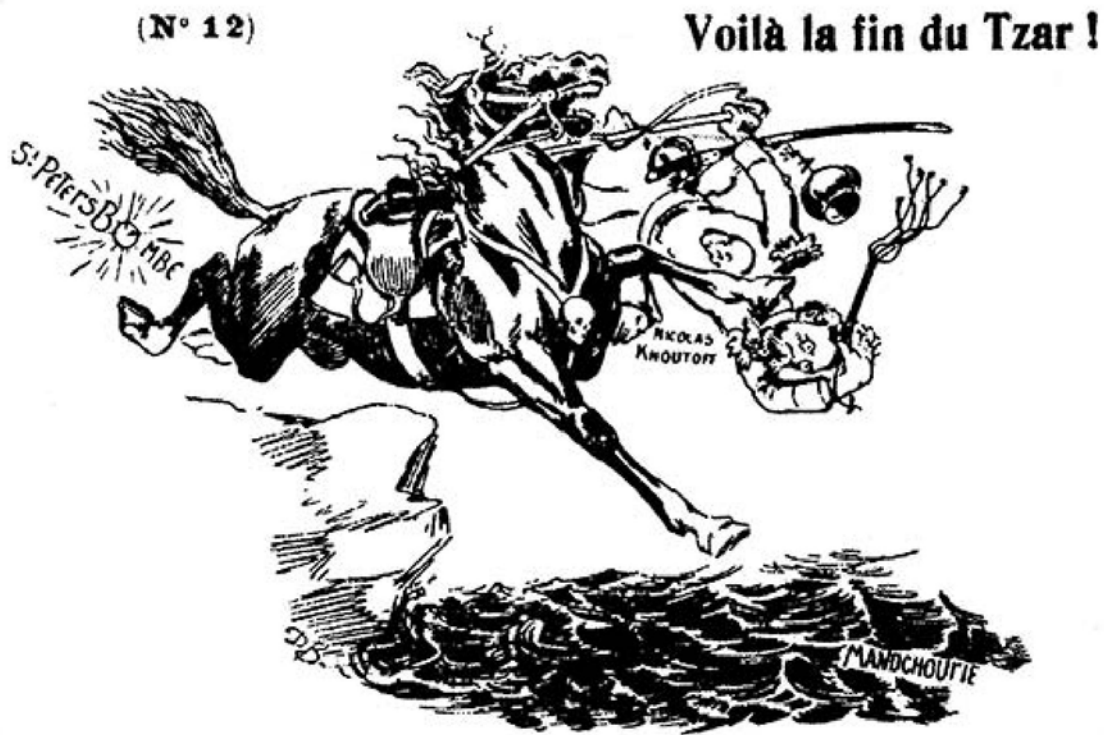
Как же произошла эта «перестановка» центра вопроса? Как совершился этот исторический, на глазах всех творимый подлог?

Чтобы ответить, нужно дать себе отчет: каков смысл большевистского движения в России? Есть ли это дело вожаков, или же большевизм, по тем или иным причинам, имеет корни в психологии народных масс? Эта психология в 1917 году была ясна и проста: народ прежде всего предъявил свое вековечное требование, требование земли; второе: он устал от войны, целей которой он не понимал и не признавал. Ибо вопросы мировой политики, мировых влияний, мировых рынков были абсолютно чужды народу. Он видел свои необъятные пространства, свои неисчерпаемые богатства, и ему было решительно всё равно, будет ли он, в обмен на свои хлеба, леса и лен, получать фабрикаты, сделанные в Берлине или в Манчестере. Не понимал народ целей войны. А когда народ их не понимает, то воевать невозможно. Эту истину отлично знают на Западе, где невозможность военного вмешательства в дела России объясняется именно тем, что западные народы не желают делать чужое для них дело. Весь смысл переживаемого миром момента заключается именно в том, что войну и мир хотят теперь делать сами народы, что на арену в качестве политических факторов выступили народы; и всё искусство и весь успех государственных людей зависит от того, умеют ли они или не умеют угадать желания этих масс. Ллойд Джордж меняет так часто свою политику не из-за одного оппортунизма, но и потому, что он считает нужным быть самым чувствительным аппаратом народных желаний. Успех Клемансо в том, что его лозунг: война с Германией и мир внутри страны – это истинные и могучие желания самого французского народа. Итак, народы делают политику.

И вот в условиях такого исторического момента выступил на мировую арену в качестве политического фактора выкинутый на нее великой войною русский народ. Лишь 50 лет назад он вышел из

крепостного рабства; три столетия был придавлен железной пятой самодержавия, когда за найденную при обыске книжку сослали в Сибирь, а за устройство еврейского погрома награждали орденами; когда вся внутренняя политика состояла в том, что каждый должен заниматься только своим делом, а вмешательство в общее дело есть преступление. При этих условиях вдруг, сразу, без подготовки исторический момент потребовал от народа, чтобы он встал рядом с французами, англичанами, американцами – светочами культуры и цивилизации и чтобы он делал собственную судьбу.

Неподготовленный, застигнутый врасплох, народ желал только двух вещей: земли и мира. Навстречу первому требованию шли многие партии. Но навстречу второму – немедленному прекращению войны – шла только одна партия: партия большевиков. За большевиками, не скупившимися ни на яркие демократические обещания, ни на самые несбыточные посулы, пошли не только массы и низы, но и подонки. Землю, фабрики, сапоги и брюки с буржуя, его последнюю рубашку – бери всё, что хочешь. Всем самым низменным инстинктам народной разнузданности были приданы пышные формы народного блага. Вот в чем оказалась сила большевиков: не в том, что они повели народ за собой, а в том, что они пошли за ним. Дальнейшие события ежедневно подтверждали это и в крупном, и в мелком. Народ принял землю – тут он был заодно с большевиками, ибо на самом деле большевики были с ним. Ну а отдать землю? Завести коммуну? Отдать городу часть урожая? Нет, здесь никакая большевистская пропаганда ничего сделать не может, и приходится прибегать к карательным отрядам. Забрать у буржуев тысячи домов – полное послушание. Ну а выстроить хотя бы один дом или фабрику? Абсолютное неповиновение. Вот почему все – и в том числе сами большевики – признают, что никакая творческая работа не налаживается; когда надо творить – большевиков вдруг перестают слушаться, и вся их хваленая агитация и пропаганда ничего сделать не могут.

Γὰ εἰς τὴν ἀποδοξάν τῆς ἀνάστασις ἐν τῇ ἀποστολῇ τῆς ἐκείνης Π, εἰς τὸν αἰὲν ἰσχυρὸν τὸν δακτύλῳ ἐδεδοξέναι τὴν πῶ τῶν ἰσχυρῶν τῶν ἀποδοξάν τῆς ἀνάστασις ἐν τῇ ἀποστολῇ τῆς ἐκείνης Π.

Γὰ εἰς τὴν ἀποδοξάν τῆς ἀνάστασις ἐν τῇ ἀποστολῇ τῆς ἐκείνης Π.

Не значит ли всё это, что большевики идут не во главе движения, а в хвосте его; что дело не в большевиках, а в большевизме? В Киеве, при гетмане, повторялась формула: «На севере есть еще большевики, но уже нет большевизма; на юге нет большевиков, но есть большевизм».

Большевизм, а не большевики – вот болезнь России, от которой она должна выздороветь. Но если это так, то при чем же тут еврейский народ? Да, есть большевики... – евреи. Но чтобы был большевизм как еврейское национальное движение – этого не скажут даже самые недобросовестные антисемиты. Вот

почему иногда делается просто стыдно, когда приходится торговаться из-за количества еврейских комиссаров и доказывать, что Раковский румын, а не еврей. Конечно, это необходимо делать, ибо нужно спорить против всякой клеветы и опровергать всякую ложь. Нужно опровергать всякую ложь, но чувствуешь и понимаешь, что самая постановка вопроса, как вопроса о лицах, есть извращение вопроса и затемнение его смысла. Одно из двух: если дело не в вожаках, а в народе – в его инстинктах, в его культуре, в его чаяниях – то кто же скажет, что большевизм есть движение еврейского народа? Конечно, это явление чисто русское. Вы не согласны? Вы говорите, что нельзя уйти от большевиков к большевизму; что Ленин, Крыленко, Чичерин не есть русский народ, что нельзя поэтому переносить ответственность с лиц на народ? Так неужели вы не задумаетесь раньше, чем возложить на еврейский народ ответственность за Троцкого, Зиновьева и Нахамкеса?

Вот прямой и честный вопрос. И надо верить, что настанет день, когда русский народ, обращавшийся устами Достоевского и Толстого к совести всего человечества, даст на этот вопрос прямой и честный ответ.

«Αἰὶεὶ καὶ ὀδὸς αἰ», 1 1, 1920

ОЧАРОВАНИЕ САТАНЫ

(Āēāā ēc í íāīā ōīī āíā)

Āōēāōēē Ēāí íāē:

ŸĚĚŌĀĀĀ

Не успел дальновидный Чеславас Ломсаргис, спасаясь от преследования и грозившей ему неминуемой отправки в Сибирь, покинуть родное гнездо Юодгирай и укрыться где-то у родственников жены в Занеманье, поблизости от немецкой границы, как на хутор, оставленный им на попечение напросившейся в добровольные батрачки Элишевы Банквечер, на раздрызганном армейском газике внезапно нагрянули новоиспеченные сотрудники местечкового энкавэдэ Повилас Генис и его сослуживец Лука Андронов, работавший до прихода Красной Армии на мишкинской лесопильне.

Под яростный лай рвавшейся с цепи овчарки они приблизились к усадьбе, выскочили из машины и, вытащив из кобуры пистолеты, принялись с воровской осторожностью обходить большую, срубленную из отборных сосен избу и заглядывать в окна, отливавшие дешевым золотом утреннего солнца.

– Эй, есть тут кто-нибудь? – почесывая себя пистолетом за ухом, вскричал Генис.

Никто не отзывался.

– Эй, есть тут кто-нибудь? – Повилас еще раз взметнул голос до верхнего регистра. Но на его окрик протяжным и печальным мычанием из хлева откликнулась только корова.

– Неужто Ломсаргис и нашу старую подружку с собой прихватил? – пробасил нетерпеливый Лука.

– Вряд ли, – усомнился старший по званию Генис, который замещал уехавшего на боевую учебу в Москву Арона Дудака, – Ломсаргис уже один раз ее оставлял за сторожа, когда я в прошлом году сюда за излишками зерна приезжал. Тогда вместо него, хитрюги, я тоже напоролся на задиру Шевку, с которой мы, помнишь, когда-то на пустыре за казармой гоняли тряпичный мяч и в орлянку играли... – И он снова с каким-то веселым отчаянием выстрелил ее именем в воздух: – Шевка! Куда она, дуреха, запропастилась?

И снова на его выстрел откликнулась только корова, печалившаяся в росной тишине теплого июньского утра то ли из-за отъезда хозяина, то или из-за того, что, не доенная, застоялась в насыщенном зловониями хлеву.

– А чего это она, проклятая, так мычит? – спросил Андронов.

– Чего, чего... – передразнил его Повилас. – Видно, по быку соскучилась? – И захохотал.

– Давай взломаем дверь и обшарим для начала всю избу, – предложил Лука, привыкший на лесопильне не к рассуждениям и островам, а к решительным действиям. Словами даже щепку не распилишь.

– Ломсаргис не такой дурак, чтобы прятаться в избе.

Служивые для разминки и впрямь могли бы взломать дверь и обшарить в избе все уголки, но тут из клетки неспешно, расчесывая на ходу одной рукой свои рыжие, как бы заряженные электрическим током волосы, вышла во двор со звонким ведерком в другой руке заспанная Элишева.

– Тебя, видно, надо артиллерийской пушкой будить, – с притворным, почти ласковым гневом напустился на нее Повилас Генис, заместитель заместителя мишкинского отделения энкавэдэ Арона Дудака.

Нрав Элишевы, свояченицы Арона Дудака, был Генису хорошо знаком с детства – только задень ее, обзови каким-нибудь неприличным словом, тут же влепит оплеуху обидчику. Недаром портной Гедалье Банквечер говорил, что она должна была родиться мальчишкой, но Б-г перед самым ее рождением передумал и наградил Шевку, хе-хе-хе, не лейкой с носиком, а лейкой со щелочкой... Повилас каждую субботу приходил к Банквечерам с отцом, который за гроши гасил у них свечи. Пнина, Шевкина мать, сухонькая, низкорослая женщина, передвигавшаяся, как подбитая из рогатки голубка, вприпрыжку, всегда угощала сорванца Повилюкаса какими-нибудь еврейскими яствами – картошкой с черносливом или гусиными шейками, а на праздники одаривала медовыми пряниками, пирожками с изюмом и печеньем с имбирем.

– Сон хороший приснился, – сказала Элишева, – вот и решила досмотреть до конца. Не вскакивать же из-за вас, молодцев, с теплой постели.

– Палестина, небось, снилась, – поддел ее Генис. – Оливковые рощи, верблюды...

В местечке ни для кого не было секретом, куда при первой возможности собиралась уехать младшая дочь Банквечера, которая мечтала построить на песке, посреди пустыни, свое – еврейское – государство.

– С каких это пор, Повилюк, ты женскими снами интересуешься? – не переставая расчесывать волосы, съязвила Элишева.

– Мы, Шевка, интересуемся не снами, – посерьезнел Генис, забыв про совместные игры в детстве на пустыре за казармами, субботние свечи и имбирное печенье.

– А что вас интересует? – Элишева сделала вид, что ничего не понимает.

– Не догадываешься?

– Нет, – отрубил Элишева. – И спрячь, пожалуйста, подальше свою цапку. От нее злом воняет.

Повилас Генис и Лука Андронос не стали спорить со свояченицей своего прямого начальника Арона Дудака, послушно сунули оружие в кобуры, но для острастки всё же их не застегнули. Застегнешь, а тут в тебя как бабахнут с чердака или из-за угла овина. В такой глуши без оружия не обойтись. Чужаков и странников Ломсаргис, по слухам, никогда не жаловал, без лишних разговоров спускал на них своего кудлатого Рекса, который не разбирался, какого роду-племени и звания тот, кто вышел из лесных дебрей и направился на хозяйское подворье, – еврей ли, литовец ли, старовер ли. Услышит команду: «Ату его, ату!» – и черной молнией вонзается в незнакомца. Из евреев никто, кроме Элишевы и могильщика Яакова, в эту медвежью дыру забираться не отваживался. Да и нужды такой не было. Большинство евреев в отличие от Элишевы Банквечер переселяться в Палестину не спешило; особого желанья переучиваться из портных и парикмахеров, шорников и жестянщиков в земледельцы не выказывало; дары природы покупало не на глухих хуторах, а по шумным четвергам и понедельникам на уютном местечковом базаре. От своих дальних предков, очутившихся в Литве в тринадцатом веке, их трудолюбивые потомки унаследовали убеждение, что северные плоды для желудка ничуть не хуже, может, даже куда полезнее, чем южные, а морозы, заставляющие крутиться и вертеться, намного лучше, чем жара, плодящая ленивцев и лежебок.

– Хозяин твой где? – спросил Повилас. – Только не юли – не говори, что не знаешь, если не хочешь, чтобы тебя привлекли за лжесвидетельство.

– Не знаю.

Элишева и в самом деле понятия не имела о том, куда ее учитель уехал. Никакого адреса Ломсаргис ей не оставил, просить его об этом она не посмела, попросишь – и в голове у него заворочаются только недобрые подозрения. Сказал человек: к родственникам в Занеманье, пожелай ему счастливого пути, и кончен разговор! У молчаливой и печальной, как придорожное распятые, Пране этих родичей целая дюжина не только в Занеманье, но и в Дзукии, и даже в Латвии, где-то под Елгавой. Мог же Ломсаргис в последнюю минуту заартачиться и отправить не к жениной родне в Прискуле, а свернуть, скажем, в Клайпеду или в Дарбенай. Поначалу он вообще никуда не собирался перебираться, надеясь тут, в глуши, у себя дома переждать тяжелые времена, но после того, как над хутором, отрезанным от остального мира Черной пущей, угарным облаком повисли слухи о телячьих вагонах, пригнанных на железнодорожную станцию в Мишкине из глубины России для выселения в Сибирь всех кулаков-мироедов – врагов народа, он стал подумывать о том, что не мешало бы куда-нибудь на месяц-другой исчезнуть. Уж если, мол, его высокопревосходительство президент Литвы Антанас Сметона с женой и свитой, начхав на всех, умотал за границу, то и ему, «президенту» (так Чеславас после третьей рюмки любил себя в шутку величать) не отмеченной ни на каких картах «второй» республики – в Юодгирай, сам Б-г велел позаботиться о своей безопасности. Только куда схорониться? Пране с утра до вечера долдонила, что чем дальше, тем надежнее. С глаз долой – из приговорных списков вон. Но Чеславасу не хотелось уезжать из Юодгирай в такую даль и надолго расставаться с домом – может, прикидывал он в уме, окопаться где-нибудь неподалеку, в пуще, вырыть логово и зарыться, как медведь на зиму, чтобы время от времени вылезать из него и навещиваться к своим любезным подданным – курам и гусям, овцам и пчелам, коровам и лошадям. Не бросать же на произвол судьбы ни в чем не повинных животных, преданно служивших ему столько лет. С кем посоветоваться, пока не захлопнулась западня и пока он с Пране не угодил на нары в вонючий скотный вагон? Пране в таких делах ничего не смыслила. Ксендз-настоятель Повилайтис по образцу и подобию Господа всуе уста никогда не размыкает. А когда размыкает, то с них только и слетает: «Молитесь, братья и сестры! И Господь вас услышит...» Разве объяснишь святому отцу, что время внемлющих Ему братьев и сестер давно кончилось, а началось дьявольское время вселенской ненависти и противоборства...

Чеславас долго колебался, прежде чем решил излить душу перед единственной исповедницей – Элишевой. Еще покойный отец Ломсаргиса Йонас говорил: если хочешь узнать, что творится в этом сумасшедшем мире и получить дельный совет, что тебе надлежит делать, ступай в бакалею или в лавку колониальных товаров к евреям, которые всегда готовятся к бедам загодя, чтобы те не застigli их врасплох, и обо всех возможных неприятностях и злключениях узнают на полгода раньше, чем все остальные люди. Мол, что с вечера в далекой и денежной Америке узнаёт, например, какой-нибудь шустрый Хаим, то назавтра утром уже на устах у Ицика или Мендла в захолустной Мишкине или в зачуханном Ежеришкисе.

Пране то ли из ревности, то или из осторожности умоляла Чеславаса не распускать язык, не откровенничать с Элишевой, которую они оба на литовский манер называли Эленуте; всё-таки она еврейка, раструбит на весь мир, а то возьмет и, не приведи Г-сподь, предаст. Ломсаргис не перечил жене, хвалил за осмотрительность, но, следуя старому и испытанному правилу соглашаться и поступать по-своему, всё же поделился с ученицей своими страхами и тревогами. Его подкупала отзывчивость и образованность Элишевы и, как Ломсаргис считал, несвойственное евреям прямодушие. Иногда ему казалось, что в поле и в огороде, в риге и на пасеке перед ним не еврейка-белоручка, которой втемяшилась в голову блажь стать крестьянкой и научиться сажать картошку, трепать лен, выкачивать из ульев мед, запрягать лошадь и стричь

овец, а родная дочь, которую даровал ему Г-сподь Б-г за послушание и благочестие и которая против отцовской воли наладилась уехать за тридевять земель, чтобы применить свое умение хозяйствовать на полях Палестины, откуда был родом Иисус Христос, висевший в горнице на почетном месте и вождельно подглядывавший с забрызганного кровью кипарисового креста в глиняные миски с остатками горохового супа и обглоданными косточками. Нет, такая не предаст, на нее можно в трудную минуту положиться.

– Не строй из себя дурочку, – миролюбиво сказал Повилас. – Люди на тебя хутор свой оставили, а ты у них не удосужилась спросить, куда они едут и когда вернутся обратно? Кто в такое вранье поверит?

– Я никому лишних вопросов не задаю. Лишние вопросы укорачивают жизнь.

– Но и молчание, Шевочка, ее не продлевает, – сказал Генис, желая склонить подружку детства на свою сторону не жесткостью, а ласковостью. – Особенно если вознамерилась во что бы то ни стало выгородить вредного человека, который в прошлом бессовестно угнетал трудящихся.

– У кого ты, Повилук, эту мудрость вычитал? У Маркса? Или у Ленина? А, может, на досуге между двумя рюмочками сам придумал? Объясни мне, пожалуйста, кто, по-вашему, вредный для трудящихся человек – не тот ли, кто сам с утра до ночи ишачит? Кто богаче вас? Набожней? Умнее?

Привыкший к решительным действиям на лесопильне Лука Андронов ошпарил Элишеву суровым взглядом и процедил:

– Ты хоть знаешь, что такое классовый враг и что положено за его укрывательство?

– Почему, Лука, для вас классовый враг только Ломсаргис? – с простодушной издевкой осведомилась у Андропова Элишева. – А, например, его Рекс, который на вас обоих во всю глотку лает; или его пчелы, которые сейчас кружат над вами и норовят ужалить в самое темечко; или пуца, которая растит не только для вас, но и для тех, кто не согласен с вами, ягоды и грибы? Почему вы не гоняетесь с пистолетами на заднице за собаками и пчелами, не вырубаете в бору деревья, а носитесь по волостям и ищите среди невинных виноватых?

Такой отповеди от Элишевы местечковые людоловы не ждали. Оторопев от ее слов, они с какой-то непривычной растерянностью взглянули друг на друга.

– Сравнила хрен с пальцем, – по-русски выругался Лука Андронов, который сызмальства испытывал большие трудности с прихотливым литовским произношением и вынужден был перед каждым новым словом делать коротенькую передышку: – Что ты городишь? Думаешь, если мы с тобой в детстве дружили, а твой родственник – наш начальник, тебе всё позволено? При чем тут, скажи на милость, пчелы, при чем тут пуца? Не хочешь отвечать – не надо. Мы никуда не торопимся. Подождем. Еды на хуторе навалом, хватит не на одни сутки, а не хватит – с голоду не помрем, свинью забьем, петуха зарежем...

– Делайте что хотите. А мне пора корову доить. Сами слышите – мычит, бедняга, как перед светопреставлением, – процедила Элишева, повернулась и, не выдав своего волнения, заторопилась к хлеву.

Она корила себя, что не решилась спросить у Ломсаргиса адрес Праниной родни. Если случится чудо и Советы пощадят Чеславаса, не угонят в Сибирь, а только отнимут у него землю, чтобы передать ее в вечное пользование кому-нибудь из их сторонников-горлопанов, как же она, Элишева, оставшаяся тут за

хозяйку, сообщит об этом Ломсаргису? Еще совсем недавно она и думать не думала, что за Чеславасом и Пране могут явиться вооруженные Повилас Генис и Лука Андронов. Чем же Ломсаргисы так провинились? Не тем ли, что вся их жизнь вертелась вокруг пахоты, сева и жатвы, как земля вокруг солнца? Тем ли, что каждый день гнули на своем наделе спину, потом своим поливали каждую сотку, или тем, что, кроме Б-га, никого на своем веку не славили и никого, кроме засухи и распутицы, не кляли? За что же их под стражу и в телячий вагон?

Элишева из набухшего вымени цедила в ведро молоко, струйки весело обстреливали жестяное днище; бурая, в белых проплешинах корова голландской породы то и дело поворачивала в загородке свою большую, царственную голову и полными нездешней печали глазами косилась на приунывшую доярку. Тоненьким фитильком в крохотное, засиженное мухами оконце хлева пробивался ранний луч солнца, который падал на глиняный, выстланный унавоженной соломой пол. Со двора изредка долетали хриплые голоса Гениса и Андронина, которые, видно, в упругой, натянутой, как тетива, тишине договаривались о своих дальнейших действиях и в замусоренном казенными приказами и лозунгами уме расставляли силки для поимки Чеславаса Ломсаргиса. Прислушиваясь к ихговору, Элишева мысленно переносилась в Занеманье и молила Б-га, чтобы Ломсаргис не вздумал сорваться с места и под покровом ночи через кишевшую дикими зверями и ядовитыми змеями пущу примчаться в Юодгирай. Она предчувствовала, что рано или поздно он не вытерпит, не вынесет разлуки со своими крылатыми и рогатыми подданными, с некошеным лугом и лупоглазыми карпами, не станет дожидаться, когда в Литве всё устоится, возьмет и, несмотря на уговоры жены и родичей, пустится – хоть ненадолго – к родному порогу...

Подойдя к корову, Элишева вышла из хлева и, не обращая внимания на непрошенных гостей, лузгавших под старой и бесплодной яблоней семечки, направилась мимо них с ведром к избе.

– Давненько я, Шевка, парного не пивал... – напрашиваясь на угощение, зацепил ее Генис.

– По-моему, раньше ты больше баловался самогонкой, – уколола его Элишева. – Неужто партия велела перейти на молочко? – невесело пошутила она, понимая, что угощениями их с хутора не спровадишь, хотя и тешила себя надеждой, что дружки до ночи под старой яблоней не засидятся. Ведь по хуторам вон еще сколько классовых врагов разгуливает на воле, а их, людоловов, на всю волость – раз-два и обчелся. Полузгают до вечера семечки, в крайнем случае – до ночи, и отправятся либо обратно в Мишкине, либо за добычей в другую волость к каким-нибудь зажиточным Йонайтисам или Петрайтисам, не успевшим от них скрыться.

– Грешен был, Шевка, грешен – баловался. Но и от кружки парного никогда не отказывался.

– Заработаете – налью, – вдруг пообещала Элишева. – Как там ваши вожакі любят повторять: кто не работает, тот не ест и не пьет. Чем семечки лузгать и плевать, лучше взяли бы в руки косы, отправились бы на луг и покосили бы до сумерек. Такое богатство на солнце выгорает. Просто сердце болит. А когда косы у вас затупятся, я каждого не только молоком напою, но чем-нибудь покрепче, да еще вам этого вашего любимого зелья по бутылки в дорогу дам.

– Посторонними делами нам строго-настрого запрещено заниматься, – сказал Лука и сплюнул себе под ноги лузгу. – Помолчал и неожиданно с каким-то вызовом добавил: – Сама знаешь, какую мы с Повиласом травушку косим. Хочешь, чтобы тебе помогли, а нам помочь наотрез отказываешься. Тебе что, этого паразита жалко?

– Жалко. Мне всех жалко.

– Смотри, как бы твоя жалость не обернулась для тебя бедой. – Грузный, небритый, с выпирающим, как спелый кочан капусты, животом, Лука встал с лавки, сколоченной из сосны, расстегнул ворот ситцевой рубахи, со сладким стоном зевнул и выдавил: – Пока мы тут с Пашкой осмотримся, пошевели-ка мозгами, может, наконец вспомнишь, куда твой хозяин улизнул. Ты ведь девка – не дура!.. – Он снова во весь рот зевнул и обратился к Генису: – С чего, браток, начнем?

– А мне всё равно, – пробурчал Генис. – Давай с риги.

Лука и Повилас начали с риги, потом обыскали хлев, потом конюшню и сеновал, потом даже курятник, взбаламутив кур, вдруг вспомнивших, что они не пресмыкающиеся, и вылетевших тут же с истерическим кудахтаньем во двор; потом спустились в вырытый около избы погреб, в прохладе которого хранились окорока, соленья, колбасы, смородиновое и брусничное варенье. Через некоторое время сыщики, как и подобает настоящим большевикам, не ждущим милостей от природы, поднялись на поверхность не с пустыми руками, а с двумя банками засоленных на зиму белых грибов и двумя бутылками сваренного Ломсаргисом впрок отборного пшеничного самогона.

Элишева из окна горницы внимательно наблюдала за всеми их сумбурными и бестолковыми передвижениями и ждала, когда Генис и Андронов, убедившись в бессмысленности своих усилий, прекратят поиски «паразита Ломсаргиса», вломятся в избу и прикажут ей следовать за ними в Мишкине, где у какого-нибудь важного чина – подполковника Варфоломеева или Передреева – она перестанет запирается и выложит как миленькая всё, что от нее потребуют, а не выложит, то не уедет в любезную сердцу Палестину,

а вместе с Ломсаргисом загремит в Сибирь. На помощь своего родича Арона Дудака, пребывающего в Москве и изучающего на каких-то офицерских курсах искусство борьбы с классовыми врагами, ей рассчитывать нечего.

Элишеву окатил какой-то противный жар, когда она услышала жизнерадостный басок Луки Андропова, а затем настойчивый стук в запертую на защелку дубовую дверь. Сейчас, подумала Элишева, оба грохнутся от усталости на лавку, попросят у нее какой-нибудь еды, наспех опрокинут под иконой Спасителя по стаканчику холодного самогона, перекусят чем Б-г послал, велят упрямыце быстренько собрать свои манатки и на газике доставят на допрос в Мишкине.

– Это всё, что вы нашли? – удивляясь собственной дерзости и косясь на бутылку в руке Гениса, спросила Элишева.

– Пока всё, – огорошил ее своим согласием Повилас. – Но мы не унываем. Литва – не Америка, найдем. Будь уверена, найдем. А ты, вместо того, чтобы подтрунивать, лучше бы чем-нибудь покормила нас и поехала бы вместе с нами.

– Куда? Других ловить?

– С другими мы, даст Б-г, сами справимся, – погасил улыбкой разгорающиеся угли Генис. – Разве тебе не хочется повидаться с отцом?

Неожиданное предложение Гениса обескуражило ее.

– Хочется, – сказала Элишева. – Мы с ним давненько не виделись.

– И, наверно, к сестре и к Якову хочется?

– Хочется... Мало ли чего хочется.

Предложение Повиласа озадачило и его напарника. Что же, ядрена палка, получается: приехали брать кулака Ломсаргиса, а повезем к родителям в Мишкине его пособницу?

Уловив укоризненный взгляд Луки, озадаченного таким поворотом дела, Генис похлопал дружка по плечу и с легким командирским нажимом промолвил:

– Правильно, Лука, говорю? Зачем Шевке, нашей старой подружке, торчать на этом хуторе и отдуваться за чужие грехи?

– Правильно, правильно, – неохотно поддержал старшего по званию сбитый с толку Андронов. – В самом деле – зачем отдуваться?

Элишева слушала их и пыталась понять, что кроется за странным предложением шустрого и говорливого Повиласа, который до того, как попал на службу в «карательные органы», столярничал на местной мебельной фабрике Боруха Брухиса и частенько, по старой памяти, захаживал к Банквечерам в дом, где искусница Пнина, как и прежде, при Сметоне, угощала его имбирным печеньем и медовыми пряниками, а ее зять Арон вел с Генисом долгие и нудные разговоры о победе мировой революции. С чего это Повилас-Повилукас вдруг стал таким добреньким? Как ни задабривай, как ни подкатывайся к ней, она, Элишева, любому следователю скажет то же самое, что говорила в Юодгирай: ничего не знаю, адреса никто мне не оставлял, Ломсаргис сел в телегу, стеганул саврасого и укатил. Стоит ли им прибегать к уловкам и задабриваниям, если можно не церемониться с ней, без напускного великодушия заломить ей за спину руки, затолкать в газик и доставить куда следует – хоть в Мишкине, хоть в Каунас, хоть куда.

– Отец обрадуется твоему приезду. И Рейзл. И дружок твой Яков. Ну чего молчишь, как Богородица? Видно, думаешь, что хотим тебя обдурить и не к родителям увезти, а в каталажку. Ведь думаешь так?

– Думаю, – ответила Элишева.

– Напрасно. Кому-нибудь другому бы я этого никогда не предложил.

Его благородство не тронуло Элишеву.

– Хоть ты, Шевка, я знаю, не с нами, но ты и не против нас, – неуверенно произнес Генис и, не дождавшись в ответ ни кивка, ни одобрительного взгляда, ни обязывающего или уклончивого слова, продолжил: – А пока решишь, ехать или не ехать, принеси нам чего-нибудь поесть. У меня кишки похоронный марш играют.

– И у меня, – с удовольствием потянулся к столу решительный Андронов.

Элишева выскользнула в сени и вскоре вернулась с закуской – ветчиной, ржаным хлебом, первыми овощами, головкой сыра с тмином.

– Ну как, решила? – поинтересовался Генис, наворачивая за обе щеки ветчину и похрустывая первыми, в пупырышках, одурело пахнущими огурцами.

– А куры, а корова, а лошадь... Что будет с ними? – у самой себя спросила Элишева.

– А что будет с тобой, если останешься?..

– Что будет, то будет. Но я их не брошу. Без меня они подохнут.

– Воля твоя... – выковыривая ногтем крошки, застрявшие в пожелтевших от курева зубах, сказал Генис. – Но на прощанье мой тебе совет – дуй отсюда, пока не поздно. Когда твоего Ломсаргиса сцапают, а его обязательно сцапают, ты уже никому не докажешь, что ничего не знала о его местонахождении. Никому.

Генис и Андронов встали из-за стола и, прихватив с собой ставшие в одночасье всенародными Ломсаргисовы грибочки в банках и пшеничный самогон в запотевших бутылках, вывалились во двор и зашагали к газику.

Остервенелый лай бдительного Рекса и рев мотора слились в сплошной режущий душу звук. Потом всё, как на кладбище, затихло. Только за окном, подчеркивая ликующим жужжаньем тишину, в лучах полуденного солнца нежилась большой мохнатый шмель.

Γέιτ - αὶ ἐὰν ἔατο

ВТОРОЕ СЕРДЦЕ

Beit Olivot

Похоронив мать, полковник израильского спецназа Арье Куперман возвращался на свою базу. Было ему сорок шесть лет, коротко подстриженные волосы уже начали редеть и налились сединой. Лицо, покрытое плотным загаром много находящегося под открытым небом человека, прорезала тонкая сеточка морщин. Когда полковник улыбался или сердился, кожа натягивалась, и складки, распрямляясь, открывали незагоревшие участки, отчего выражение лица полковника резко менялось.

Он гладко брился и всегда, даже в отпуске, носил военную форму. Ему казалось, будто гражданские, свободно свисающие маечки или обширные пиджаки будут казаться нелепыми на его поджарой, высушенной бесчисленными марш-бросками фигуре.

Арье Куперман двадцать лет возглавлял школу спецназа и, сам того не осознавая, превратился в легенду, персонаж фольклорных историй и анекдотов. Особенно изошрялись ученики над его привычкой возглавлять финальный марш-бросок, заменяющий выпускной экзамен. Небольшая группа, добравшаяся до окончания курса, должна была пройти за три дня непрерывного движения больше трехсот километров, постоянно натываясь на всевозможные препятствия и засады. Их заранее готовил лично полковник Куперман, и он же, все три дня идя впереди цепочки, задавал темп. Двигался он легко, словно танцуя, и поэтому к нему крепко прилепилась кличка Танцор.

Жил полковник в помещении школы, во временном вагончике, давно ставшем для него постоянным домом. Школа располагалась в центре Самарии, и ночные тревоги часто оказывались совсем не учебными. Он родился и вырос в Реховоте, тенистом городке неподалеку от Тель-Авива, там была квартира его родителей, в которой до недавнего времени еще жила мать. Куда бы судьба руками начальства ни забрасывала полковника, ему казалось, будто корень его души по-прежнему пребывает в небольшом салоне, уставленном старой мебелью, возле шкафа со школьными табелями Арика Купермана, альбомами детских фотографий и коробочкой, наполненной молочными зубками. Мать словно отгораживала Арье от ледящей бездны вечности, пока она была, в цепочке перед ним круглилось еще одно звено. И вот всё кончилось.

Он ехал по шоссе, рассекающем Самарию на две половинки, подобно тому как нож разваливает апельсин, и вспоминал события последней недели. Звонок из больницы не застал его врасплох. Все годы своей самостоятельной жизни он каждый день звонил матери. Исключение составляли только особые задания, на которые запрещалось брать сотовый телефон. Даже во время марш-бросков он не отступал от своего правила; ему нравилось, идя впереди группы изнемогающих от напряжения курсантов, разговаривать с матерью не задыхаясь, спокойным тоном, так, будто бы он сидел в своем кабинете.

На кладбище его поразила четкость работы похоронной команды. Объявленное заранее начало церемонии не задержалось ни на минуту, и весь процесс оказался до предела лаконичен и четок. Когда он отходил от свежей могилы, один из похоронщиков прикоснулся к его рукаву и спросил:

– Кто будет говорить кадиш? Одиннадцать месяцев, каждый день. Утром, днем и вечером.

Скорбное сочувствие струилось из него, точно вода из переполненного кувшина.

– Не знаю, – ответил полковник. Подробности выполнения ритуала его мало интересовали.

– Есть еще родственники? – продолжил похоронщик. Полковник остановился, достал кошелек, вытащил, не глядя, несколько крупных купюр и протянул похоронщику.

– Хватит?

Тот быстро, словно само их появление было оскорбительным, схватил протянутые деньги и спрятал в карман.

– Хватит. Я всё устрою наилучшим образом. Не беспокойтесь.

За семь дней траура, которые Куперман провел в родительской квартире, сидя на низеньком пуфе, приставленном к стене, перед ним промелькнули, казалось бы, давно ушедшие из его жизни лица. Школьные друзья, с которыми он не виделся десятки лет, бывшие сослуживцы, ученики, родственники. В его распорядке дня не было места для поддержания отношений и связей, служба заполняла его до самого верха, под пробочку.

Согласно религиозной традиции, все семь дней полагалось сидеть, не выходя из квартиры. Но он не мог столько оставаться без движения и несколько раз во второй половине дня сбегал на прогулку и долго ходил по Реховоту, разглядывая улицы своего детства. Садик, школу, парк с самолетом. Реховот сильно изменился, утратив обаяние маленького городка, а размаха и шика большого города приобрести еще не успел. Почему-то полковнику казалось, что он видит всё это в последний раз. Вернее, он догадывался, почему, но отгонял эту мысль, упрятывая ее в дальний уголок сознания.

Началось это несколько месяцев назад, на марше. Не финальном, а одном из промежуточных. Через четыре часа ходьбы полковник с удивлением почувствовал, что не может идти. Во рту пересохло, и его наполнил гнилостный привкус, а в правом боку явственно бился пульс, словно в нем поселилось еще одно маленькое сердце. Пришлось придумать вводную, разворачивать группу в атаку на воображаемого противника, потом разбирать ошибки. В общем – часовой привал. Курсанты были довольны – такой поблажки от неумолимого Танцора никто не ожидал.

Вернувшись с марш-броска, он долго думал, сидя в своем домике и разглядывая плоские, разорванные ветром облака, несущиеся над каменистыми холмами Самарии. Из его жизни ушли несколько знакомых, ушли по причине, похожей на ту, которой могла обернуться боль в боку. Он помнил, как они отправлялись в больницы с испуганными, но полными надежды лицами. Отправлялись еще вполне здоровыми на вид людьми, а возвращались на колясках: высохшие, измученные процедурами скелеты. Возвращались лишь для того, чтобы спустя несколько недель снова оказаться на больничной койке. Уже в последний раз.

«К чему эти мучения? – думал полковник. – Беспощадная химия, от которой выворачивает внутренности, уколы, процедуры, обманутые надежды, уклончивые взгляды врачей, сочувствующие лица родственников. Моя жизнь сложилась так, что я никому ничего не должен. Не случилось женщины, согласившейся разделить мои неприятности и порадоваться моим удачам, нет детей, ожидающих поддержки и заботы. Если со мной случится нечто подобное, то я доживу до момента, с которого прекращается нормальное существование, и своими руками поставлю точку».

Гуляя по Реховоту, он несколько раз ощущал знакомое биение в правом боку, а запах гнили то и дело всплывал из желудка, примешиваясь ко вкусу пищи. Смерть не страшила, он сжилась с ее близким дыханием и столько раз наблюдал за ее приходом. Пугали страдания, беспомощность в руках врачей, их холодное, профессиональное отношение к живым мучениям тела. Он принял решение и намерен выполнить его. Без колебаний, спокойно, словно выполняя приказ. Оставалось только определить когда.

Утром, перед тем как выйти из дому, он достал свой сотовый телефон и по памяти набрал секретный номер.

– Кого-нибудь из наших, – попросил он. – Из тех, кто сейчас в квартирном бизнесе. Реховот, Нес-Циона, Ришон.

Получив адрес, он вошел в директорию «Набранные» и стер номер. Затем поехал к маклеру.

– Доброе утро! – по лицу маклера и тому, с какой скоростью тот выскочил из своего кресла, полковник понял, что узнал. Он оформил документы на сдачу родительской квартиры, не глядя подписал доверенность на имя маклера, отдал ключи и уехал. Полковник знал, что его не обманут.

До базы оставалось минут двадцать езды, когда ожил сотовый телефон, надежно упрятанный в ложе разговорного устройства. Полковник нажал кнопку, и голос командира базы наполнил кабину.

– Танзор, ты где?

– На подъезде.

– Извини, что не даю спокойно войти в курс. Незаконное поселение на горе Гризим помнишь?

– Конечно.

Вопрос был праздным. За двадцать лет полковник промерил собственными ногами каждую тропинку Самарийских гор и мог служить живым справочником.

Поселение представляло собой несколько жилых вагончиков на вершине горы, с наспех протянутым электрическим кабелем и шлангом водопровода. Жили в нем шесть или семь семей, и ежу было понятно, что рано или поздно их оттуда выселят. Для создания нормального поселения требовалось решение правительства и огромное количество подписей в разных министерствах. Заниматься бумажной волокитой никто не хотел, поэтому время от времени группы энтузиастов захватывали то там, то здесь вершину горы, затаскивали на нее вагончики, привозили детей и скarb и жили в полевых условиях, иногда довольно долго. В конце концов их всё же выгоняли, хотя на памяти Купермана несколько поселений, заложенных таким образом, в итоге получили статус постоянных и уже превратились в довольно большие поселки.

Обе стороны знали правила игры и, стараясь не выходить за когда-то установленные рамки, предавались ей с увлеченной последовательностью идеологически ангажированных людей.

Полковник старался не вникать, кто больше прав, а кто более благороден в этой игре, он вообще держался подчеркнуто аполитично и за всю свою армейскую жизнь ни разу не принимал участия в выборах. Такая позиция позволяла ему спокойно выполнять приказы, не задумываясь о том, какая партия сегодня у власти. Когда же ему приходилось высказываться на эту тему, он всегда припоминал один случай.

Они брали главу подпольной ячейки Хамаса в Шхеме. Хасан, мужчина тридцати шести лет, уже успел организовать несколько террористических актов и отправить в Тель-Авив двух смертников с поясами, набитыми взрывчаткой. Жил он в роскошном новом доме, вместе с двумя женами и дюжиной детей от этих жен, и пока не собирался лично насладиться обещанными утехами семидесяти райских девственниц.

В два часа ночи дом окружили двумя кольцами оцепления. Во внешнем стояли резервисты, с приказом стрелять не раздумывая, а во внутреннем разместились курсанты школы Купермана. Прорваться сквозь первое кольцо у Хасана не было ни малейшего шанса, и второе поставили только потому, что так требовала инструкция. Ведь иногда случается и небывалое.

Полковник вежливо постучал в двери дома. Ответил недовольный мужской голос, Хасан, по всей видимости, не предполагал, что его обнаружат, и вел себя как ни в чем не бывало. Конспирировался он тщательно, заматавая следы, точно настоящий лис, но в Шабаке сидели опытные лисоловы.

– Отопри дверь и выходи, – приказал полковник. – Руки заложил за голову. Стреляю без предупреждения. Понял?

Тишина.

– Дом окружен, если ты не выйдешь сам, я прикажу взорвать дверь.

Прошло минут десять. Куперман позвал курсанта и велел приготовить гранату. В это мгновение дверь распахнулась и Хасан в белой галабии, размахивая топором, бросился на полковника. Подбежав почти вплотную, он со всего маху запустил топор в его голову.

Полковник легко присел, пустив топор поверху, и, вскочив, встретил прикладом автомата опускающийся нож. Затем перехватил руку и, используя инерцию Хасана, перекинул его через себя. Когда тело бандита переваливалось по спине полковника, он ощутил динамитные шашки, обвязанные вокруг его пояса. Медлить было нельзя, полковник внезапно подломился, упал на землю, в падении выхватил пистолет и выстрелил прямо в голову Хасана. Пуля развалила ее на куски, кровь и белые ошметки мозга полетели во все стороны и набились в раскрытый рот Купермана.

– Я знаю, что такое вкус войны, – всегда говорил полковник, завершая свой рассказ, – и знаю, как пахнет труп врага. Тот, кто утверждает, будто это хороший запах, – самый отъявленный лжец.

– Так вот, – продолжил командир базы. – Пришел приказ высоту освободить, вагончики убрать, площадку полностью очистить. Я послал туда бульдозер и роту резервистов, а они застряли. Там какая-то бешеная баба свирепствует, орет и плюется. Можешь разобраться, в чем там дело?

– Хорошо, разберусь.

Командир базы в свое время учился у Купермана, и звания был такого же, хоть занимал более высокую должность. Разговаривая с полковником, он никогда не позволял себе приказного тона, все его указания носили характер просьбы.

Спустя полчаса Куперман добрался до места, выключил машину и слегка потянулся, пробуя, на месте ли второе сердце. Оно тут же отозвалось, тихонько тюкнув два раза. Полковник выскочил из машины и подошел к командиру резервистов. Увидев Купермана, тот вздохнул с явным облегчением и принялся рассказывать. Рассказывать, впрочем, было нечего. Вагончики на вершине окружал высокий забор из колючей проволоки, а ворота были заперты на несколько замков. Поселенцы прятались внутри вагончиков. Рядом с забором стоял огромный бульдозер с поднятым ковшом.

– Она мне всё лицо заплевала, – пожаловался командир резервистов. – Орет как сумасшедшая. Я ей говорю, что сам из Маале-Адумим, тоже поселенец, но приказ есть приказ. А она... – Он махнул рукой и еще раз провел пальцами по лицу, словно проверяя, не остались ли на нем капельки слюны.

– У меня, говорит, приготовлена канистра с бензином, если начнете ломать забор – подожгу себя и детей. Просто сумасшедшая, и больше ничего.

– Пусть бульдозерист заглушит мотор и вылезет из кабины, – приказал полковник, направляясь к забору.

Стало тихо. Хлопал по ветру огромный израильский флаг, вывешенный на мачте посреди вагончиков, нестерпимо слепило глаза солнце, пересвистывались в низком кустарнике невидимые птицы. Между неплотно сдвинутых жалюзи на окне ближайшего вагончика блестели чьи-то глаза. Полковник приветственно помахал рукой и сделал приглашающий жест. Тишина. Он подождал еще немного и вдруг с необыкновенной ясностью, которая иногда опускается на человека, понял, что смертельно болен, и что жить ему остается совсем немного, и что эта тривиальная операция по выселению, возможно, его последнее задание в армии. Он стоял, оглушенный этой мыслью, когда дверь вагончика распахнулась, из него вышла женщина и решительным шагом направилась к полковнику.

Ей было давно за сорок. Волосы скрывала плотно сидящая на голове шапочка, брови почти отсутствовали, щеки слегка подрагивали от ходьбы. Крупный рот увял, хотя четко очерченные губы еще сохраняли форму, но морщинки уже разбежались вдоль углов и лучились под носом. Фигура женщины напоминала конус, начинающийся от горла. Просторный балахон синего цвета, казалось, только подчеркивал этот конус.

«Как же она, бедняга, выглядит без одежды, – взвзвизнул с предыдущими мыслями подумал полковник. – Родила, наверно, дюжину детей, да и что такое спорт, давно забыла. Если знала когда-нибудь».

Женщина подошла к забору и остановилась напротив полковника. Ее лицо было ему знакомо, он чуть было не сказал «привет, как дела», но имя, вертевшееся на языке, так и не всплыло из памяти.

– У меня приказ на ваше выселение, – сказал полковник, стараясь нарочито мягким тоном скомпенсировать жесткость слов. – Я прошу вас собрать вещи и покинуть вагончики.

Женщина только улыбнулась.

– А у меня приказ на заселение, – она ткнула пальцем вверх, указывая, откуда получен приказ. – Эту землю Всевышний отдал мне и моим детям. По своей воле мы отсюда не уйдем.

– У вас не найдется стакана воды? – спросил полковник. Этим нехитрым психологическим приемам он обучал своих курсантов. Сбить, увести разговор в сторону, облечь его в одежды бытовой беседы. Разговаривая с противником на привычные темы, невольно перестаешь видеть в нем врага.

– Вы же сами перекрыли воду, – женщина ткнула рукой в черную змею шланга, струящуюся по склону холма.

– Это не мы, – сказал полковник. – Хотя не могу ручаться, я только что приехал из Реховота, еще не успел войти в курс дел. Траур по матери закончился сегодня утром.

Лицо женщины переменилось.

– Хаим! – крикнула она, обернувшись к вагончику. Из него выскочил парень лет двенадцати, похожий на мать, но с более резкими чертами лица.

– Помоги полковнику перебраться.

Хаим вытащил из-за вагончика две лестницы, одну приставил к забору, быстро взобрался на вершину и, перекинув вторую, спустился вниз.

– Прошу вас, – приглашающе кивнула женщина.

Куперман перелез через забор, стараясь не задеть за шипы колючей проволоки.

– Робинзон Крузо, – вдруг вспомнил он прочитанную в детстве книгу. – Просто Робинзон Крузо.

Между вагончиками оказалась уютная площадка, с белыми пластиковыми стульями вокруг такого же стола. От солнечных лучей площадку прикрывал тент, сделанный из старого парашюта. Ветерок приятно тянул по стульям.

Женщина уселась на один из них, полковник на другой. Хаим принес из вагончика бутылку запотевшей минеральной воды и одноразовый стаканчик. Полковник налил его до краев и с удовольствием выпил.

– Мне знакомо ваше лицо, – сказала женщина, пристально разглядывая Купермана. – Так вы из Реховота?

– Да.

– А зовут как?

– Арье Куперман.

Женщина всплеснула руками.

– Арик! Б-же мой, это Арик!

Полковник внимательно взглянул на лицо женщины.

– Не узнаёшь? Вот дурной! Я Лея. Лея Шахар!

Он еле сдержал вскрик изумления. Да, конечно, это она. Но как изменилась. Кошмар, что с ней стало. Что стало со всеми нами!

– Лея! – он постарался не выдать удивления. – Сколько мы не виделись? Двадцать лет? Двадцать пять?

– Да, что-то около этого. Странно, как до сих пор не встретились!

Лея была королевой его класса. Да что там класса, всей школы, всего Реховота. Не было мальчишки, который не мечтал бы с ней дружить, но с Ариком она компанию не водила. Вокруг нее вились самые красивые и богатые ребята, ему оставалось только вздыхать, разглядывая ее волнующую фигурку во время ответов у доски.

Рыжие, играющие электрическим блеском волосы она укладывала высокой башенкой, под Бабетту, кофточки носила обтягивающие, так что грудь выдавалась далеко вперед, легкую, разлетающуюся от быстрых движений юбку чуть выше колен. Ее круглые, полные икры, покрытые светлым пушком, сводили Арье с ума.

В девятом классе они поехали всей школой в двухдневный поход по Негеву. Арик уже тогда выделялся среди сверстников своей неумимостью, и к концу первого дня, когда все еле тащились, высунув языки от жары и усталости, он вызвался вскарабкаться на вершину горки, посмотреть, сколько осталось до лагеря. Вид с горки открывался совершенно фантастический: рыжие, с фиолетовыми прогалинами, холмы, желтые горы на горизонте, черные промоины, оставшиеся от весенних потоков, полностью пересыхающих к началу лета. От восторга он запрыгал, замахал руками, приглашая одноклассников присоединиться. От группы отделилась одна фигурка и поползла вдоль по склону. Передвигалась она довольно быстро, и через десять минут рядом с Арье запрыгала от восторга Лея, девушка его снов.

Лагерь с горки не был виден, они повосторгались еще немного, крутя головами во все стороны, а потом начали спускаться. Их группа тоже двинулась с места, огибая горку.

– Слушай, – предложил Арье, – зачем догонять группу понизу? Давай спустимся с другой стороны.

Они быстро обежали вершину и начали спуск. Через сто метров путь преградила широкая расселина, и пришлось довольно долго идти вдоль нее, потом возвращаться, огибая слишком крутой спуск, потом Лея поскользнулась и минут десять сидела, поглаживая ногу и надув от боли губки. В итоге группы внизу не оказалось. Позднее выяснилось, что инструктор решил, будто эти два резвых козлика поскакали прямо в лагерь, и даже послал вперед парней из одиннадцатого класса изловить беглецов и вернуть обратно. Когда же добрались до лагеря и выяснилось, что Арье и Лея отсутствуют, инструктор вместе с десятком старшеклассников помчался назад. Поиски продолжались до темноты, но без всякого результата.

Арье и Лея, покричав минут с десять, решили догонять группу. Тропинка раздваивалась, но Арье, внимательно осмотрев местность, обнаружил на правом ответвлении пустую жестянку из-под кока-колы. Банка выглядела совсем свежей, поэтому решили идти направо. На беду ребят, утром по этому же маршруту проходила другая группа, которую в конце ждали джипы, и брошенная ими банка сбила их с правильного направления – в лагерь вела левая тропинка. Через час, когда они вышли на ровное, как стол, плато, безжизненное на расстоянии взгляда, подозреваемое стало очевидным: заблудились.

Начало темнеть. Ночь в пустыне опускается стремительно; не успело солнце скрыться за вершинами гор, как наступила темнота.

Хорошо еще, что до окончательной мглы они успели отыскать ложбинку, выложить вокруг нее двойной ряд камней для защиты от змей, и забиться в расщелину, тесно прижавшись спинами друг к другу. Допили остатки воды из фляги и стали смотреть на глубокое черное небо, осыпанное холодно мерцающими звездами. В городе небо было совсем другим.

Конечно, утром их найдут. Максимум, пригонят из Беер-Шевы полицейский вертолет и быстро отыщут. Главное – продержаться до утра. Всё-таки пустыня: змеи, шакалы, да мало ли что...

Лея держалась довольно бодро, но когда из глубины ночи донесся отдаленный вой, она, взвизгнув, обернулась к Арье и прижалась к нему всем телом. Не веря своему счастью, он нашел ее губы и прильнул. Лея ответила на поцелуй. Она оказалась куда опытнее Арье и быстро взяла инициативу в свои руки. Он и не подозревал, как много можно сделать с двумя телами.

Когда начало светать и черные контуры гор проступили на серой замше горизонта, ему показалось, будто он спит и видит чудесный, невозможный сон. Лея лежала рядом, ее волшебные рыжие волосы, рассыпавшиеся от возни, касались его плеча. Арик приподнялся и опустил голову на ее грудь.

– Уйди, дурной! – засмеялась Лея. – Давай поспим хоть немного.

Он не соглашался, продолжая целовать ткань кофточки, пьянея от запаха ее тела.

– Вот же долгоиграющий! – Лея легонько стукнула его по затылку, а затем взъерошила волосы.
– Неутомимый, безудержный, дурной, дурной, дурной...

Вертолет не потребовался, бедуинские следопыты, вызванные из батальона пограничников, охраняющих границу с Египтом, обнаружили их через два часа. Много было шума, волнений, разбирательств, потупленных взглядов и торжественных обещаний. Но и это прошло, как проходит всё на свете.

На первой же перемене после возвращения в школу Арье подошел к Лее, прикоснулся к ее руке выше локтя, в том месте, где особенно нежно просвечивал золотистый пушок, и небрежно произнес:

– Привет! Как дела?

Она вздрогнула, словно укушенная змеей.

– Лея, это я, Арик!

– Привет, – словно очнувшись, сказала она.

– Что ты делаешь сегодня после школы?

– Еще не знаю.

– Можно тебя проводить?

– Попробуй.

До конца уроков Арик задыхался от счастья. Оно наплывало волнами, ударяя теплом под ложечку и разбегаясь оттуда электрическими искрами в кончики пальцев, щек, ушей. Иногда он бросал косо взгляд на Лею, и мурашки нежности осыпали его спину.

Она быстро сбежала по ступенькам крыльца, прошла рядом с Ариком, словно не заметив, ловко вскочила на мопед, обхватив за талию сидящего на нем десятиклассника. Тот рванул с места, порыв ветра взметнул на мгновение Леину юбку, обнажив загорелые ноги и белую полоску трусиков.

Арик шел домой, скрипя зубами от злости, чествуя Лею последними словами. Всё, в его жизни она больше не существует, он вычеркивает ее из сердца, стирает толстым, упругим ластиком до самой маленькой черточки и смахивает крошки в мусорное ведро. Всё, да, всё, да, всё!

Он действительно больше не подошел к Лее, однако она, похоже, не очень расстроилась. Арик пытался влюбиться в других девочек, но как-то не получалось. После окончания школы они больше не виделись.

С тех пор через его жизнь прошли немало женщин: некоторыми он увлекался не на шутку, с другими просто проводил время. Но ни такой нежности, ни такой ненависти в нем никто не смог пробудить.

– Первая любовь, – говорил сам себе полковник, когда возвращался мыслями в далекую пору школьного тумана. – Что же ты хочешь, на то она и первая...

И вот Лея сидит рядом с ним. Впрочем, какая это Лея! Трепетная мучительница его сердца и нежная царица его ночей осталась далеко за поворотом, там, где сгущается сумрак времени. К этой женщине она не имеет ни малейшего отношения.

– Слушай, – вдруг спросил полковник, – ты помнишь поход в Негев? Как мы потерялись и провели вместе ночь. Помнишь?

– Вот дурной, – улыбнулась женщина, и знакомая интонация, словно машина времени, отбросила Арика за поворот. – Нашел что вспоминать! У меня уже трое внуков и две внучки. А у тебя?

– Нет, ты послушай, послушай, – не отступал Арик. Ему вдруг стало очень важно узнать, что же тогда произошло, открыть дверь, которую он когда-то запер собственными руками, а ключ выбросил.

– Почему ты тогда не захотела со мной разговаривать? Тогда, после похода.

– Так ты же пристал прямо посреди класса! Надо мной и так девчонки смеялись, что от ночи в пустыне губы пухнут. Подошел бы в сторонке, как человек. А ты ходил надутый, точно бука, и только глазами сверкал. Дурной, и больше ничего!

Полковник замолчал. Второй раз за сегодня крылья прозрения зашуршали над его головой. Он понял, что во всех женщинах искал ту самую Лею, которую замуровал в своем сердце. Она пряталась в нем, недоступная для глаз, и, посмеиваясь, морочила его, отбрасывая, выбраковывая всех кандидатов на принадлежащее только ей одной место.

– Жена, дети? – не успокаивалась женщина. – А живешь где, по-прежнему в Реховоте?

– Нет, нет, – очнулся полковник. – Ни жены, ни детей. Не сложилось. А живу на базе, в вагончике. Так проще.

Женщина протянула руку и провела по ершику седых волос полковника.

– Бездомный песик! Бедный бездомный песик!

Прошло несколько минут, тягучих и благостных. Из вагончика раздался плач, и несколько детских голосов зашпорили, что лучше: сменить подгузник или дать соску.

– Внучка проснулась, – сказала женщина.

– А где же ваши мужчины? – спросил полковник. – Бросили вас?

– Бросили! – возмущенно махнула рукой женщина. – Молодых два дня назад срочной повесткой в армию вызвали. А остальных оцепление задержало, когда с работы возвращались. Остались только женщины и дети. Да что я тебе говорю, будто сам не знаешь!

– Не знаю, – полковник покачал головой. – Я действительно прямо сейчас из Реховота.

Он помолчал несколько секунд и добавил:

– Что делать будем, Лея?

Она быстро взглянула на него. Было понятно, что этап воспоминаний кончился и теперь полковник спрашивает ее совсем о другом.

– Будем делать каждый свое дело, – сказала она спокойным голосом. – Я к этой вершине сердцем приросла. Вернее, теперь у меня два сердца, одно – в груди, – женщина положила руку на бесформенный холм, торчащий из балахона, – а второе – вот в этой земле. Я отсюда не уйду.

– Хорошо, – полковник поднялся и пошел к забору. Возле лестницы он обернулся и посмотрел на женщину. Она стояла, прислонясь к стенке вагончика, и глядела на Арика глазами, полными печали и сожаления.

– Я сделаю, что смогу, – произнес он в ее сторону, отвернулся и быстро перелез через забор.

В боку закололо, но не больно, почти не больно.

Полковник подошел к командиру резервистов.

– Бульдозер убери отсюда к чертовой матери, а оцепление перенеси к подножию горы. Вагончики не трогай, пусть бабы сидят себе, пока по мужьям не соскучатся. И воду, воду открой – там целые ясли младенцев.

Он сел в машину, захлопнул дверь и посмотрел на командира резервистов. Вид у того был растерянный.

– Мы не воюем с женщинами и детьми, – сказал полковник. – А с этой «бешеной бабой» я в одном классе учился. Такое может учинить – себе дороже.

Он перевел взгляд на вершину. За колючей проволокой виднелся темный конус женского платья, и полковнику вдруг показалось, будто Лея взмахнула рукой в прощальном приветствии. Куперман поднял стекло, развернул машину и поехал на базу.

БУХТЕЛКА, ИЛИ СВЯЩЕННЫЙ ЛЕНТЯЙ

Ἐἶθ' ὁ ἰσὲς ἁ ἐὲς ὀδῶν ὀδῶν ἰὼ ἐδῶν

Ἀδῶν Ἐσῶν

Нынешней осенью, 22 октября, Евгению Михайловичу Винокурову исполнилось бы восемьдесят лет...

Полвека назад наш добрый знакомый наблюдал его в старом Доме кино. Там, на Воровского-Поварской, был закрытый просмотр, куда рвалась «вся Москва».

Наш добрый знакомый, в силу родственных связей, проник беспрепятственно. Среди спящих, шумящих, ошалело счастливых толп где-то в передних рядах сидел тучный мужчина и безмятежно похрапывал, откинувши круглую лобастую голову. Подле, как бы на страже, хлопотала стройная брюнетка, озираясь растерянno и горделиво.

– Евгений Винокуров, – пояснили осведомленные родственники. – Поэт...

Наш добрый знакомый только еще вступал в жизнь. И опытные родственники приоткрыли ему некий полусекретный механизм. У всякого человека (особенно творческого) имеется «позиция» и «поза». Что ты на самом деле – «позиция». Как повернуть себя к миру – «поза».

Главное – внуши окружающим (начальству, сослуживцам, соседям), что не опасен. Советские авторы (режиссеры, актеры), дабы власть не принимала всерьез, шумно и напоказ «поддавали» (Фадеев, Шолохов, Твардовский, Олеша, Светлов, Михоэлс)... Ну что с них возьмешь? Художественная натура!

«Поза» Евгения Винокурова – неповоротливый увалень, очень мнительный. Всего боится и опасается. Обуреваем реальной (а чаще – предполагаемой) хворью. То худеет в Институте питания, то тревогу поднимает в писательском ресторане. Чудак, эгоцентрик. Лежачий камень возле той самой хаты, которая с краю...

Такою внешнею «маской», что местами приросла к коже, наверное, и спасался поэт.

Βλαδὸσάεε ἰτυὸὰ Ἰ. Ἰ. Ἰάδνακῆτᾶ ἔ Ἀ. Ἰ. Ἀεῖτεὸδῆτᾶ

Ἰ ἀέ 1924 πᾶᾶ

Αἰεὶτὸὰ

Когда младший лейтенант Винокуров явился по месту назначения, на передовую, писарь спросил о возрасте.

– Восемнадцать лет.

– Откуда прибыли?

И мрачный капитан с бакенбардами ответил за будущего поэта:

– От мамы...

Ἀὸὰδῆῖ ῖ

Евгений Михайлович часто встречался с Нейфахом – другом и одноклассником. Оба, не кончив школу, пошли добровольцами.

– Ну и дурак я был смолоду! – хохотал Нейфах. – Поперся в военкомат, прямо в пекло...

– Да, – подхватил Винокуров. – И куда только родители смотрели? Неужто не понимали?

Ἰ δεῖ ἄ:αἰεᾶ

Βλαδὸσάεε ἀῖ ἰῖῖεἰ ἀεε, ἰῖ ἰᾶ ἀῖδναεεε ἰε ἰεῖτᾶἰ... δῖᾶῖἰ ἀῖε ἰῖἰ ἀδῖῖε εᾶτᾶ, ἰ δναῖπὸ ἀεεῖε «ἀδῖῖῖ»...

Ἰ ὸἀῖ

Красный командир. Профессиональный военный. Большевик с 1918 года... Через двадцать лет, в «ежовщину», бродит по комнате и бормочет:

– То, что действительно, то разумно... Нету власти еще не от Б-га... Что действительно, то разумно... – И ладонями затыкал уши.

Í àø ì î ñ ò ð ä ë

Винокуров, Евтушенко, Заболоцкий и Межиров выступали в Парке культуры.

– Ужас, ужас! – сокрушался Е. М. – На Заболоцкого – ноль внимания, а этому пострелу – овация!

Рукоплескания, разумеется, снискал Евтушенко.

Í è ð ù è è

Он же, Евгений Евтушенко, кричал в ЦДЛ (писательском клубе):

– Смотрите! Вот мой тезка – Женя Винокуров! В его стихах нет слова «Ленин», слова «Сталин», слова «партия»...

Í ð è ì á : á í è á

Мать Винокурова, старая большевичка, укоряла сына: «Опять ни слова о революции, о коммунизме. Пора бы обратиться к этой теме, а то мелко получается».

È à è ò ì ð ì ø ì è è ò ì ñ à ì è ì à ò ù ù

Евгений Михайлович не одолел «Мастера и Маргариту».

– Как?! – допытывались кругом. – Почему?!

– Ну, вот я такой, – бухтел Е. М. – Не в меня корм!

Ñ à ì á ì á ì á ù è è ò à ò à

– Мне хорошо – я жизни не знаю...

То есть прямо по Шолом-Алейхему: мне хорошо – я сирота.

È ð à ñ ù é ñ à ò

– Талант, интеллигентность, еврейство, – перечислял Е. М., – вот качества, которые не прощаются в литературной среде. Талант плюс интеллигентность – пожалуйста: кругом умиляются, что ты не еврей. Талант плюс еврейство тоже годится. Взамен интеллигентности – хитрость, напор, местечковая энергия. Сойдет и еврейство с интеллигентностью: на худой конец, никому не мешаешь... Но если человек талантливый, интеллигентный да вдобавок еврей – всё, пути не будет.

Ñ à ð à è è í è à í à ì ì è ì à è í è ó

Еврей по матери, Евгений Михайлович принадлежал (пятой графой) к титульной нации и болезненно (почти конвульсивно) огрызался на жидоедство... Плакал, когда пели про дядю Элю или про Ицика, который женился.

Ááðáéñéí-ðúññéé áí cáóó

Написавши стихотворение, Е. М. тотчас звонил Льву Гинзбургу – поэту, эссеисту и переводчику.

– Ну как? – спрашивает. – Есть еще порох в пороховницах?

– Ага! – подтверждал Гинзбург. – Есть еще Борух в Боруховицах!

Óíðí óéà Áéí cáóðáí

Жен надо брать из хорошо репрессированных семей.

Вопреки родительскому неудовольствию и карьерным соображениям, Е. М. данному совету последовал.

Éííñíèðàòèÿ

Винокуров – Трифонову (по телефону):

– Ну как там Р. (Рой Медведев)?.. А что Л. (Юрий Любимов)?

Бывало, половину алфавита переберут...

Ñàëpò, Éñèè:!

1971 год. Е. М. заведует поэзией в «Новом мире». На страницах печати громят будущего нобелиата, а журнал печатает стихотворение Маркина «Бакенщик»:

Ááúí í á çÿÿ áí ó ñàéñÿ

ñ í ðí ðí äÿ ù ááí áí ðò à

í à ó à ð áñáá: - Ñàëpò, Éñèè:! -

í á í á é í í äÿ á ð à ð áá

Í ðèí á: áí èá:

Евгений Маркин – единственный среди рязанских писателей, кто голосовал против исключения Солженицына из творческого союза.

Î ò í á: èè

– Бессмысленно, – уверял Е. М., – ходить по журналам без протекции. Никого не волнует, хорошие стихи или плохие. Просто печка набита своими дровами и для других места нет.

Çàì á: à ð áéññ ù é î ò áó

– Жизнь как пальто, дочка. Важно правильно застегнуть верхнюю пуговицу. Не попадешь в петельку – дальше сплошной перекося.

Ὁἱ ἐὰδαὶ ὀί ἱπὸῦ

– Люди – чудовища. Я тоже, конечно, чудовище. Но сам себя, по крайней мере, могу выносить.

Ἐὰς ὀάτῃ ὀ Α. Ἰ. Ἀείτῶνῃ

1945 ἄῃ

Ἀἱπῶνῃ ἄῃ

– Какой хороший человек Сталин!.. По сравнению со мной, например... Да имей я такую власть, творил бы незнамо что!

Ἰ ἱπῆῃ ἄῃ ἄῃ ὀ ὀ ὀ ἄῃ

В России победил Васька Косой, и пишущая братия с умилением вспоминает восточного деспота:

– Интеллигентный был человек! Выходил в мундире. Не как Васька... А чтоб застрелить посетителя или избить палкой, такого и в мыслях не держал.

Ἰ ὀ ἄῃ ὀ ὀ ἄῃ ὀ ἄῃ ἄῃ ἄῃ ἄῃ ἄῃ ἄῃ

Винокуров рассказывал про Эренбурга:

– В Париже он думал – к власти пришли социал-демократы, Запад, культура... А как приехал, увидел мавзолей – батюшки светы, это ж Египет!

Ἀἱ ἄῃ ἄῃ ἄῃ

– От Троцкого хоть афоризмы остались: «Ни мира, ни войны», «Грызть гранит науки» – это ведь он придумал... А от Усатого что? Так, пара анекдотов...

Çà è i ði ò e á

Вера Трейл, дочь Александра Ивановича Гучкова, миллионера и правого политика, долгие годы была советской шпионкой. На вопрос «почему?» ответила:

– А вы сами, Евгений Михайлович, за кого – за бедных или за богатых?

– Я за бедных, – сказал Винокуров. – Но против красных.

Î é î í ÷ à ò æ ü ü ú é ð ä ñ ä ä

– Посмотрите, как в «Воскресенье» изображает Толстой суд присяжных... Ну не нравится ему!.. Тогда приговоры будет выносить тройка... Что, тоже не нравится? Поздно!

Î ä ä ð ú é è à é ç ì è é!

– Маршак только на вид манная каша. А белым агитки писал. С тех пор и напугался. К нему Солженицына привезли. На двадцать минут... И Самуил Яковлевич целых двадцать минут, не прерываясь, сказку какую-то читал, перевод. Чтоб разговора не было!

Ñ à ì î ñ ï á í è á

– Вон идет N. Да еще с таким видом, будто он – Винокуров... А это я, я – Винокуров!

Ë ð æ ò à æ ü ì è è ä ñ è è

– Не надо есть раков вместе с панцирем и внутренностями.

Î ð è ü ò í î ñ ä ï ï à ò è ò à

Евгений Михайлович предавался гастрономическим радостям. Говорил о себе: пришел в ЦДЛ, чтобы выпить, и опять наелся.

Â ð ä ñ ò î ð à ï á

Заказав одно кофе, Винокуров в панике закричал официанту:

– Минуточку! Минуточку!

Тот обернулся.

– Пожалуйста, один кофе! – И, утираясь, откинулся в кресле. – Только еврей, – говорит, – не позволяет себе ошибиться в усвоенном языке.

Î È Î

Над Москвой появилась летающая тарелка, и диабетик Е. М. разом съел все конфеты, к которым никогда не притрагивался.

– Бедный! – огорчились домашние. – Так соскучился без сладкого?

– Да нет, просто среагировал на конец света.

Ī āīāīāīāīā

Винокуров – молодому автору:

– Ваши стихи – как арбуз: сочные, сладкие, но не питательные. Прожевать-то можно, а переварить... – И безнадежно махнул рукой. – Не насыщает.

Ī īēēōāā

– Я – как мусульманин. Славлю Аллаха, что не родился женщиной... А то б никому не мог отказать.

Ī āēēōāā

– Чем незаметнее живешь, тем больше шансов уцелеть.

Сюда же (из Эпикура):

Хорошо прожил тот, кто хорошо спрятался.

«Āāōōēā īāāōōēīā ōāīōīā»

Так будто бы определил Винокурова Сергей Аверинцев.

Ÿōīō ē īñōāēīīūā

Вскоре после войны Эренбург пришел в Литинститут. Сидел, нахохлившись, как птица, и слушал студенческие стихи. Читали человек двадцать. Винокуров – под самый конец.

– Вот этот последний, – сказал И. Г., – будет поэтом. – И пососал трубку. – Из остальных выйдут хорошие читатели.

Āāāō

– Не халтурьте, Женя. Не пишите чужое. Это как девушка – в первый раз отдается по любви, а потом...

Ŋpāā æā

– Не будьте, как критик Т. Днем всенародно ругает Ахматову, а вечером приползает ко мне за новым ее стишком.

Ōōāīæīēē, āīīēōāē ō:āīēēā!

В последние годы Илья Григорьевич вернулся к поэзии и неуверенно спрашивал:

– Ну как, Женя, ничего? Нет, вы скажите честно, откровенно, без скидок. Как, а?

Ī īcāīŷŷ īīīñēā:

Источник стихотворения Винокурова («Художник, воспитай ученика, / Чтоб было у кого потом учиться!») – воспоминания Игоря Владимировича Ильинского, где ему, молодому Ильинскому, буквально то же говорит Мейерхольд.

И. Эренбург о Винокурове: «Вот этот последний будет поэтом»

Áí ò è á à ò ÷ è í à

Провожая Винокурова за границу, в Союзе писателей умоляли:

– Евгений Михайлович! Ради всего святого! Не привозите антисоветчины – запрещено! Вот порнографию – пожалуйста, сколько угодно!

– А ветчину? – спросил Е. М.

Его не поняли. И он снизошел:

– Ветчина, – усмехнулся, – усеченная анти-со-ветчина.

Ñ è í í ò à ì è

Известный английский журналист Александр Верт сдружился с Е. М. Обещал написать, позвонить... Но как отбыл на родину – ни гу-гу.

Á ã, í ò Á á ò à, í ã, í ò Á á ò à

Í è í ò á à ò à, í è í ò è á à ò à

Á á ò á à í ò è à ÿ í ò í ç à

– Открыл первую повесть – мужик ищет топор. Читаю страницу – ищет, читаю вторую – ищет... Захлопнул и поменял на Шопенгауэра... Так и не знаю, нашелся топор, или как...

Ñ ÷ à ñ ò è è á í é á ò à è

– Понять друг друга нельзя. Можно только приспособиться.

Ñpää æá (iî ái aái èéó Àèí îéóðí áá):

Óðeeá íááúíîñèíáá áðàèá íè:áñ íáò. Áñèè íá ñ:èòàòú, áíðí:áí, òàèíé ááúè - íáèíí:áíòáá

Ñpää æá (èç Áâò óóáí èí):

È áíò - áááá èóóèè è áááíéóðíá

Çááúá ñáí úþ, èàè ðàçáñ áíð í óíò íé,

Èááò ì íé áðá - Áááú èé Àèí îéóðíá

Èç áíò æáí àò úð - ñáí úé óñèíò íé.

Èpáíáí úá èáú

– В предбрачных схватках убивают друг друга не хищники (львы, тигры, орлы, волки), а самые что ни на есть кроткие: голуби, зайцы, кенгуру...

Áúñ èéá áí ñ ááðè ááþ ù èáñ ñò íðí ú

Константин Михайлович Симонов умер 64 лет. Е. М. загрустил, опечалился...

– Коли он, – говорит, – не сумел Б-га умаслить, куда уж нам, простым смертным...

Ñèááá

Чтобы уладить дела в ОВИРе, представился Е. М. как бы по должности: поэт, член Союза писателей... У сотрудников загорелись глаза, и местная милицейская девушка попросила подарить стихи... Расула Гамзатова.

χòí ò àèíá ñáí áí áá

Прежде всего, мужество – быть непопулярным. Во имя совести – пойти на неуспех.

Ñpää æá

В нынешней школьной хрестоматии «Триста лет русской поэзии» нет Евгения Михайловича Винокурова.

Ñàí í ñááá

– Я – поэт семьи, частной собственности и государства.

Í íýçéý òðááá

– Счастье – это тысяча строк верлибра для перевода. По рублю сорок за строчку. Массовым тиражом.

Áĩãòúé íèùéé

Поэт-песенник – писатель-сосед канючит и прибедняется: опять недоплатили, опять нет денег...

– Слушай, – сказал Винокуров, – если уж так плохо: дети плачут, кормить нечем, – плюнь на всё! Пропади оно пропадом! Сними со сберкнижки... Но с одной. Только с одной! Не надо безумствовать!

χάετέ τὶ ὑὸ

...раздумчиво процитировал Ахмадулину: «Чтобы стать свободной, следует опуститься». И покачал головой:

– В этом что-то есть. Но как быть, например, мне, которому каждый день необходима чистая рубашка...

Ὀδῖέε ἰ ἀπὸ ἀδᾶ

– Главное в нашем деле – не перетончить.

Ὀαῖδᾶ: ἀρεᾶῦ ἐαί ῦ

– Хорошее стихотворение написать не так просто! Надо долго и терпеливо лениться.

Νῖρᾶᾶ ἀεά (ἐς αἶ ἀαί ἐεᾶ):

Всему лучшему в себе я обязан лени. Леня развила во мне мечтательность – основу поэтического творчества. Из лени я не совершил многих неблагоприятных поступков.

Ὀούέε σούεαί ἐ

Читая рецензии на свою книжку, Евгений Михайлович улыбался:

– Имеет место явный недохвал.

Ἐῖέοσαί ἐά

– Хотите, – предложил редактор, – составлю такой сборник, что сразу посадят. Вот вам и мировая слава!

– Да... – поник Винокуров. – Настоящего успеха не бывает без скандала.

Áĩòèíĩáíèĩáí ò

– Не ссорьте меня с атомной державой!

Á íáíçèì τὶ ἀάόαίαι

– Когда-то и я вырезал свои публикации и что обо мне пишут – вырезал, складывал в папочку... А потом думаю: ну, хорошо, призовет меня Б-г, и я предстану перед Ним, а в руках у меня – не одна, а целых две или даже три папки, – ну и что?

* * *

Êæ ôĩôĩôĩ èèôĩ ñáá èì áòü..

Ôĩò ñ ñòðèò ðĩáéí,

ýòíò ñ ñòðèò ñááí.

Ôĩò èþáèò á èĩáéá ñóáí:éíé ñèááòü

Áðáé á áñòíðáí ðèóĩáèò

íò èðĩñáíðáá

Ííôĩáéá áñòü ó èææáíñ ñáíý,

È èææáúé íñèò øáðò,

èæéíé çòíí:áò.

Íá øóðéó ó ðíñ

:óü äðíñ óò áñá èðáý,

Á ðíò èæé ññ áñøáúøéé çòííòí:áò.

Êæé ôĩôĩôĩ, :òí èææáúé íá ííôĩæ

Íá ñáíáñ ññáá! È í ðæðáñí í,

×òí íí è ý - í ü íá íáíí è ðíæ.

Ñòíèì - èòí èæé

Í ðèéðèááí - ðáçíí.

Í, ýðñòíáý ýòá í áñòðĩòá!

Ñáá èèóí í ü áñáúááí ñáíp.

Ñòðáøèì ñý í ü, èæé æéáíí, íáñí ðñòá

Áúòü èæé èèðéíèè, ññæé í ææ ñáíp.

Ááñí èé Áéíí èóðíá 1960

РОШ А-ШОНА

Èëáí à Àðòè

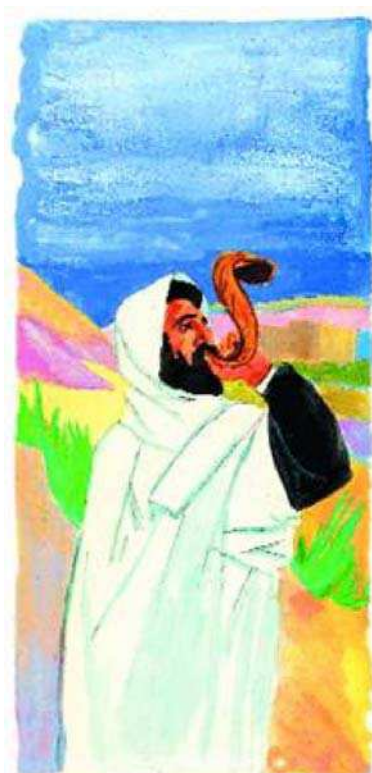
«...Á ñááü ñì ì áñóá

á ñááüé ááí ü.. ñáýòüì áóááò ó ááñ

í èèáèíé ðááíòü í á ááèáéòá

ááí ü òðááí íá áááñ áóááò ó ááñ.

(Ááí èáááð 29:1)

Новолетие – Рош а-Шона – всегда приходится на первое тишрея – день рождения Адама! В названии праздника есть скрытый смысл: «рош» на иврите – «голова», «решис хохма» – «начало мудрости».

В этот день определяется благополучие человека на целый год!

В праздник новолетия заряжаются люди энергией святости на все 365 дней. Отмечают его два дня.

Рош а-Шона – время суда, но это не время грусти и уныния.

Мы радуемся и веселимся, ибо уверены: нас, детей своих неразумных, Ашем простит и на сей раз.

Когда мужчины накануне новогодья возвращаются из синагоги домой, женщины зажигают свечи и приглашают друзей и близких к накрытому столу.

В центре – блюдо с головой рыбы или барана.

На почетном месте – запотевшая бутылка красного вина.

Рядом – круглая красавица-хала. Праздничный хлеб!

Вместо соли – мед!

«Кидуш» – торжественное благословение на вино, слова благодарности Творцу за то, что дал дожить до благословенного нынешнего вечера.

Омывают руки, и глава семейства с молитвой возносит халу. Ломает и макает ее...

– В мед!!!

– Правильно! Чтоб весь год был сладким!

Потом каждый берет кусочек яблока и снова – с пожеланиями благополучия остальным – окунает в мед.

Наступает очередь головы рыбы или барана. Всем желаем стать в новом году головой, а не хвостом! Обязательно!

Поднимаем кверху плод граната:

– Пусть праведных дел наших станет так же много, как зернышек в гранате!

Берем немного морковного цимеса:

– Чтоб множились наши заслуги!

На идише «морковь» – «мерн» (от глагола «увеличиваться»).

В Рош а-Шона – Йом Труа – мы трубим в шофар – бараний рог, чтобы Ашем услышал, как мы коронуем Его на царство над всей землей, и вспомнил о заслугах наших праотцев, готовых отдать жизнь за Него.

Цель трубления в шофар – напомнить и о жертвоприношении Ицхака.

אֵלֵאֱלֹהִים אֵלֵאֱלֹהִים

Как-то ангел-обвинитель (сатана) говорит Ашему:

– Авраам служит Тебе ради своего потомства и себя!

– Всё, что делает Авраам, делает он только из любви ко Мне! – отвечает Ашем. – Если Я попрошу, он принесет Мне в жертву даже Ицхака.

На земле в это время спорят сводные братья – Ишмаэл и Ицхак:

– Нет никакой твоей заслуги в том, что на восьмой день жизни ты вступил в Союз с Творцом, – кипятится Ишмаэл. – Вот я в тринадцать лет сделал это осознанно!

– Зато я, если потребуется, жизнь за него положу!

Сказано в Талмуде: «Человек не должен давать повод сатане придраться к нему».

Зовет Ашем Авраама:

– Авраам!

– Вот я!

– Бери сына.

– Какого из двух?

– Единственного твоего.

– Каждый единственный у своей матери.

– Того, которого любишь!

– Я обоих люблю.

– Ицхака.

– Что с ним сделать?

– Веди в землю Мория. На высокой горе сожжешь его – принесешь мне в жертву.

Застыл Авраам в ужасе.

Когда пришел в себя, говорит жене:

– Завтра мы с Ицхаком едем поклониться Ашему. Не волнуйся. Скоро вернемся. Дай мальчику праздничные одежды, да в дорогу собери чего-нибудь из еды.

Сердце матери – вешун. Чует недоброе. А куда деваться? Парит, жарит, укладывает в суму...

Авраам колет сухие дрова, вяжет, закрепляет на спине у осла.

– Встают чуть свет. Отправляются в путь вчетвером.

Авраам, Ицхак, Элиезер, Ишмаэл... Вот и горы.

Вдруг одна из них осветилась странным каким-то светом.

Авраам поглядел на спутников:

– Видите вы что-нибудь необычное на той горе?

– Нет, – ответили хором Ишмаэл и Элиезер.

– А ты, Ицхак?

– Я вижу очень яркий свет.

– Хорошо, – обрадовался Авраам, – значит, ты меня поймешь. А вы, – обратился он к Ишмаэлю и Элиезеру, – побудьте здесь с ослом. Мы с Ицхаком только на ту гору прогуляемся и назад.

Снимает с осла поклажу и кладет на Ицхака. Берет огниво и нож.

Долго бредут. Останавливаются.

Ицхак отирает пот со лба и спрашивает:

– Отец, как же так? Вот дрова, огниво, нож, а где же агнец для всесожжения?

– Ашем найдет себе жертву, сынок.

Появляется сатана и начинает смущать Авраама:

– Ну, куда ты идешь? Зачем?

– Ашему служить.

– Сына пожалей, ирод! Вот я сейчас разольюсь речкой, и всё, и ты не виноват! Вернетесь домой оба.

Тотчас разливается полноводная река. Путники пробуют перейти ее вброд, да не тут-то было. Вода уже до ноздрей достает. Плачет Авраам, взывает к Всевышнему:

– Ашем, я делаю всё, что могу, но как идти дальше? Как мне выполнить Твою волю?

Вмиг становится сухо.

Поднимаются они на гору. Авраам вместе с Ицхаком камни собирают, строят жертвенник.

Ни ягненка, ни козленка не видать.

И внезапно понимает Ицхак, что жертва – он сам.

Говорит:

– Только ты свяжи меня, отец, а то, может, дернусь под ножом – жертва будет негодна.

Авраам так и поступает.

Обвязывает Ицхака веревкой, кладет на жертвенник поверх дров... Только руку к ножу протянул – голос с неба:

– Авраам! Авраам!

– Вот я!

– Не поднимай руки твоей на отрока!

– Может, кровь ему пустить?

– Не делай ему ничего, знаю я теперь, что боишься ты Ашема, ибо не жалеешь для Меня единственного сына!

Поднимает Авраам глаза, осматривается.

О чудо!

В кустах – барашек!!!

Берет его Авраам и возносит на жертвенник вместо сына.

Спускаются они с горы. Забирают Элиезера и Ишмаэля и возвращаются в Беэр-Шеву.

ÑÌ ÀDÒŪ ÑÀDŪ

Тем временем сатана не дремлет. Летит к Саре и начинает:

– А муж твой совсем того!

– Что с ним?

– Ты только погляди в этот волшебный кристалл. Видишь, он сына твоего единственного вяжет и на жертвенник тянет. Сейчас кровушка хлынет!

Трижды вскрикивает Сара, и душа ее уносится в голубую даль к Ашему.

Возвращаются Авраам с Ицхаком в родной город, а соседи бегут навстречу:

– Ой, – кричат, – горе-то какое!

Хозяйка ваша умерла!

– Как? Не дождалась? Мы же вернулись... Ох! Да горевать уже некогда! Надо схоронить ее сегодня же, до захода солнца. Но где? Как найти кусочек земли?

– Есть подходящая пещера на поле Эфрона-хитийца! Соберем народ, обратимся к владельцу: «Продай пещеру!»

– Зачем продавать? Обижаете! – говорит Эфрон. – Берите так! Вместе с полем.

– Скажи, за сколько отдашь?

– Говорю: даром! Не хотите? Ну, платите четыреста шекелей серебром. Деньги-то небольшие...

– Куда хватил! – заволновались соседи. – Да за такую сумму двадцать пять полей купить можно!

Авраам отвешивает серебро.

Оформляют сделку.

Сару хоронят в пещере. Называется она Махпела.

Там уже была похоронена первая на земле супружеская пара – Адам и Хава.

Пусто в шатре без Сары. Какой дом без женщины!

И женит Авраам Ицхака на Ривке.

Но и сыну тяжело видеть, как тает от тоски Авраам. Разыскивает Агарь, вводит ее в шатер к отцу. Имя у нее теперь другое – Кетура. Рожает она мужу шестерых сыновей.

Умирает Авраам в глубокой старости. Хоронят его сыновья рядом с Сарой.

В Рош а-Шона вспоминаем мы историю с «Акейдас Ицхак» и трубим в шофар.

Ради заслуг наших праотцев, может, и нам выйдет снисхождение?

РАББИ ШМУЭЛ А-НАГИД

Ī ādeōī Ēāi āī

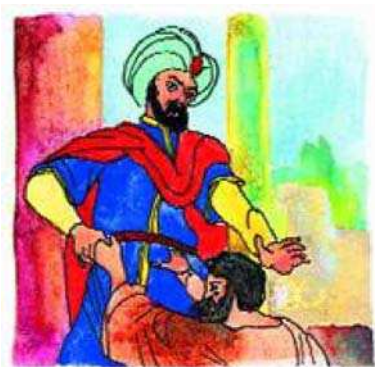
Ī ēīī ÷ āī ēā Ī ā ÷ āēī ā¹ 9-12, 2004; ¹ 1-4, 6-9, 2005

Естественно, мыслей своих он не выдал, а продолжал, едва не плача, упрашивать рабби Шмуэла заступиться за него перед Бадисом. В конце концов рабби Шмуэл пообещал сделать всё от него зависящее, но про себя решил: если и будет просить Бадиса, то лишь о том, чтобы сохранить жизнь этому несчастному, но отнюдь не свободу. Страшно подумать, что может натворить такой человек, будучи отпущен на все четыре стороны!

Когда спустя некоторое время халиф вернулся в шатер рабби Шмуэла, Аль Футух бросился перед ним на землю с громким криком:

– Господин мой! Помилуй меня во имя всего святого! Клянусь тебе: я невиновен! Пощади!

– Что? – мгновенно вскипел Бадис, и глаза его загорелись недобрым огнем. – Это ты?.. И ты, негодяй, смеешь являться к моему визирю?! Разве не ты сплел весь этот гнусный заговор против меня, не ты внес раздор в мою семью? А теперь валишься мне в ноги, хнычешь и заявляешь, что ни в чем не виноват передо мной! Неужели, по-твоему, привести меня ничего не стоит?

– О, молю тебя, господин мой, яви великую милость слуге своему! – вновь воззвал к Бадису Абу Аль Футух со слезой в голосе. – Не вини меня в преступлении, которое совершил твой племянник. Б-г свидетель – я в нем не замешан. Я действительно сопровождал Йезира во время бегства. Но присоединился к нему единственно по той причине, что, будучи его близким другом, опасался обвинений и подозрений, которые могли бы обрушиться на мою голову совершенно незаслуженно! Теперь я припадаю к твоим ногам и прошу милосердия. Если господин мой халиф желает, чтоб я признался в преступлении, в котором не участвовал, – я готов и на это. Я готов на всё, лишь бы добиться от тебя снисхождения. Прошу тебя, поступи со мной так, как единственно должен поступить столь великий государь. Ты – отец страны, ты будешь выше мести, выше обиды, ты не станешь держать зла на такого маленького человека, как я. Молю тебя, верни меня в лоно семьи!

Бадис помолчал, словно о чем-то размышляя, потом обратился к рабби Шмуэлу вопросительный взор.

– Знаешь, – раздумчиво проговорил рабби Шмуэл, – я бы посоветовал тебе помиловать его и заменить смертный приговор пожизненным заключением.

– Ах ты, грязный еврей! – закричал Абу Аль Футух не своим голосом. Он не ждал подобного поворота дел. – Так-то ты за меня заступаешься! Где ж твои обещания? Жизнью клянусь, если когда-нибудь мне удастся выйти на свободу, я тебя не пощажу!

Этими словами Абу Аль Футух подписал себе смертный приговор.

Поскольку Бадис намеревался пользоваться услугами главного визиря до конца своих дней, он отнюдь не желал ему скорой кончины. Ни на миг не задумываясь, халиф произнес:

– Нет, мы сделаем по-другому. Ты получишь полное прощение – в знак уважения к твоей неслыханной учености. Возвращайся в Гранаду. Там ты сможешь соединиться с семьей.

В припадке бурной радости Аль Футух не расслышал насмешливой интонации, явственно прозвучавшей в голосе Бадиса. Он бросился целовать халифу руки, уверенный, что ему выпала невероятная удача.

В тот же день Аль Футух отправился в Гранаду в сопровождении двух верховых воинов. Но как только на горизонте показался город, всадники заковали его в кандалы, а потом, добравшись до дворца, бросили в подземелье «Аль Хамры». Там он провел под пытками несколько ужасных дней.

Спустя некоторое время Бадис приказал привести Аль Футуха к себе. Едва пленник показался на пороге, он обрушил на него поток злобных ругательств и завершил свой монолог словами:

– Не помогли тебе твои звезды, мерзкий лжец! Разве ты не обещал моему глупому и подлому племяннику, что он сбросит меня с трона и будет царствовать в Гранаде целых тридцать лет? Не вышло! Лучше б ты постарался разглядеть в расположении звезд собственную судьбу. Тогда, может, ты сумел бы спастись сам. А теперь твоя жизнь в моих руках.

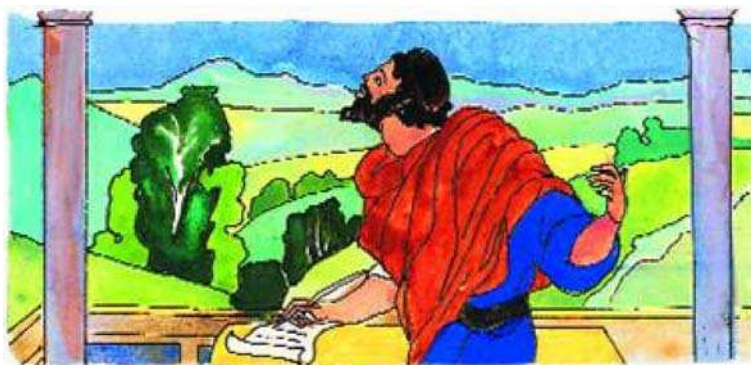
Аль Футух молчал. Пока в душе его теплилась надежда увидеть жену и детей, он изображал смирение, лгал, изворачивался. Теперь, поняв наконец, что дело проиграно и надеяться не на что, он снова обрел мужество, гордость и силу. На устах его появилась презрительная усмешка, лицо выражало полное спокойствие, полное безразличие к происходящему. Это окончательно вывело Бадиса из себя. Исполнившись ярости, он обнажил меч, бросился вперед и молниеносным движением вонзил острие в сердце Аль Футуха. Тот упал, не издав ни звука...

По приказу Бадиса Аль Футуха похоронили рядом с Ибн Абасом. Многие просвещенные жители Гранады сожалели о его гибели. А когда арабам, ненавидящим берберское правление, случалось проходить неподалеку от его могилы, они шептали себе под нос: «Всесильный Г-сподь, каким просвещенным был человек, что похоронен здесь. Да смилуется Аллах и да пошлет нам правителя и визиря из семени правоверных...»

33 Ààà ìîúòà

Рабби Шломо ибн Гвириоль тем временем наслаждался пребыванием в доме рабби Шмуэла. Заповедь о гостеприимстве его хозяин выполнял с таким воодушевлением, как, может быть, ни один другой человек на свете. В жилище героя нашего повествования рабби Шломо нашел наконец покой, познал отдохновение от всех несчастий, которые перенес после того, как гостил, не зная забот, в летнем дворце того же рабби Шмуэла в Эльмире. Дворец был поразительно красив и при этом удобен для жизни. Хозяин выстроил его так, что в стенах его и он сам, и его гости имели полную возможность без помех целиком сосредоточиться и на изучении священных книг, и на работе над собственными научными трудами, и над созданием поэтических строф.

Дворец напоминал «Аль Хамру» в миниатюре. И в нем, и в гранадском жилище рабби Шмуэла, где он сейчас пребывал, рабби Шломо чувствовал себя, словно дома. Он мог сколько угодно и писать, и спокойно заниматься Торой. Природа вокруг дома радовала глаз, отвлекая ум от тревог. Плавные линии нежно зеленеющих холмов, контрастируя с очертаниями невысоких скал с острыми пиками, создавали пейзаж столь же прекрасный, сколь и необычный. На рабби Шломо он действовал ободряюще и рождал вдохновение в душе молодого поэта.

Нередко его навещали друзья. Все вместе они садились изучать Тору. Впрочем, большую часть времени гость главного визиря пребывал один, предоставленный своим мыслям и своим книгам. В мудрость Торы он проникал всё глубже и глубже. Немалое время уделял он еще и занятиям философией и даже написал знаменитый труд «Источник жизни», впоследствии переведенный на латынь и получивший широкую известность в разных странах. Однако самую большую славу принесли рабби Шломо его стихи и поэмы. Даже до наших дней дошли многие его поэтические творения. Часть их вошла в Сидуры и Махзоры. Любой его стих отличался безупречностью формы и необычным ходом мысли. Он был воистину великий поэт.

Так и жил себе рабби Шломо в покое и радости в доме рабби Шмуэла, пока не случилось некое событие, вследствие которого между двумя этими достойными людьми возникло легкое отчуждение.

На Пурим рабби Шмуэл имел обыкновение приглашать к себе великое множество гостей. В этот день щедрость и величие духа рабби Шмуэла проявились во всей полноте. Но однажды во время праздничного пиршества нескольким его друзьям пришло в голову желание испытать хозяина. Они вознамерились выяснить, насколько глубоко его знание Талмуда, и, несмотря даже на то, что рабби Шмуэл обычно намеренно преуменьшал свою ученость, им всё-таки удалось во время пиршества заставить его «раскрыться» и всерьез отвечать на вопросы. Тут, к удивлению присутствующих, неожиданно выяснилось, что он знал наизусть не только Мишну и Талмуд, но даже и такие дополнения к ним, как Сифри, Сифра и Тосефта. И еще он знал на память весь Иерусалимский Талмуд. О чем бы его ни спросили, во всем он обнаруживал поразительную эрудицию и редкую глубину в понимании предмета. Восхищение гостей достигло предела в тот момент, когда «экзаменуемый» несколько раз ошибся, а «экзаменующий», то есть рабби Шмуэл, поправил его, не пользуясь ничем, кроме собственной памяти, и тут же сочинил насмешливый стишок по поводу своего собеседника.

В этом году рабби Шмуэл, как всегда, устроил в день Пурима пир. Огромное количество гостей пришли отпраздновать вместе с ним это важное событие. Во главе стола восседал сам хозяин дома. Справа от него сидел пожилой человек с длинной седой бородой и выражением глубокой сосредоточенности во взоре. От этого человека исходило непередаваемое ощущение чего-то, если можно так выразиться, потустороннего, и в правильных его чертах угадывалась – без преувеличения – красота иного мира. Каждое его движение было изящным и сдержанным, и облик его внушал окружающим настоящее благоговение. Этот почетный гость, случайно проездом оказавшийся в Гранаде, был не кто иной, как рабби Бахья а-Даян, знаменитый своим по-арабски написанным сочинением. «Ховот а-Левавот» («Долг сердец») называлась его книга. Она была первой в своем роде. В те времена подобные вещи не сочиняли. Автор поставил перед собой задачу выяснить, какие обязанности по отношению ко Всевышнему выполняет человек, совершая физические действия, а какие – исполняя душевных переживаний и устремлений. В общих чертах речь шла о долге веры, упования на Всевышнего, о долге любви и других вещах подобного рода. Книги такого содержания появились на свет много позже. Их принято было называть нравоучительной литературой. Рабби Бахья был истинно благочестивым человеком. Он превосходно говорил, наставляя других, но превосходнейшим образом и сам выполнял то, чему учил. Его преданность Всевышнему сочеталась с глубинным и точным пониманием каждого дела, за которое он брался.

Кроме него за праздничным столом, на самых почетных местах, сидели рабби Шломо ибн Гвириоль и рабби Иеосеф – сын рабби Шмуэла. Пир устроили во дворе, подле дома, ибо в самом доме не нашлось комнаты, способной разом вместить всех приглашенных. Среди двора бил фонтан, возносивший струи высоко вверх, откуда с нежным перезвоном они падали в воду, переливаясь на солнце всеми цветами радуги. Под действием доброго старого вина рабби Шмуэл расслабился, повеселел и принялся потихоньку слагать рифмованные строки, желая воспеть веселые солнечные блики, журчание водных струй, пение птиц и другие приятные впечатления, коими полна в тот день была его голова.

Í oí aí í í á á eóíá, í oíí oíí í á oá o á
È m'áí nēé é dī qēá ÷ oí é á È í á eé ÷ o é í ,
È è oú è é í aò n'í á mē í á o á n'í é á eá yò á -
È á eé è o ē p á í á , è í ð i á e è í á á í e í .
Nē í ð a y ú e é , ÷ i y' é d'í á í á í o á e á o nē á c á i é , -
Á á á e í í á n á í á y' é d'í á í e nē á e è o ,
È ÷ á o á í í é d'í á o é á o í á e á e á d'í y' í é
*È , á o o í é á d'í á e í e é í á é í í í , í á í e è **

** Í á d'í á Á. È á c á d'è n'í*

Слуги тем временем принесли красные яблоки. Едва перед рабби Шмуэлом появилось блюдо с великолепными плодами, он тут же по-арабски сложил небольшое стихотворение во славу яблонь, растущих под солнцем. Все были восхищены. Однако в следующее мгновение гости в изумлении уже смотрели на рабби Бахью, ибо тот, почти не прерывая беседы с соседями по столу, перевел строки рабби Шмуэла с арабского на иврит, идеально сохранив и размер, и рифмы. Рабби Шмуэлу ужасно понравилась эта забава; он принял вызов, немедленно переведя свой стих обратно на арабский, причем двумя способами, изменив рифмовку. Затем, напрягши мозг, выдал экспромтом целых тринадцать четверостиший разного размера с разными способами рифмовки. Содержание же осталось прежним.

Слуги поставили перед рабби Шмуэлом горшок с цветами жасмина. Цветам тоже суждено было стать темой отдельного стихотворения – как и всему остальному, что в тот день привлекло внимание хозяина дворца.

Что ж, на то и поэты, чтоб говорить стихами... Разумеется, рабби Шломо ибн Гвириоль не мог остаться в стороне. Тут-то и произошла маленькая неприятность. Рабби Шломо, изрядно разморенный вином, принялся прославлять в своих строфах прекрасную весеннюю погоду, для которой не характерны ни чрезмерная жара, ни лютый холод, и, дойдя до зимней стужи, употребил неожиданное сравнение: «И хлад ее подобен снегу в горах или стихам Шмуэла а-Нагида».

Подтрунивание над стихами рабби Шмуэла было, конечно же, всего только дружеской шуткой; тем не менее на присутствующих шутка эта произвела дурное впечатление: ирония по поводу одного из величайших мудрецов поколения показалась им неуместной. Правда, гости не произнесли ни слова. Единственным, кто не стал молчать, был рабби Иеосеф. Он счел себя обязанным вступить за отца:

– Эти слова – полная нелепость! Нелепость и глупость! – воскликнул сын рабби Шмуэла.

Рабби Шломо поблел. Разговоры смолкли, в воздухе повисло тягостное молчание. Присутствующие чувствовали себя крайне неловко, и рабби Бахья поспешил спасти положение:

– Конечно же, рабби Шломо не имел в виду ничего плохого. Я совершенно уверен, что у него и в мыслях не было обидеть рабби Шмуэла. Но поскольку обыкновенная дружеская шутка произвела столь тяжкое впечатление на друзей и близких нашего хозяина, то рабби Шломо в противовес сказанному должен будет произнести в адрес рабби Шмуэла некое славословие.

Рабби Шломо ибн Гвириоль охотно согласился с идеей рабби Бахьи, встал и начал декламировать импровизированное стихотворение в честь рабби Шмуэла. Заканчивался этот стих пожеланием долгих лет, многочисленного потомства и благополучной жизни...

...Пир продолжался, всё шло своим чередом, однако у некоторых учеников рабби Шмуэла осталось в душе какое-то горькое чувство. Им показалось, что под действием вина рабби Шломо ибн

Гвириоль раскрыл свое истинное и не самое доброе отношение к их учителю. По сему поводу они вспомнили изречение наших мудрецов: «В трех вещах познается человек – в своем кармане, в своем стакане и в своем гневе». Сам рабби Шмуэл ничего подобного не думал, но преданные его ученики продолжали говорить рабби Шломо ибн Гвириолью колкости, потихоньку задирая его и добились того, что в конце концов между двумя великими поэтами возник некоторый холодок. И рабби Шломо ибн Гвириоль даже потом чувствовал себя в окружении друзей и учеников рабби Шмуэла весьма неуютно.

Спустя несколько дней после Пурима рабби Шломо пришел к рабби Шмуэлу, чтобы откровенно поговорить с ним о неприятном происшествии во время праздничного пира и попросить, чтобы наш герой убедил своих учеников в том, что обида их несправедлива.

Хозяина дома он застал беседующим с рабби Бахьей: гость зашел попрощаться перед отъездом. Поняв, что рабби Шмуэл занят, рабби Шломо счел момент неподходящим для важного разговора и хотел уже было извиниться и уйти, но рабби Шмуэл сделал ему знак, приглашая остаться.

– Вы, наверное, оба слышали, – сказал он, – что рабби Нисим собирается вернуться в Керуан... Уж как только я не пытался его отговорить – ничто не помогает.

– Чем он объясняет это решение? – спросил рабби Шломо.

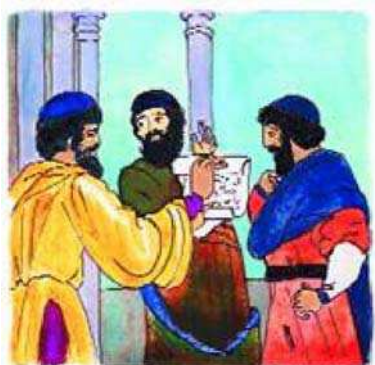
– Он недоволен здешними своими учениками, жалуется, что они слишком увлечены чтением книг по греческой философии, а главная идея этих книг противоречит нашей идее, идее жизни в полном соответствии с Торой.

– Ну и что с того, что они читают эти книги? – искренне удивился рабби Шломо. – Они же не станут из-за этого жить по заповедям Платона и Аристотеля! В каждом случае, обнаружив расхождение между точкой зрения греческих ученых и мнением Торы, мнением наших мудрецов, они поступят так, как требует Тора. Тут и спорить не о чем. Нисколько не сомневаюсь, что здешние ученики рабби Нисима – люди зрелые и здравомыслящие. Не сомневаюсь я и в том, что такие выдающиеся ученые, как Платон и Аристотель, в основном руководствуются логикой и разумом, и те их суждения, что не опровергают Тору, мы можем принять со спокойной душой.

В ответ на эти слова рабби Шмуэл молча вынул из ящика стола начертанное на пергаментном листе послание и протянул его рабби Шломо.

– Вот письмо, которое прислал мне рабейну Хай Гаон. В нем он ясно и недвусмысленно высказывается об интересующем нас предмете. Получил я это письмо незадолго до его смерти, переслал мне его как раз рабби Нисим.

Рабби Шломо взял в руки пергаментный свиток и принялся читать вслух: «Тренировка тела и души – вот что такое занятия Мишной и Талмудом. Они всегда идут на благо еврейскому народу. Изучение Торы благотворно воздействует не только на мудрых, но и на невежд, ибо последние таким путем привлекаются к выполнению заповедей, к жизни, согласующейся с Торой. Тот же, кто отвлечется от занятий Священной книгой и начнет заниматься пустыми науками, о которых ты упоминал, искоренит в душе своей страх перед Г-сподом. Мало того – он не добьется успеха в занятиях ненужными, посторонними вещами, а изучение Торы в конце концов забросит навсегда. Упорно продвигаясь по этому неправильному, этому ложному пути, человек окончательно смутит свой разум и вскоре не постесняется и не побоится забросить молитвы, и перестанет повторять заповеди. Только те, что постоянно, каждую свободную минуту сердцем обращаются к Торе и вспоминают о страхе Б-жьем, смогут когда-нибудь встать во главе народных масс и привести их к раскаянию, к полной покорности Творцу, к глубочайшей вере во всемогущество Всевышнего. И если люди, поглощенные надуманной философией, захотят убедить тебя, что путь ко Всевышнему есть путь извилистый и посему благодаря своим занятиям они тоже когда-нибудь придут к познанию Создателя, к пониманию Его промыслов, то не слушай их и не потакай им. Знай – слова их не более чем ложь и лукавство; нигде и никогда не встретишь тебе такие качества, как Б-гобоязненность и скромность, святость, чистота и преданность служению, кроме как у тех, кто постоянно занимается Мишной и Талмудом...»

Рабби Шломо смолк, задумался на минуту, потом промолвил:

– Ну, всё-таки здесь говорится о тех, кто вообще не занимается Мишной и Талмудом, о тех, кто отказывается от занятий Торой, чтобы погрузиться в чуждые нам учения. Но тем, кто прилежно занимается Талмудом и Мишной, им-то чем может повредить знакомство с трудами греческих философов? Разве иные взгляды не помогут еще лучше узнать Творца? Смеет ли кто сомневаться в преданности рабби Бахьи Создателю? А ведь его недавняя книга начинается с главы о монотеизме, где он пользуется теми же логическими доказательствами существования единого Творца, которыми пользуются и греческие философы!

– Ничего подобного! – вмешался в разговор рабби Бахья. – В своих работах я никогда не опираюсь на взгляды Платона или Аристотеля. Я лишь пользуюсь теми общими соображениями, общими для всех людей, которые эти два философа сумели сформулировать. Точно так же мы пользуемся книгами Евклида при изучении геометрии. Точно так же используем открытия физиков всех стран, дабы познать чисто физическую сторону мироустройства. И делаем мы это лишь потому, что наши собственные книги – книги колена Иссахара, истолковывавшие те же проблемы, утрачены. Но все суждения ученых-иноверцев, выходящие за пределы зримого и ощущаемого мира, для нас ничего не значат. Если помнишь, рабби Шломо, я оспариваю в своей последней книге многие утверждения Аристотеля...

Общее же правило таково: мы имеем право полагаться лишь на предания наших отцов. Во всех областях науки приемлемо для нас только то, что бесспорно, ибо доказано с помощью эксперимента.

Однако рабби Шломо ибн Гвириоль, автор «Источника жизни», не был убежден в полной справедливости слов рабби Бахьи. Об этом он заявил совершенно открыто. И тогда к нему обратился рабби Шмуэл:

– Мало того, – начал он, – что мы не доверяем точке зрения греческих ученых на то, что выходит за пределы физического мира. Я вообще считаю, что идеи греков ни на чем серьезном не основаны и потому неверны. Наши мудрецы коснулись некоторых тайн Торы неявно, намеком. Во второй главе трактата «Хагига» есть две брайсы, связанные с тайнами Торы и говорящие о больших дворцах и дворцах малых. Они записаны со слов рабби Ишмаэла-первосвященника, и о них же упоминает автор трактата «Брохойс». Румот, в свою очередь, упоминает также книгу «Сейфер Йецира», которая дошла до наших дней. Книга сия – тайна тайн творения, но все попытки написать к ней философский комментарий потерпели неудачу: выводы комментаторов противоречат логике и здравому смыслу. Это ясно как день, и тут не требуется никакая специальная подготовка.

– А что за тайны Торы, о которых никто никогда не слышал? – спросил рабби Шломо.

– Ну, это я в двух словах тебе изложить не смогу, – отвечал рабби Шмуэл. – Когда станешь старше или даже доживешь до преклонных лет, я, коль скоро будет на то воля Всевышнего, открою тебе эти тайны. Сам я удостоился узнать о них от своих великих учителей, но лишь после того, как достиг нужной степени готовности.

Рабби Шломо был потрясен до глубины души. Всё, что он успел постичь до сих пор и что казалось ему верхом мудрости, пределом человеческих знаний, неожиданно рассыпалось в прах. Возникшую пустоту нечем было заполнить, ибо выяснилось, что он еще слишком молод и незрел для сокровенных тайн Торы, и надо ждать, пока ему исполнится по крайней мере сорок лет. Его почтение к

рабби Шмуэлу было огромно, рабби Шмуэл оставался его любимым учителем, но ситуация показалась молодому поэту ужасной, непреодолимой. Более того – невыносимой. Горечь, которую он ощущал в последние дни, будучи постоянно задеваем учениками рабби Шмуэла, пробудилась в его душе с новой силой. Он вспомнил о цели своего прихода, однако решил не затевать с рабби Шмуэлом разговора о своей неудачной шутке. Спустя некоторое время опечаленный рабби Шломо ибн Гвириоль уехал из Гранады.

34 Àà:íàÿ íàì ÿòü ï ðààààí èèó

До халифа внезапно дошел слух, что герцог Севильский – араб по имени Мотхир – уже не раз нападал на небольшие берберские герцогства, граничащие с его, халифа, территорией, беспощадно громил соседей. Прослышав об ужасной участи несчастных своих соплеменников, Бадис в испуге порвал на себе одежды и разразился громким плачем. Страх его усилился в тысячу раз, когда ему донесли, что в одном из берберских герцогств, едва к нему приблизились воины Мотхира, поднялись арабы, все как один, и начали убивать своих берберских поработителей. Опасения за собственную участь довели халифа до истерического состояния. Кто мог поручиться, что арабы Гранады в один прекрасный день не поднимут восстание? Не призовут на помощь арабов со всей Испании? Не составят против него заговор, чтобы лишить его трона и жизни? Мысли подобного рода совершенно парализовали волю Бадиса и мешали действовать. Долгими бессонными ночами, а иногда и целыми днями он ходил по комнате из угла в угол, ища и не находя нужного решения. Ходил, не переставая думать, что где-то неподалеку, в тайном месте, в этот час уже собрались заговорщики и вынашивают планы убийства халифа и захвата страны. Друзья и приближенные считали, что их правитель с некоторых пор стал подвержен приступам безумия. То и дело он приходил в неистовство без всякой видимой причины, бранил, поносил, проклинал правого и виноватого. Порой Бадиса одолевала черная меланхолия. Он погружался в молчание и сидел часами, ни словом ни жестом не реагируя на окружающее. Глаза смотрели в одну точку, лицо выражало горе человека, потерявшего всякий смысл в жизни. Даже то, что он неожиданно бросил пьянствовать, скорее пугало, чем внушало надежды.

В голове Бадиса тем временем понемногу вызрел дьявольский план. Ему стало совершенно ясно, что он не найдет покоя до тех пор, пока в Гранаде живут арабы, угрожающие его жизни. Посему он решил истребить их всех до единого. Удобнее всего выполнить задуманное было в шестой день недели, в пятницу, когда арабы сходятся в своих мечетях и внезапное нападение на них может дать максимальный эффект.

Имея с юных лет привычку обсуждать все свои замыслы с главным визирем, он и на этот раз не видел причины делать исключение из правила. Приняв окончательное решение по поводу резни, он немедленно послал за рабби Шмуэлом. Увидев халифа, рабби Шмуэл сильно встревожился. Лицо Бадиса было бледным как мел и выражение имело весьма странное, доселе небывалое. Глаза его горели злобой, опухшие подглазья были черны как ночь. Руки тряслись мелкой дрожью, и он даже не пытался это скрыть.

– Арабов в нашем царстве следует истребить всех до одного! – вскричал халиф без долгих вступлений. А потом бесцветным, лишенным всяких эмоций голосом подробно изложил главному визирю свой чудовищный план. – согласишься ты со мной или станешь возражать, подыскивая всякие разные доводы, – это значения не имеет. Я всё равно поступлю так, как задумал, – закончил Бадис свою речь.

Слушая халифа, рабби Шмуэл всё больше приходил в ужас. Особенно его испугала решительная интонация правителя, тому обычно несвойственная.

– Могу сказать тебе лишь одно: идея твоя бесчеловечна, – тяжело вздохнул рабби Шмуэл. – Послушайся меня, Бадис, не торопись, поразмысли о возможных последствиях того злодейства, которое ты замышляешь.

– Вот уже несколько недель я не думаю ни о чем другом, – насутился халиф. – Я всё просчитал и целиком уверен в своей правоте.

Рабби Шмуэл подождал, не добавит ли халиф еще что-нибудь. Но тот молчал, и главный визирь заговорил вновь:

– Хорошо, допустим, у тебя всё получится, допустим, ты сумеешь единым махом перерезать всех арабов, живущих в Гранаде. Но неужели ты всерьез думаешь, будто арабы из соседних государств останутся сидеть сложа руки и позволят тебе совершить подобное преступление безнаказанно? Конечно же, не позволят. Как один человек, восстанут они в гневе и ярости и объявят против тебя священную войну. Бесчисленные арабские орды забудут все свои междоусобицы, объединятся, и несметные полчища их в один прекрасный день обрушатся на твою страну.

Лицо Бадиса хранило прежнее суровое выражение. Он нетерпеливо повел рукой, как бы требуя, чтобы рабби Шмуэл смолк, и произнес только две фразы:

– Обещай хранить в тайне всё, что услышал. А я устрою всё сам и обойдусь без тебя.

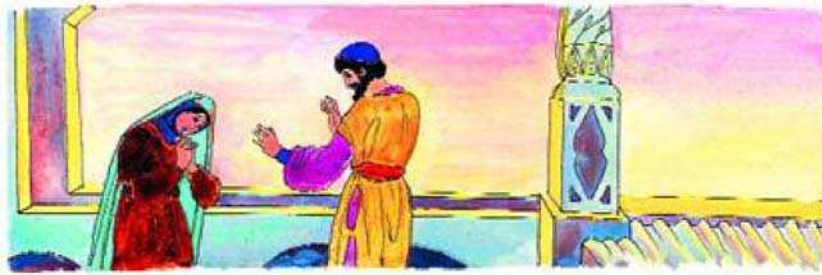
После ухода рабби Шмуэла халиф призвал к себе несколько особо преданных ему людей и отдал нужные распоряжения. Днем исполнения своего преступного замысла он назначил ближайшую пятницу. В пятницу утром Бадис приказал сосредоточить свой гвардейский полк поблизости от главной городской мечети. В доспехах и при оружии его верные воины должны были стоять там – как бы в ожидании начала торжественного парада.

Рабби Шмуэл пребывал в великом замешательстве. Конечно, он пообещал халифу всё хранить в тайне. Однако герой нашей книги отдавал себе отчет в том, что ответственность за эту кошмарную резню будет возложена на него, главного визиря. Стало быть, жизни его угрожала опасность при любом исходе дела. Если он раскроет планы Бадиса, тот ему этого ни за что не простит. Больше того – это может отразиться на остальных евреях Гранады. Если же он выполнит свое обещание и никому не скажет ни слова, то арабы тоже жестоко отомстят за это и ему, и его соплеменникам. Он долго и мучительно размышлял и в конце концов решился на весьма опасный, но единственно возможный шаг. Он отправил нескольких своих друзей известить кое-кого из именитых арабов, живущих в Гранаде, что им самим, их друзьям и близким в ближайшую пятницу не следует посещать главную мечеть, ибо там их может подстеречь нечто очень неприятное. Арабы послушались, и в результате в назначенный день убийцы не нашли в мечети никого, кроме нескольких простолодинов.

Узнав, что план его провалился, Бадис пришел в неопишемую ярость. Первым делом он велел позвать к себе рабби Шмуэла. Главный визирь прекрасно понимал, что предстанет не перед хорошо знакомым и дружественным ему человеком, а перед ослепленным злобой безжалостным палачом; надо было поэтому готовиться к неминуемой смерти. Он попрощался с женой и детьми и написал завещание.

Жена пыталась его удержать, настаивала на бегстве. Рабби Шмуэл, однако, на бегство не согласился и объяснил:

– Больше всего на свете я хотел бы провести остаток дней в нашей Святой земле, не зная бед и невзгод и занимаясь одной только святой Торой. Но обманывать мне себя незачем: если я сейчас попытаюсь скрыться, не пройдет и двух-трех дней, как меня схватят. Даже подземный ход не поможет: я ведь постоянно на виду, за мной, как говорится, следят семь глаз. Если же я сейчас явлюсь к Бадису как ни в чем не бывало, он, не исключено, решит меня помиловать. Вполне вероятно, халиф примет в расчет мою безупречную многолетнюю службу на благо его государства. Да и вообще он понимает, что без меня ему придется трудно.

– Иди же с миром! – покорилась жена рабби Шмуэла. – Хотя я до смерти боюсь гнева халифа, но, поверь, упование мое на Всевышнего сильнее, чем страх перед земным владыкой. Я буду молить Творца, чтобы Он защитил тебя, чтобы вспомнил твои добрые дела и спас от гибели...

На несколько минут рабби Шмуэл заперся в своем кабинете. Он хотел произнести вслух несколько важных отрывков из Торы и исповедаться перед Г-сподом. В конце концов ему удалось достичь душевного состояния, к которому он стремился, и, передав заботу о своей жизни в руки Создателя, он двинулся в путь. Перед халифом главный визирь Гранады предстал уже совершенно спокойным. Он успел завершить счеты с земным бытием и мыслями обращался теперь к небесному Отцу, готовый возвратить Ему свою бессмертную душу. Бадис встретил его громким воплем:

– Как ты смел раскрыть мою тайну?! Я велел тебе хранить ее, как зеницу ока!

– С чего же ты взял, что я ее раскрыл? – хладнокровно осведомился рабби Шмуэл. – Такое ли это великое чудо, что арабы вдруг не пришли в мечеть в очередную пятницу? Они же видели, что ты согнал к их молитвенному дому кучу вооруженных солдат без всякой мало-мальски убедительной причины. В стране сейчас мир. Никто из соседей тебе не угрожает. Им было нетрудно догадаться, что именно ты замыслил. Пускай и в общих чертах. Какой военный парад ни с того ни с сего?.. Чем кипятиться, ты бы лучше возблагодарил Всевышнего, что Он удержал тебя от непоправимой ошибки, от невиданного и неслыханного злодейства. Если бы твои арабские подданные действительно хотели восстать против тебя – а именно этого ты боишься, – они бы подняли бунт в тот самый час, когда им стали известны твои планы. Теперь же ты сам убедился, что они даже пальцем не пошевелили, чтобы навредить тебе, – хотя ты, прямо скажем, дал для этого повод. В общем, их тебе нечего опасаться. Оцени же наконец обстоятельства так, как они того требуют, – разумно и спокойно. Оцени, господин мой халиф!

Бесстрашие и уверенность рабби Шмуэла сначала изумили Бадиса, а потом привели в смущение. Он умолк и надолго задумался: поверить объяснениям Шмуэла или всё-таки счесть его предателем и казнить? Халиф не мог решить, как надо поступить в данном случае. Он, наверное, колебался бы еще очень долго, если бы не один уважаемый берберский шейх, присутствовавший при разговоре.

– Объяснение главного визиря звучит весьма убедительно, – промолвил этот почтенный человек. – Я полностью согласен с рабби Шмуэлом. Мы должны возблагодарить Аллаха, который не позволил нам совершить кровопролитие.

– Молодец, Харбона, – улыбнулся рабби Шмуэл.

– Что это за странное имя, каким ты меня назвал? – удивился шейх. – Разве тебе не известно, что меня зовут Ахмат ибн Аккоба?

– Разумеется, известно, – усмехнулся рабби Шмуэл, – но то, что ты сейчас совершил, весьма похоже на поступок одного достойного человека, который некогда спас народ Израиля, сказав нужные слова в нужный момент. Мы и до сегодняшнего дня поминаем его добром. Тебя тоже будут вспоминать добрым словом...

– Да, должно быть, я ошибся, – нехотя сдался Бадис. – Ладно, не буду больше пытаться уничтожить всех арабов в своем царстве... Но Севилья и ее нечестивый правитель... О, им еще предстоит ощутить силу моего гнева!

Некоторое время спустя Бадис объявил войну герцогу Севильскому и разбил его наголову. С этого момента государство, в котором рабби Шмуэл был главным визирем, стало одним из самых сильных

во всей Испании. Территория его тоже увеличилась. Однако здоровье нашего героя сильно пошатнулось вследствие перенесенных волнений. Больше всего его подкосила последняя севильская война. Ему уже не хватало сил, чтобы должным образом управлять государственными делами, и он понемногу стал переключать их на плечи старшего сына. Рабби Иеосеф во многом был похож на отца и в мудрости своей, и в незаурядных познаниях. Халиф одобрял его деятельность и давал ему весьма серьезные поручения, полностью на него полагаясь.

Некоторое время спустя рабби Шмуэл тяжело заболел. Еврейская община Гранады молилась о его исцелении. Во все соседние общины были посланы гонцы, чтобы просить соплеменников вознести молитвы об исцелении величайшего мудреца поколения. Ученики рабби Шмуэла держали пост... Всё оказалось напрасным. Жизнь рабби Шмуэла близилась к концу; еще немного – и он умер в мире и святости. Он не терял сознания до последнего мига и вернул душу Творцу лишь после того, как произнес последнее слово молитвы «Слушай, Израиль».

Бадис назначил рабби Иеосефа главным визирем страны и приказал устроить рабби Шмуэлу царские похороны.

Новый главный визирь во всем старался уподобиться отцу и пользовался полным доверием халифа. Мудрецы Израиля признали его авторитет в качестве знатока Торы и достойного наследника прославленного ученого и поэта.

Однако судьба сына рабби Шмуэла не была похожа на судьбу отца. В субботний день девятого тевета четыре тысячи восемьсот двадцать четвертого года берберы подняли небывалое по масштабам восстание. От рук мятежников погибло около полутора тысяч еврейских семей Гранады. Среди жертв был и сам рабби Иеосеф, и все его ученики, и множество других жителей Гранады. Были и те, кто пришел издалека, чтобы послушать мудрые речи визиря или заниматься с ним Торой. Драгоценные книги, оставшиеся после рабби Шмуэла, украли. Часть потом уничтожили, часть продали в другие страны.

Известен любопытный случай. В пять тысяч шестидесятом году богатый еврейский вельможа рабби Тодус а-Леви бен Абу Алаафия хвастался, что ему удалось приобрести свиток Торы, написанный рукою самого рабби Шмуэла (со всеми характерными особенностями почерка последнего) за смехотворно низкую цену. Владелец свитка попросту не представлял себе его ценности...

В более поздние века распространилось мнение, что пост девятого тевета был установлен именно в связи с кровавыми событиями в Гранаде. Пост этот почему-то назван еще в Талмуде, в трактате «Таанис». Поговаривали, что наши мудрецы установили этот пост в память о резне в Кордове, которая произошла позже, но которую они предвидели благодаря своему пророческому дару. Рабби Шмуэл бен Йосеф а-Нагид надолго остался в людской памяти. Он был первым среди мудрецов-хранителей Торы нового исторического периода, начавшегося после эпохи Гаоним.

יְהוָה יְהוָה יְהוָה

Б-Г ЗДЕСЬ ЖИВЕТ

Bôôà Yéèàô

Á-âçääññí áíëüüá íá æèááò. Ôàññèäññèá èñòíðèè ýííðè Èàòáñòðíóú

Ì.: Ì ïñòú éóëüòóðú; Jerusalem: Gesharim, 2005. – с. 279.

Сколько раз приходилось слышать о кризисе веры в огне Катастрофы: где был Б-г? как Он мог допустить всё это? Катастрофа как доказательство небытия Б-жия: Катастрофа и Б-г несовместимы.

Я вовсе не хочу сказать, что книга Яффы Элиах отвечает на поставленные вопросы: в конце концов это не теодицея, а рассказы тех, кто выжил, и Яффа Элиах б-гословской рефлексией не озабочена. Но во многих из собранных ею историй есть ощущение присутствия Б-га. Среди страха, боли, порой отчаяния. Есть кризис жизни, но нет даже намека на кризис веры. Б-г здесь живет – в этих, казалось бы, вообще не предназначенных для жизни местах. И это главное свидетельство книги.

Секулярное отношение к Катастрофе и религиозное не совпадают. Для религиозного сознания расстрельный ров или газовая камера не ужасный и уж тем более не бессмысленный конец, а Дверь. И речь идет о чем-то большем, чем только надежда на жизнь после смерти, – по-иному проживается и переживается жизнь, как бы она ни была мучительна, сколько бы ее ни осталось. Жизнь, независимо от обстоятельств, соотносится с Б-гом и с Торой. Впрочем, для героев этих историй так было всегда – в этом обстоятельстве, самом по себе, нет ничего принципиально нового. Новое – в невиданной остроте переживания, ибо события происходят на краю поглощающей всё пропасти. Духовные ценности проходят испытание ужасом.

Хасидская семья – муж (немолодой человек, за пятьдесят), жена и маленький ребенок – бежали из гетто перед его ликвидацией. Около года скрывались в лесу. Потом местные крестьяне убили женщину и ребенка, когда те просили подаяния. Узнав о бедственном положении Гирша, его бывший сосед по гетто, партизан Цви Михайловский, отправился на его поиски и нашел его.

Ýòí áüè æèááé òðñí: èçíóðáííá áéááííá èèòí, ííèðñòíá ðáíáí è, è òáèí, íááðíòóíá á òðýíüá. Ôáè ííáòí áè íðí íñáý, ÷òí, èíááá èññòóèá í áððáíá èíñðè, ííèñáííüá íðíðíèí Èáááçéáéáí, áíñòáíóò, ííè áüüò áíñéýááòú òáè æá, èáè ðíá Áèðø <...> Ôáè ááè Áèðø òáíèçñ ááò è íááæáá. Ôíò áçéýíóè íá íáñ è ñðíñè: «Ôáè, ñèáæè í íá íðááñ, ááá òñ áíñðáè ýòè áñíè? Íðíñðè í áíý çá í íé áííðñ, íí íá áçýè èè òñ èð ñèíè ó ííèññèèð èðáñòüýí. Í áø ñáýòíé çáèíí ðáøèðáèññí í çáíðáíááò íáí áíðñááòú ó áèèæéíèð». Ôáè çááñðèè ááñ, ÷òí íí íéèíá íá íáááèè è íá íðèí áíèè ñèèü áéý òíáñ, ÷òíáñ áíáñòú ýòè íðáøèðú è íááæáá. Ôíèññí ííñèá ýòèð çáááñáíèè ðíá Áèðø ðáøèèññí ííèíæèðú èññí-áè ñíðá á èññòóèè ðíò è íááòú òáíèñá áíðèíèè. Íá çáí áðçøéá ííá. Í áááèñ ñí áñòý Ôáè è ááñ òíááðèüè íáøèè íáíáæáííá òáèí ðíá Áèðø. Íí áüè ááèò í áñòíüí è èðáñòüýíáí è. Ááñ íááæáá è íáááñ áüèè ííòèñáíü.

Одна из поразительных особенностей сознания героев этой книги – отсутствие ненависти к тем, кто унижал и уничтожал евреев. К ним относятся эпически – как к пожару, землетрясению или чуме. Совершенно отсутствует пафос борьбы и сопротивления. Широко известно о вооруженной борьбе евреев с нацистами. Но это не тема историй Яффы Элиах: здесь нацисты борются с евреями – евреи нет. Как сказал

хасидский цадик, тьму нельзя разогнать палкой. Осветить свечой – можно. Но ведь свет не сопротивляется тьме – только тьма свету.

В одном из эпизодов рассказывается о зажигании первой ханукальной свечи в Берген-Бельзене. Зажигает свечу и произносит благословения герой многих историй этой книги блужовский ребе Исроэл Шапира. Напомню читателям тексты ханукальных благословений – это важно для понимания дальнейшего. Во все вечера праздника произносятся два благословения: «Благословен Ты, Г-споди, Б-же наш, Царь Вселенной, освятивший нас Своими заповедями и повелевший нам зажигать ханукальные свечи» и «Благословен Ты, Г-споди, Б-же наш, Царь Вселенной, сделавший чудеса отцам нашим в те дни, в это время».

В первый вечер, сверх того, произносится еще одно – дополнительное – благословение: «Благословен Ты, Г-споди, Б-же наш, Царь Вселенной, даровавший нам жизнь, поддерживающий ее и давший нам дожить до сего дня».

Ребе произнес первые два благословения, а после небольшой заминки и третье. Некто Замечковский сказал ему:

B i taw i'liyotij i'f'ai o'hai i'oeif' qaxa:u' i'ae a' yof' m' om' la' adai y'. B' a'xae i' taw i'liyotij o'i' t'adua'iea e' eno'idee, ei'oi'dia' a'ie'f' ai' ad'of'i' a'ea'at'ie'ia'iee <...> I'i' oi', o'f' ai' i'die'ci'at'e' o'da'ou'ia' a'ea'at'ie'ia'iee - yof' ai'oa' i'ia'at' i'ie'i' a'ie'y' <...> E'ae' i' i'ae' ai' i'die'ci'at'e' yof', ei'aa' a' i'o' a'ea'at'ie' o'at' o'ea'e'u' u'o' i'ia'-ae' e'xae' o' m'oi' e' a'da'e'ie'eo' o'ae', ei'aa' o'uy'-e' e' o'uy'-e' a'ada'aa' o'i' yof'y' a' e'aa'dy'o', a' i' e'ee'e'iu' - o'ea' o'ie'-o'ia'ea'u'? Ca' o'f' a'ea'at'ie'ia'iee' o'at' a' A'-ai'? Yof', i'f'-aa'oi' o' «a'adi'aa'ou' a'ee'ci'u'»?

Очень характерные вопросы. Зеев Замечковский, несмотря на молодость (ему не исполнилось тогда и 25-ти), был одним из лидеров польского Бунда. Ребе называет его в своем рассказе «умным и искренним». Для Замечковского Ханука – национальный праздник, лишенный мистического содержания. Первое благословение для него – бессодержательная религиозная рутина, и оно его не интересует. Второе – апеллирует к истории, к славным победам Маккавеев: оно уместно, оно поддерживает национальный дух и вселяет надежду на чудо спасения, – его Замечковский понимает. Третье – абсурд, вызов здравому смыслу и нравственному чувству. То, о чем я говорил: Б-г и Катастрофа несовместимы.

Замечковский относился к Исроэлу Шапире с уважением, не считал его ни глупцом, ни лицемером, ему даже в голову не приходило, что ребе мог произнести благословение автоматически, только лишь потому, что так положено. Вопрос не был риторическим, он не хотел осудить раввина или поставить под вопрос его ценности; это был хороший, честный вопрос: Замечковский действительно хотел получить ответ.

Вот что ответил ему ребе:

A'u' a'at'ie'p'oi'f' i'da'at' <...> E'ia'aa' y' i'ia'io'ae' e' o'da'ou'ia' o' a'ea'at'ie'ia'ie' e'p', o'i' ca'm'i' i'aa'e'iy' e' m'oi'ie' i'aa'y': e'ae' i' i'a' au'ou' m' i'ei'? B' i'ia'adi'oe'iy' e' da'aa' e'q' O'at'ca' e' e' ad'xae' e'ca'no'io'iu' da'ae'ia'i', ei'oi'dia' no'iy'e' dya'it' m' i' i'ie', o'ia'au' m'oi'ie'ou'e'e', i' i'aw' ee' y' i'die'ci'at'e' a'ea'at'ie'ia'ie' e'a'

В отличие от Замечковского, которому логика раввина непостижима, раввин логику Замечковского понимает, более того, в существенных моментах принимает: «Вы абсолютно правы». Это очень важно. Значит, блужовский ребе в принципе считал возможным в сложившихся обстоятельствах опустить благословение, освященное мудрецами и временем. Был готов, выслушав мнение авторитетных людей, на беспрецедентное отступление от традиции.

I'i' <i'dia'ie'ae'ia'io' da'aa'> a' yof' o' i' i' ai' o' y' ca'i' ad'e'e' i'ic'aa'e' i'aa'y' o'ie'io' a'ea'io' a'ad'aa' I'ie' a'ie'i' a'ee' o'ad'ai' i'ie'e' ca'ae'at'ie'y' o'at' o'ea'e'u' u'o' i'ia'-ae', e' ee'oa' e'o' a'ud'ae'ae'e' a'ad'i' i'da'aa'ii'io'u' e' m'io'aa'io'f'-ai'ea' E' y' i'ea'ca'e' i'aa'x' a'ie'e' o' A'-ai', aa' a'ua'o' a'ea'at'ie'ia'ie' I'i', a'io'u' i'ad'ia', ei'oi'due' a' a'ie', ei'aa' m' ad'ou' m' i'ode'o' i'a' i'ia'at' e'q'-ca' o'ea', a'ea'y' ai' ad'ai' y' ca'ae'at'ie'y' o'at' o'ea'e'u' u'o' i'ia'ae' o'doi'u' i'ate'o' i'od'ia' a'da'ou'ia' e' a'ada'e', m'oi'ie'o' e' a'ie'i' a'ao' a'ea'at'ie'ia'ie'p': «i'ia'aa'oe'e' - o'aa'ia' i'od'aa' i'ae'ei' a' o'a' a'ie', a' yof' ad'ai' y'», e' a'ie'e' i' i'a' i'ie'-a'no'ee'ae'ei'nu' o'ae'aa'ou' e'p'aa'e', i'ae'aa'p'ue'o' o'ae'ie' a'ad'ie' e' o'ae'ei' o'iu'd'ae'ai', o'i' y' i'aa'ii' i'aa'ii' a'ie'ea'at' i'die'ci'at'e' o'da'ou'ia' a'ea'at'ie'ia'ie' e'a'

Для Исроэла Шапиры благословение не мантра – оно исполнено живого экзистенциального смысла. Ребе из Блужова освещает беспросветный лагерный мрак ханукальной свечой и испытывает счастье, которого никогда бы не испытал, проживи он благополучную, без страданий, жизнь. Катастрофа лишила Исроэла Шапиру жены и ребенка, он оказался на самом дне бездны, – больной, несчастный, всё потерявший, воззвал из глубины, благословил из глубины и был услышан. После войны он обрел новую жену и новых детей. В сущности, вариация на тему Иова. Нацисты говорили: похули Б-га и умри! Он восславил Б-га и остался жить.

Замечковский в лагере не погиб, своим социалистическим убеждениям не изменил, соблюдающим евреем не стал. Но эту ханукальную ночь запомнил на всю жизнь. Ответ ребе «остался с ним <...> став постоянным источником вдохновения во времена невзгод и тревог».

Еще одна история с блужовским ребе. И опять в ней возникает еврей-атеист. В транзитном лагере Янова немцы превратили селекцию в потеху: заставили узников прыгать через бомбовые воронки. Тех, кто падал в яму, расстреливали. «Ребе посмотрел на свои ноги – вздутые ступни были искалечены болезнями и голодом. Он взглянул на своего молодого друга: скелет с горящими глазами». Тот сказал: шансов у нас никаких, спустимся в яму и примем смерть.

**- אדואי ית, - יוֹאָדוֹעֵם דאַס, עינאַ ייִע סײַט עײַ אַי, - זאַלענע אײַענאָן אױיִרײַגן אײַעפּ אַ-אַ,
ע אײַע יאַ יאַאַ דאַוּאַי, זױַ ייִ אַ אײַעאָי אַ אַוּוּ אַוּוּוּ ע י אַ אײַעאָי זאַל יעוּ יוּאַוּוּ, זױַ ייִע אַוּוּוּ
אַוּוּוּ ע יאַי ידעאַוּוּוּ יוּאַוּוּוּ ׀ אײַע, יאַ אַע אַ-אַ יאַי יאַ ייִאַאַוּ ע י אַ אַאַאַי אײַע, זױַ י אַ יאַאַי עאַ
אַוּוּוּ י אַ אַיִנעאַאַי י עדאַ עינעאָי. זאַע זױַ, אדואי ית, י אַ אײַעאָי יוּאַוּוּ**

דאַס ע אַיִ זױַאַדעוּ ידעאַעאַעאַעאַע אַ עדאַר ייִ אַ, עיזױַאַוּ אַוּוּוּוּ יאַי יעאָיַעאַיִ דאַעאַי ע <...>

**ײַ יאַיעאַוּ ע ייִ אַ דאַס צאַעוּיע אַאַאַ ע אַאַוּוּוּוּוּ סאַיִוּוּוּוּ ידעאַאַע: ׀ יוּאַאַי !׀ ׀ עינאַ ייִע
יזעוּיע אַאַאַ, ייִע אַיִע אַעאַ יאַ אדואי ע נױַוּוּוּוּ ייִ אַ.**

**- זאַיעדאַ, י אַ צאַאַיִ! י אַ אעאַ! - אַיִאַ ע אַיִאַ ייִאַוּוּוּוּ אדואי ע זאַיעאַי אַאַאַ זאַעע ע צאַ
אַאַ - זאַיעדאַ, אַאַאַאַאַוּוּ אַיִ י אעאַ אַ אַיִ ייִ אַאַ אַיִעאַי אַוּוּוּ א-אַ יאַ אַאַוּאַ נעאַעוּאַ דאַס, אַע אַי
זױַ אַאַעע?**

**- ב יאַאַיִעאַיִ יאַ צאַיעוּיע אַיעוּ ידעאַיעאַ, אַאַעאַעאַיִ צאַ ייִעוּ יאַעאַוּ אַאַאַי יזעוּ, אַאַאַ אַאַאַ ע
אַאַאַ ידעאַאַ, אַאַאַ אַאַאַ יאַ יאַי יזעוּ עוּ, - אַעאַע דאַס, אַאַאַ יאַאַוּ, יאַ זאַיִ אַ יאַעאַע. ייִ אַעאַע י יאַ
אדואי ית, אַע אַוּוּ אַיִנעאַאַאַ ע נױַוּוּוּוּ ייִ אַ?**

- ב אַאַעאַעאַיִ צאַ אַאַיִ

История эта – готовая притча: вера, переносящая через бездну смерти.

Исроэл Шапира так говорил о своем спасении спустя 30 лет: «Б-г создал странный мир, временами его невозможно постичь <...> мой долг рассказывать эту историю снова и снова. Ибо пересказ есть попытка осмысления, попытка проникнуть в наиболее таинственные реалии нашего мира».

ײַ עוּאַע אַיִדעע

**- ׀ יאַוּוּ. אײַועי עע», «אַאַאַעע זאַאַ» - יז זױַ אַעיאָ! בױַאַ יעעאַוּ אַאַאַי אַ, זױַ
«זאַיעאַע צאַיעאַע אַ דאַיִע». עזי-זי אַיִעאַי אַ ייִי דאַעוּ? נעיאַוּוּוּוּ בױַוּ יעעאַוּ אַאַ-אַאַ: «אַיִוּיעאַ
אַאַ», «אַיעוּעאַ י אַוּוּאַ אַאַ», «זאַיעאַי אַאַ», «אַוּוּ ייִאַיִוּאַ אַיעאַ», «אַיעוּעוּאַ עיעיִוּ» - ע זאַ ייִ
אַיִ זױַ אַאַוּוּ יאַ אַאַעוּאַ י אַע «אַעאַע».**

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2005 ЭЛУЛ 5765 – 10 (162)

ПСАЛМЫ АВИГДОРА ЭСКИНА

À. Ýñèí

Ï ñàèì ù

Ï., 2004 – 644 с.

Авигдор Эскин – «самый правый человек в Израиле», «экстремист и радикал», как величают его СМИ, отсидевший два года в израильской тюрьме, – издал свой труд: переведенные на русский язык и прокомментированные псалмы. Этот труд осуществлен Эскиным именно в тюрьме. Книга, содержащая 41 псалом, представляет собой лишь первый том: Эскин предполагает продолжить перевод и толкование неистовых молитв Давида.

Конечно, личность переводчика и комментатора интересна и одиозна. Когда ему было 13 лет, еще в Советской России, Авигдор разбрасывал листовки в поддержку Солженицына, за что был исключен из школы. Потом он занялся изучением иудаизма, кабалы и эмигрировал в Израиль. 21 декабря 1997 года Эскин был впервые задержан израильскими властями по достаточно экзотичному обвинению: в умысле бомбардировать из катапульты свинными головами мечеть Аль-Акса на Храмовой горе. После нескольких лет судебного преследования это обвинение отпало, зато всплыло другое: якобы Эскин был заодно с неким Пековичем, который взял на себя ответственность за возложение свиной головы на могилу террориста Азадина эль-Касама в ответ на взрыв в Иерусалиме, осуществленный организацией, носящей его имя. Также его обвиняли в соучастии в поджоге офиса пропалестинской пацифистской организации «Поколение мира». Пекович под пытками показал, что все эти действия были поддержаны и одобрены Авигдором Эскиным. Также Эскину вменялась в вину симпатия к убийце президента Рабина Игалю Амиру. Несмотря на косвенность и явную сомнительность обвинений – мало ли какие взгляды у человека! ведь ни в одном действии он уличен не был! – 14 января 2001 года Эскин был посажен в тюрьму, откуда вышел 20 февраля 2003 года.

Его перевод и комментарии отражают его политические взгляды и духовные ценности: это взгляды ультраправого националиста. Не случайно одним из его друзей является лидер Евразийской партии России Александр Дугин, а один из тех, кто поддержал его во время репрессий, – Дмитрий Rogozin. Сам Эскин об этом говорит так: «У наших стран есть прекрасные перспективы. И они основаны, с одной стороны, на уважении русской идеи, которую исповедуют многие российские политики, с другой – еврейского традиционализма, который исповедую я. На этой основе почитания державности еще никогда не строились русско-еврейские отношения». В авторском введении к переводу к этой мысли подводится духовная платформа: «В эти смутные для Израиля дни я узрел один из рычагов спасения его именно в той составной, которая вышла из России и остается в России. Поэтому выбираю русский язык для несения вести грядущих перемен».

Что это за перемены – видно из комментария. Кабалист Эскин, ссылаясь на Сейфер Йециру, Зогар и другие труды, а также указывая на тайный смысл псалмов, рисует историческую картину, простирающуюся в прошлое и предсказывающую будущее: «Усиление мессианской поступи вплоть до прорыва в новую эру начинается с 1740 (5500) года <...> А начало раскрытия Мессии из дома Йосефа

начинается в 1948 году (год основания Израиля. – Е. Р.) и соответствует его сефире Есод. Мессиянское явление 1948 года распространяется на следующие 70 лет <...> Первые испытательные сорок лет завершились в 1988 году или 5748-м, когда начался арабский бунт <...> Полуденный час избавления приходится на 1990 год <...> Это время воцарения в мире Великого Смешения – самого опасного врага Израиля. Мировой либерализм вытеснил зло коммунизма и обратился в слиток вселенского злонравия».

Для Эскина и его сподвижников, как и для всех традиционалистов, главной опасностью и главным злом в мире является воплощенная утопия либерализма – Америка, где торжествует Великое Смешение, тотальная «плавильня» всех народов и рас в некую единую штамповку, новый этнос – американцы. Именно Америка, которая, словно мультяшный кот Леопольд, призывает всех «жить дружно», является реальной опасностью для Израиля, мешающей дать настоящий силовой отпор «душегубам-самоубийцам», так считает Эскин. В реальности же и в Америке всё обстоит не совсем так, как хотелось бы отцам-демократам: Штаты представляют собой множество не ассимилировавшихся национальных и конфессиональных компактных поселений – чайна-таунов, гарлемов и т. п. – вместо задуманного единства и стирания коренных различий между жизненными укладами, религиями, расовыми несхожестями, различиями отдельных личностей. Традиционализм представляется на первый взгляд бунтом против обезличивания, но в своем неприятии Америки смыкается, как ни странно, со своими заклятыми врагами – исламскими фундаменталистами, которые, собственно, тоже являются традиционалистами: так, один из главных традиционалистов, философ Рене Генон, принял ислам и уехал жить в Каир, где и умер.

Вернемся, однако, к переводу. Он отличается от канонического русского некоторыми частностями – вместо одного слова употребляется его синоним, а там, где написано «сын» и где христиане непременно узрят пророчество об Иисусе, Эскин интерпретирует в духе иудаизма.

Переводы выполнены «высоким стилем», текст изобилует устаревшей лексикой типа «ажно», «глагольте», «зело», «око», «ланита» и т. п. Иногда автор рождает и неологизмы: «разнство», «целовывайте», «пустомазы», «распросторил», «обвиновь». В контексте они не особенно режут слух, поскольку соответствуют духовному настрою на Высшее, а оно требует нового языка, отличающегося от ординарного бытописания. Ритм комментария напоминает былинку или белый стих, автор употребляет инверсии, придающие комментариям ощущение сакральности. Основной смысл комментариев сводится к тому, чтобы увидеть тайные откровения, относящиеся к нашей эпохе и сокрытые в псалмах, прозреть будущее и сделать всё, чтобы оно было именно таким, каким его видели Давид и пророки. В конце концов, филистимляне – это и есть арабы, как считает Эскин, а наша эпоха – «начало раскрытия Мессии», поэтому псалмы более чем актуальны.

Надеюсь, настоящие читатели оценят этот труд, а знатоки вступят с автором в полемику или согласятся. Как сказал Авигдор Эскин в одном из интервью: «Спасибо врагам за столь высокую оценку силы моего слова. Спасибо друзьям, с которыми мы вместе удостоимся возвести Храм в Иерусалиме».

Ашō Давїтā

ИСТОРИЯ ОДНОГО СТЕРЕОТИПА

Габриэла Сафран

«I àdàì ènàò ù ààdàŷ...» Ọàì à ààdàéńé àńńèì èéyòèè á èèòàdàò ọdà
Díńńéńé èì ì'ádeè (1870-1880 ńń)

ÑÌ á: Àéàáàì è: àńéé ì'đí'áéò, 2004 - 240 c.

Еврей в русской литературе – гость сравнительно поздний. Интерес русских писателей (как и русского общества в целом) к еврейской проблематике зародился даже не в середине, а во второй половине XIX столетия. Утверждение это может показаться спорным – и у Пушкина, и у Лермонтова, и у Гоголя нетрудно найти разной степени брезгливости упоминания о евреях; персонажи-евреи встречались у Булгарина, Кукольника, Лажечникова, Нарезного и других прозаиков, поэтов и драматургов той эпохи. Однако в литературе первых десятилетий XIX века евреи были, а еврейского вопроса – точь-в-точь по Ильфу и Петрову – не было. Для образованного человека пушкинской поры еврейская тема находилась не просто на периферии сознания – она вообще не могла являться предметом сколько-нибудь серьезной рефлексии. Исключения составляли только чиновники, занимавшиеся евреями по должности, как Державин, либо люди, увлеченные проектами государственного устройства (случай Пестеля).

Поэтому нелепо, как это часто делается, на основании пасьянса из нескольких случайных цитат объявлять антисемитом, например, Пушкина. Пушкин антисемитом не был. По крайней мере, он не был антисемитом сознательным и идейным, как, например, спустя полвека Достоевский. Отвращение к еврею было заложено у людей пушкинского круга на уровне рефлекса, инстинкта: «Один из арестантов стоял, опершись у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой молодой человек с черною бородою, в фризовой шинели, и с виду настоящий жид – я и принял его за жида, и неразлучные понятия жида и шпиона произвели во мне обыкновенное действие; я повернулся им спиною, подумав, что он был потребован в Петербург для доносов или объяснений. Увидев меня, он с живостию на меня взглянул. Я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга – и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись друг другу в объятия». В этом часто цитируемом пушкинском фрагменте 1827 года интереснее всего автоматизм реакции на появление мнимого «жида»: едва увидел – и тотчас «поворотился спиною».

Для пушкинских упоминаний о евреях характерно всякое отсутствие личного чувства и вообще какой бы то ни было индивидуальной окраски. Как только речь заходит о евреях, у самого оригинального из русских поэтов наготове цельные словесные и сюжетные блоки, которые он вставляет в свои произведения, нимало не изменяя. Совершенным штампом смотрится, например, «презренный еврей» из стихотворения про «черную шаль» – не случайно этот эпитет в тексте никак не мотивируется, словно будучи изначально прикреплен к существительному. А «проклятый жид, почтенный Соломон» из «Скупого рыцаря»? А торгующий ядами аптекарь Товий из той же «маленькой трагедии»? Разве это не одномерные классицистические аллегории злодейства, случайно попавшие в романтический текст? В них нет и не может быть никакой внутренней динамики, они не герои и даже не персонажи, а декорации, на фоне которых разворачивается действие.

Точно так же несамостоятелен в своих еврейских сюжетах и Лермонтов, чьи «Испанцы» заимствованы у Лессинга, а «Еврейская мелодия» – у Байрона. Называть его на основании этих

произведений юдофилом столь же бессмысленно, как и записывать Пушкина в юдофобы. Евреи, как таковые, занимали обоих поэтов в одинаковой степени, то есть по сути не занимали вовсе. Лермонтов просто воспроизводил другие стереотипы, восходящие к западной просвещенческой и романтической традиции. Впрочем, еврей-шпион у него тоже мелькает – в поэме «Сашка».

Даже самое известное «еврейское» место у Гоголя – вызвавшее немало нареканий мажорное описание учиненного казаками погрома в «Тарасе Бульбе» – продиктовано не личными эмоциями автора, а законами жанра. Героический эпос требует черно-белой палитры – акцентирования сверхчеловеческих достоинств одной стороны и полного ничтожества другой. Поэтому и поляки, и евреи – да, собственно, все, кроме запорожцев, – в гоголевской повести не вполне люди, а скорее некие человекоподобные манекены, существующие для демонстрации героизма главного героя и его воинов, как татары в былинах про Илью Муромца или мавры в «Песни о Роланде». Эпическое и этическое начала не то чтобы вступают здесь в противоречие, – просто первое начисто исключает саму возможность проявления второго.

Как уже было сказано, по-настоящему евреи начинают интересовать русскую интеллигенцию лишь начиная с 1860–1870-х годов – то есть в тот период, которому посвящено исследование американской славистики Габриэлы Сафран. В это время еврейское население Центральной России, особенно обеих столиц, стремительно растет, увеличивается число ассимилированных евреев, еврейские интеллектуалы и представители еврейского капитала занимают всё более видное место в русском обществе. На первом плане оказывается вопрос еврейской идентичности и возможности отказа от нее путем интеграции еврея в нееврейскую культуру.

Эту тему и пытались осмыслить – каждый по-своему – четыре героя монографии Сафран: Григорий Богров, Элиза Ожешко, Николай Лесков и Антон Чехов. Раздел, посвященный первому из них, пожалуй, самый ценный в книге – творчество одного из основателей русско-еврейской литературы остается практически неисследованным, а сам он прочно забыт. Зато главы о «еврейских» произведениях Ожешко читать куда занятнее – польская патриотка сортировала ассимилированных евреев на положительных и отрицательных в зависимости от того, в какую именно культуру они интегрировались: ополячившиеся, разумеется, попадали в первую категорию, обрусевшие – во вторую.

Что касается русской словесности, то в ней могли осваиваться и отвергаться какие угодно художественные методы, одно течение сменяло другое, однако стоило речи зайти о евреях, как неизменно возникал один и тот же тип, крайне редко отклонявшийся от весьма примитивного шаблона, сложившегося еще в начале XIX века. Те же авторы, которые отказывались от какой-либо из составляющих стандартного образа, были вынуждены едва ли не оправдываться. Сафран приводит характерный фрагмент неопубликованного письма Лескова к его издателю Суворину, где прозаик объясняет, почему он не использовал стандартные приемы передачи еврейской речи при написании рассказа «Ракушанский меламед»: «Я не знаток жидовского жаргона и не на нем играю, а строил всё на жидовском настроении, имеющем свои основы в жидовской талмудической морали и суеверных предрассудках, которые в этом племени сильнее, чем во всяком другом; но о них обыкновенно не говорят беллетристы, потому что не знают их, – потому что их изучить труднее, чем смешить жаргоном».

Едва ли не самым ярким и художественно значительным образцом рефлексии по этому поводу стал подробно анализируемый Сафран рассказ Чехова «Тина». Он соткан из стереотипов и штампов, частично обыгранных автором, частично оставленных без изменений. В центре коллизии здесь, как обычно в «еврейском тексте», оказывается женщина – роковая еврейка с библейским именем Сусанна, соблазняющая сперва офицера, явившегося к ней за деньгами своего кузена, а затем и самого заимодавца ради того, чтобы не отдавать им деньги. Сам этот сюжет чрезвычайно характерен – такие занятия, как сутенерство и проституция, в антисемитском «коллективном бессознательном» были прочно закреплены за фигурой еврея (вспомним хотя бы тургеневского Гиршеля из рассказа «Жид», торговавшего своей дочерью). Не менее характерно и упоминание, что Сусанна – наследница водочного магната: образ еврей-спиртопродавца также являлся неотъемлемой частью юдофобского дискурса эпохи.

Гораздо интереснее, впрочем, проследить, как работал повествователь с теми штампами, нелепость которых в полной мере сознавал. «Здесьние барыни говорят, что у меня пахнет чесноком. Этой кухонной остротой исчерпывается всё их остроумие», – замечает героиня. Однако особый аромат – «густой до отвращения запах жасмина» – всё равно оказывается одним из лейтмотивов образа Сусанны, сопровождая ее на всем пространстве текста. Точно так же героиня последовательно сравнивается с барашком, индюшкой, кошкой, угрем – метафоры пусть и более благородные по сравнению с традиционными пауком, клопом или коршуном (именно с ними обычно сравнивали еврея русские антисемиты второй половины XIX века), но взятые из того же зоологического ряда. Можно заключить, что

подобный отказ от стереотипов, на деле оборачивающийся их острашением и повторением на новом витке, составляет самую суть метода работы Чехова с еврейской темой.

Отрицая стереотип и затем возвращаясь к нему, писатель утверждает его уже в новом качестве – не как оторванный от действительности предрассудок, но как важную черту самой реальности. «Что мне противно в нашей семитической крови, так это страсть к наживе», – роняет Сусанна, однако сама оказывается готова на всё ради денег. Она презирает женщин (поручик Сокольский называет ее «женофобкой»), но при этом ведет себя как роковая женщина, соблазняя и используя мужчин, затягивая их в свою «тину», привязывая к себе и разбивая их судьбы.

Героиня всячески демонстрирует свое вольное отношение к еврейской традиции, и сама на первый взгляд лишена специфически еврейских черт – она ходит к обеду, речь ее практически свободна от акцента, сама она полагает, что «мало похожа на еврейку», и в комнате у нее нет «почти ничего еврейского». Она произносит целую обвинительную речь в адрес еврейских женщин, однако всё ее поведение выдает в ней типичную еврейку – такую, какой рисовала ее русская литература предшествовавшего периода: алчную, аморальную, беспринципную, почти inferнальную («нешто к той... к тому черту съездить?» – размышляет Крюков), и в то же время... неотразимую.

Так Чехов фактически подвел черту под осмыслением опыта еврейской ассимиляции в литературе рассматриваемого периода. Вытекающий из его рассказа вывод очевиден: все попытки интеграции в чужую культуру бесполезны, индивид так же бессилён преодолеть в себе национальные черты, как и изменить свои гендерные характеристики; выйти из еврейства невозможно, как нельзя перестать быть женщиной.

È èòàèè Ýàèèèòàèè

БОЛЬШИЕ ДЕНЬГИ БОЛЬШОГО ФУТБОЛА

Ἰ ἀδὲ Ἑεαταεῖ

Ὀδοῦντ περασοῦν εἰσὶνὰ γοῖ ἰα:αεῖνττῖ Ὀτ:ἰῖε ἀαοῦ ἰαααοῦ ἰααῖτῖ ἰαεῖῖ. Ἰῖ ἀῖ-ὀαεε ἰοῖαῖντ ἰα:αεῖ Ἰ δεααοεαοεε Ερδαεεῖντῖα Ὀδοαῖεα ε ἰα:αεο 1990-ὀ παῖα Ὀῖαα ἰαεῖ εα αῖααοαεοεε ερῖαε ποδαῖν, αα:εεαῖε αεαῖαῖ αῖ Βεῖα Ὀαααδ ἰ δεῖααε οδοαῖεῖνττῖ εεαῖ «Ἰ αεεαε» (Ὀαεοα). Ἰῖ ἰῖεῖνττῖ εαῖ αῖεε ποδαεοοδὸ εῖντ αῖαῖ, ε αῖ ἰαα αῖαεααοαεῖνττῖ αῖ ἰεῖνττῖ οεοοεῖα α ποδαῖα Ἐῖ αῖῖ Ὀαααδ ἰ αεῖντῖ αεῖντῖ ἰ δεαεερεε οαεοῖεεε εεαῖ ε ααῖῖαεῖεῖνττῖ ποαῖ ααδοαῖ ἰααῖεαοεε οδοαῖ, πῖαεοεῖῖῖε ἰῖεεοεεε, ποδαεοοδὸ ἈΡ ΝΟ ἰ δε αῖντῖεῖνττῖ εῖεεαεοεαῖ ε οαε ααεαῖ

Νεααῖ ἰαῖ δααῖ. Ἐ. Ἀαδοεῖτῖαε:, Ὀ. Ὀααδ.

Тогда же «Маккаби» добилась больших успехов не только во внутреннем первенстве, но и в розыгрыше европейских кубков. Несколько игроков, как выращенных в детских командах коллектива, так и приобретенных в других израильских клубах, были выгодно проданы в европейские клубы, где их ожидал огромный успех. Речь идет о таких футболистах, как Хаим Равиво, Эйяль Беркович, Рони Розенталь, Йоси Бен Аюн, и некоторых других, игравших и играющих в Испании, Англии, Бельгии, Турции. Вырос и профессиональный уровень легионеров, которых Хайфа приглашала в свою команду. В общем, приобретение Шахара было успешным и счастливым, потому что он с детства был большим поклонником клуба.

Видя успех, популярность и большие деньги, а главное, удовольствие, связанное с этим начинанием, о приобретении других команд Высшей израильской лиги начали подумывать и другие деловые люди Израиля. На каком-то этапе приобретение футбольной команды стало казаться чуть ли не новой модой в нашей стране.

С конца 1990-х годов в израильский футбол стали инвестироваться достаточно большие средства. И это были отнюдь не случайные вклады людей с неведомой репутацией.

Так, тель-авивский бизнесмен Лони Герцикович приобрел клуб «Маккаби» (Тель-Авив), хотя временами неудачи этой команды приводят ее президента, болельщика и хозяина едва ли не в отчаяние. Но он держится, и в нынешнем сезоне, сотом со дня основания, тель-авивский клуб после серии приобретений дорогостоящих игроков обещает выиграть едва ли не все титулы в стране.

Другой тель-авивский клуб «А-Поэль» после блистательного выступления в европейском турнире в начале 2000-х годов несколько сдал. Командой владел Сами Саголь, король пластикового бизнеса, щедрый человек, но весьма далекий от кожаного мяча, о чем он сам неоднократно говорил. Совладельцем клуба, но с меньшей процентной долей, был Моше Теомим. В прошлом сезоне «А-Поэль» попал в затяжной экономический и игровой кризис. Команда спаслась от вылета в низшую лигу лишь в последний момент.

Сейчас клубом владеет группа бизнесменов во главе с Ами Барзилаем: без особого шума они вернули отличного тренера Дрора Каштана, который создал вполне приличный игровой коллектив с весьма скромными затратами.

נעאא יאי דאא. י. דארי עי, א. עאסאא.

Можно вспомнить еще несколько запомнившихся футбольных приватизаций: так, командой Кфар-Сабы владеет Эли Табиб, «А-Поэль» (Петах-Тиква) – 40-летний компьютерный делец Ронен Эльад, «Маккаби» (Петах-Тиква) – братья Лузон, добившиеся с этой командой хороших игровых успехов.

В израильской футбольной истории было и несколько серьезных неудач, связанных с владельцами команд. Прежде всего это Роби Шапиро, хозяин команды «А-Поэль» (Хайфа), вложивший в клуб огромные деньги, выигравший чемпионский титул в Израиле – и трагически закончивший жизнь...

Памятна также история с приобретением популярнейшего столичного клуба «Бейтар» бизнесменом Гадом Зеэви. Вложив в команду большие деньги, Зеэви не смог справиться с управленческими проблемами, не нашел нужных людей и с большими долгами вынужден был вернуться в деловой мир, не связанный с мячами и голами.

Со времени ухода Зеэви «Бейтар» так и не мог справиться с финансовыми проблемами, а вместе с тем порадовать игрой огромную армию своих болельщиков.

И вдруг, как гром среди ясного неба, в Израиле прозвучало сообщение о том, что местный бизнесмен российского происхождения, 53-летний Аркадий Гайдамак, приобретает столичный клуб.

– Отныне у этой команды не будет денежных проблем и ее тренер сможет приобрести любого игрока! Через два года мы выиграем Лигу чемпионов, обыграв «Челси», – заявил Гайдамак журналистам. Самое любопытное заключается в том, что за пару недель до этого Гайдамак, который находится на Западе с 1970 года, проделал похожее с иерусалимским баскетбольным клубом «А-Поэль».

– У команды больше не будет денежных затруднений, тренеры смогут приобретать любых игроков, и мы составим самую серьезную конкуренцию чемпиону Европы, тель-авивскому «Маккаби», – говорил тогда Гайдамак. О суммах речь не шла, но известно, что «А-Поэль» уже подписал контракты с тремя бывшими игроками НБА. Никогда раньше игроки такого класса в Иерусалиме не играли.

Y. Aaidatze.

Нечто подобное, надо понимать, ждет и «Бейтар». Ажиотаж по этому поводу в Израиле невероятный. Известно, что посредником в контактах Гайдамака со спортивными коллективами выступал заместитель главы правительства, министр финансов, торговли и промышленности Эхуд Ольмерт, давний болельщик и поклонник иерусалимского спорта. Он неоднократно пытался заинтересовать потенциальных спонсоров иерусалимских клубов, но раньше это заканчивалось не слишком успешно.

Многие обозреватели говорят, что Ольмерт преследовал прежде всего политические цели: известно, что он претендует на пост лидера блока Ликуд и главы правительства в будущем кабинете. Возможно.

Но факт остается фактом: на данный момент в Израиле появился футбольный клуб с бюджетом, который сопоставим с бюджетами хороших европейских коллективов, близких к спортивным вершинам континента.

Почему Гайдамак решился на подобный шаг?

Возможно, частично он сам ответил на этот вопрос, сказав, что «теперь в Израиле все знают мое имя в положительной связи». Возможно, на решение миллиардера повлияли дружеские отношения с Ольмертом. Гайдамак также говорил о положительном вкладе в израильскую экономику капитала российского еврейства, причем капитала легитимного. А возможно и самое простое – что Аркадий Гайдамак искренне любит иерусалимский футбол и хочет сделать его лучшим в мире.

O. Davat (Ivata).

Нынешний сезон очень важный для израильского футбола. И дело даже не в деньгах, а в возросшем интересе публики к этой игре, выражающемся в переполненных трибунах, уровне играющих в Израиле легионеров, частых телетрансляциях и, конечно же, в качестве демонстрируемого командами футбола.

Будем надеяться на то, что терпения у бизнесменов, болельщиков и тренеров хватит еще на много футбольных сезонов.

A. Áacáai ac

Раввин Азриэл Хайкин: «Мы создаем на благо Украины!»

*А יא:אעא אאיינא ודאאנא אאעו אעע בעדאעיינע עיינאאעאיע יאדעע ו יאעו יודיו ני ע
בעדאעי ו יאי דאאעע ו דאע אאי וו ו דאי ו אעע ו דו פראיעי יעניו ו ו דאאי אאי עאי ו די אאעו ו אאאעיעפ
דאע אעי פ עעו דאע ו דו יא ו דאי ו ד אאאע איעו א יאע יענו דאי ענו יעעו עאע: יאי אאאע איע איע יא
יא: אעו ו עאאנו ו יא «י עניו ו 500» ו די ייע.*

В руководстве ФЕОР считают, что «появление украинского варианта антисемитского обращения к президенту – закономерное следствие попустительского отношения властей к российским подписантам».

В последнее время на Украине наблюдался всплеск антисемитизма, высшим проявлением которого стало вышеупомянутое обращение с призывом запретить иудейские организации и привлечь к уголовной ответственности ряд раввинов и активистов еврейских общин.

Позиция ФЕОР по этому вопросу остается неизменной. «Мы осуждаем ксенофобию в любой ее форме и считаем, что попустительство националистам может обернуться возрождением нацизма. Каждый, кто участвует в этом процессе, должен быть приравнен к террористу или нацистскому преступнику, – говорится в комментариях пресс-службы Федерации. – Украинские лидеры постоянно подчеркивают, что их государство – часть Европы. Это значит, что с выходкой консерваторов они должны поступить так же, как поступают в таких случаях демократические страны: преследовать и судить».

16 августа в связи с недавним обращением группы граждан Украины к руководству страны главный раввин Украины Азриэл Хайкин выступил с заявлением.

«Все вымыслы и откровенная ложь, которые содержатся в письме, появлялись на протяжении истории многократно, – говорится в заявлении. – Многократно доказывалась их абсурдность, полное несоответствие реальности, передергивания, прямая ложь. Так называемые «Протоколы сионских мудрецов» разоблачались много раз как подделка, документально, в судебном порядке было установлено, что это фальшивка. Всё равно находятся люди, которые хотят в это верить или которым выгодно делать вид, что они в это верят, несмотря на их абсурдность. Посудите сами, Любавичское движение, Хабад, широко известное во всем мире, открыто и прозрачно работающее, помогающее и евреям, и неевреям, – его обвиняют в человеконенавистничестве! Спросите любого из тысяч детей, посещающих еврейские школы, их

родителей, спросите прихожан синагог, подопечных благотворительных фондов: слышали ли они когда-нибудь что-нибудь хоть отдаленно напоминающее бредовые пассажи этого письма? Спросите, чему детей учат в школах? Я вам скажу. Во-первых, общечеловеческим ценностям – любить своих родителей, свою семью, всех людей и свой народ в том числе, во-вторых, знать свою культуру, традицию и религию и уважать другие».

Главный раввин Украины подчеркивает: хоть иудаизм «в значительной мере отличается от других крупных мировых религий – христианства, ислама, буддизма», это не мешает евреям с уважением относиться к приверженцам всех религиозных конфессий. «Мы возрождаем духовность, стараемся помочь людям приблизиться к Б-гу, к его заповедям, помогаем больным и пожилым, вместе со всеми гражданами нашей страны занимаемся созидательным трудом на благо всей Украины, возрождаем еврейские общины, одним словом – создаем, созидаем. И ведущая роль в возрождении еврейской жизни в Украине принадлежит именно Любавичскому движению, движению Хабад. Это одно из самых открытых, дружелюбных направлений в иудаизме, готовое контактировать с представителями других религий, видящее свою самую главную миссию в том, чтобы помочь исправлению этого мира, добавлять в него больше Б-жественного света для всех народов, и еврейского в том числе».

Раввин Хайкин выразил уверенность, что авторы писем – маргиналы, не представляющие украинский народ. «Я много общаюсь с различными людьми и хорошо знаю, что граждане Украины, к какой бы национальной или религиозной группе они ни принадлежали, хотят жить в мирной, процветающей, цивилизованной стране и не приемлют мракобесия и ксенофобии, которые им пытаются навязать некоторые весьма неуважаемые деятели, – подчеркивает духовный лидер украинских евреев. – Авторы упомянутого письма пытаются говорить от имени украинской интеллигенции. Не оскорбляйте украинскую интеллигенцию! Настоящая украинская интеллигенция – это мужественные, образованные люди с высокими этическими принципами, которые защищали свою культуру и искусство, свои традиции в дни гонений и преследований, люди, которые сейчас возрождают Украину, строя современное европейское общество». Раввин Азриэл Хайкин также подчеркивает, что «евреи разделяют и очень хорошо понимают и проблемы, и надежды, и чаяния украинской интеллигенции». Он отмечает, что сегодня евреи с великим трудом пытаются возродить свой язык и культуру, которые долгие годы находились под запретом. «За соблюдение национальных обычаев нас преследовали, унижали и оскорбляли. И кровью представителей нашего народа щедро полита украинская земля. И сейчас мы – и украинцы, и евреи, и представители других национальностей – не противореча, а помогая друг другу, хотим возродить всё богатство национальных традиций, национальных культур, восстановить ту, необходимую каждому человеку, связь со своими корнями, с наследием предков».

Однако, как указывает раввин Хайкин, несмотря на то, что «авторы антиеврейских посланий никого не представляют», появление этих писем – чрезвычайно опасное явление. «Подобные письма, как и надписи на заборах, являются симптомом опасной болезни, которая, подобно раковой опухоли, может уничтожить даже самое здоровое общество». Опасность, по словам раввина, угрожает украинскому народу в целом. «Ксенофобия и расизм, укоренившись в обществе, никогда не останутся, не уничтожив его, подобно тому, как раковые клетки уничтожают весь организм. Поэтому авторов антиеврейских провокаций следует искать не среди тех, кто любит Украину, а среди тех, кто хочет ее погубить. Подписанты этого письма, сознательно или бессознательно, выполняют вполне определенный заказ».

«Если кто-то действительно хотел бы знать больше о еврейской культуре, традиции, искусстве, познакомиться с еврейскими религиозными текстами, с комментариями к ним, получить ответы на волнующие его вопросы, это было бы сделать очень легко, – он бы пришел в синагоги или общинные центры, обратился в библиотеки или к специалистам и увидел бы своими глазами и то, чему учит иудаизм, и что такое хасидизм, к чему призывал всех людей Любавичский Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон. Если же человек одержим мракобесием, исполнен зла и ненависти к другому, если его переполняет злоба, то говорить с ним не о чем», – отмечает в своем заявлении главный раввин Украины.

В заключение он обращается к руководителям Украинского государства с призывом ответить на это письмо и на другие антиеврейские призывы: «Украинская и международная общественность должна услышать четкий и однозначный ответ высших руководителей государства». Духовный лидер украинских евреев выразил уверенность, что этот сигнал будет «положительно воспринят всеми, кто любит нашу страну, вне зависимости от того, какой национальности или конфессии он принадлежит, всеми, кто горячо переживает за Украину и от всего сердца желает ей счастья и процветания».

יְיָ יֵאָדָּעְאֵי עִוְוֵי אֹהֲרֵי יְיָ אֱמִי דִּינָא

В Днепропетровске набирают силу целенаправленные антисемитские акции. В ряде районов города появились надписи антиеврейского содержания. Жители и гости города, проезжая по главной городской трассе, соединяющей правый и левый берег Днепра, увидели на двух городских синагогах – Малой и Центральной – огромные надписи, оскорбляющие честь и достоинство евреев. Они появились одновременно на обеих синагогах и на жилом доме, соседнем с Центральной синагогой.

«Участившиеся антисемитские выходки в Днепропетровске не могут не вызывать серьезную озабоченность, – прокомментировал ситуацию глава пресс-службы еврейской общины Днепропетровска Олег Ростовцев. – За этим стоят определенные силы, пытающиеся разрушить межнациональный мир и согласие в нашем городе. Мы ждем, что власть и общество предпримут решительные шаги для борьбы с этими явлениями».

Ї ДІАІІ ЕО ЕЄ НІААЕЕЕ ААОАД І ДА Х І О Р ОО Х О Н О Е Д А Е І Н Е І А І І А А А ?

Сідіііі а е с а е а і е а а а д а е і н е о н о о а і о і а а Е е а а і

28 ааааа а Е е а а і і а а а е і і о О а і о д а е і і е н е і а а а е А д і а н е і а , а а а о : а і е а а о е а і і і а а а д а е і і а і а а і е р а д і і о о а о е н о а р і е о і і е і а : е і а І а і а а а о е а н і і а і і і і а е і а е , а і і о а е а і і а і і а е і , і а е а і е е а д е і і о н о а е і і і о а о і е і е , а а і о і е і е с а е е і і е і а і о е р а а е . І а е і е с і е о , І і д а а а е І і е і а е і і а , а і і е о а а е е о і а і а і е д е о е : а і е і і і і о і і е е .

Инцидент произошел около 23 часов в самом центре города, возле торгового комплекса «Мандарин-Плаза». Моложенов и его соученик шли мимо гостиницы в характерной одежде ортодоксальных евреев, когда за ними с криками «Жида!» бросились вдогонку хулиганы, коротко стриженные, в сапогах. Догнав учеников, они, под антисемитские выкрики, принялись жестоко избивать Моложенова ногами и бутылками.

Никто из присутствовавших в этом довольно людном месте центра столицы Украины никак не отреагировал на инцидент. Вокруг избитого ученика ешивы были лужи крови, однако никто не оказал ему первой помощи. Если бы не подоспевшие товарищи, молодой человек мог захлебнуться кровью. Мордехай Моложенов был доставлен в реанимацию, его состояние оценивалось как критическое, ему сделали операцию по удалению гематомы головного мозга.

Примечательно, что, как сообщают ученики ешивы, несколькими днями ранее в этом же месте столицы на них пыталась напасть та же банда фашиствующих молодчиков, однако тогда ученикам удалось защититься от нападения. Факты преследования по национальному признаку всё чаще встречаются в криминальных сводках. Сотрудники Печерского райотдела милиции подтвердили факт избияния ученика ешивы, сообщив, что материалы по этому инциденту переданы в управление уголовного розыска Печерского РОВД.

30 августа информационные агентства сообщили о задержании в Киеве трех злоумышленников, которые подозреваются в совершении нападения на студентов ешивы.

Лица, предположительно совершившие преступление, – это двое жителей Киева 1985 и 1987 года рождения и житель Белозерского района Херсонской области – нигде не работают и в момент избияния студентов находились в состоянии сильного алкогольного опьянения. Задержанные находятся в изоляторе временного содержания. Готовятся материалы для направления в суд. МВД Украины выразило соболезнование пострадавшим, их родственникам и всей еврейской общине Киева.

5 сентября Мордехай Моложенов доставлен в Израиль для продолжения лечения. Решение о его госпитализации в больницу «Ихиллов» было принято украинскими и израильскими врачами, принимая во внимание стабильно тяжелое состояние пострадавшего.

Главный раввин Киева Моше Реуен Асман сказал, что самолет для перевозки пострадавшего был предоставлен авиакомпанией «Аэросвит», а расходы по его лечению взяла на себя киевская еврейская община и тель-авивская больница «Ихиллов».

ААІ

Àèèòîð P ùáí éí:

«Ì áí ý á ñàì íá ñàðäöá í îðàçèèà ýòà èñò îðèý»

Президент Украины Виктор Ющенко поручил министру внутренних дел Юрию Луценко взять под личный контроль расследование инцидента. Он также поручил министру здравоохранения Николаю Полищуку лично проконтролировать ход лечения и реабилитации пострадавшего, который сейчас находится в одной из киевских клиник.

В. Ющенко назвал случившееся «вопиющим фактом жестокости». «Меня в самое сердце поразила эта история, – сказал президент. – Мы все должны приложить усилия, чтобы подобные случаи больше не повторились».

Глава государства подчеркнул, что украинская власть должна отстаивать принципы уважения к людям всех культур, национальностей и религий.

«Мы осуждаем расизм, ксенофобию во всех их проявлениях, – отметил президент. – Такие инциденты недопустимы для Киева и Украины, и я буду требовать от представителей всех органов власти проводить серьезную работу для предотвращения подобных позорных явлений».

«Èí òáððàèñ»

1 ñàì ò ýàðý Ýàðàíé íàöèíàèññúé òàèèàèçèííúé èáíàè Ñèðàèíú îðèèàíèé ñèááííà ðààèíà Ñèðàèíú Àçðèýèà Ñàèèèà îðèíííáí òèðíààòú ñèíàèèàòóðíý ñèðààèèè, ñàýçáííóð ñ ýíèèèàèèé áí òèííí èðèçí à áñòðáíá

Отвечая на вопросы ведущего программы, раввин Хайкин отметил, что в Украине еврейские общественные и религиозные деятели находят хорошее взаимопонимание с государственными структурами всех уровней, что антисемитизм не имеет серьезной поддержки в украинском обществе. Вместе с тем главный раввин Украины посетовал на то, что государство и властные структуры недостаточно активно борются с проявлениями антисемитизма, особенно с антисемитской пропагандой. «Надо принять законы против расизма, ксенофобии, антисемитизма, чтобы запретить литературу, которую в Украине можно купить на каждом углу или даже получить даром, – литературу против евреев, – сказал он. – В других странах есть такие законы, там это запрещено. Когда создается атмосфера, что евреи – это что-то отдельное, что-то нехорошее для Украины (или это относится к азербайджанцам, представителям иных рас), – это расизм. Потом хулиган атакует еврея... Почему? Потому что его так воспитывают. Он так слышит, он так читает».

Раввин Хайкин выразил уверенность, что подавляющее большинство украинского народа не разделяет антисемитских взглядов, с уважением относится к евреям, к гражданам Украины иных национальностей. Однако небольшая группа постоянно пытается организовать антисемитские вылазки, распространяет антиеврейские призывы, провоцирует национальную рознь. «Для меня это как туча над небом Украины. И нужен хороший крепкий ветер, чтобы прогнать эту тучу», – сказал раввин Азриэл Хайкин.

«Невежество – самый главный враг человечества, – продолжал главный раввин Украины. – Именно поэтому самым важным является образование. Иудаизм, еврейство – это не секретная организация. Всё, что мы делаем, во что верим, есть в книгах. Эти книги существуют на многих языках, есть переводы на русский и, надеюсь, скоро будут и на украинском. Каждый, кто хочет, может взять книгу в библиотеке и узнать, кто такие евреи, что они делают, во что верят».

В беседе раввин Хайкин рассказал о большой созидательной работе еврейских общин в городах Украины, о социальной и гуманитарной помощи, которую еврейские общины и организации оказывают населению вне зависимости от национальности, о принципах еврейского воспитания и образования. Он поделился своими впечатлениями, полученными на празднике Первого звонка в еврейской школе Николаева. «Я видел, с каким почетом, с каким уважением дети внесли флаг Украины и подняли его. Когда

школьники получают национальное образование, узнают свою культуру, они больше уважают других и будут хорошими гражданами страны, в которой живут».

Ἐξαιδομένη οἱ οὐδ' Ἀεῖοι»

יָאִירֹאֵי אֵי יִיֵיֵאֶזְזֵי יֹאֹאִיֹּנְאִי עֹנֵיֵי עֲנֹאֶדֶעֶ יֹאֹעֲדֵיֹא

Саяәәі еә оёдәі іеё о даәәі іа

В заявлении отмечается, что еврейские организации Украины «неоднократно обращали внимание властей всех уровней на участвовавшие в последнее время антисемитские выходки и разнуданную антиеврейскую пропаганду», день ото дня усиливающуюся в стране. «Призывы к расправе над иудаизмом и евреями публикуются в прессе, книги антисемитского, погромного содержания свободно распространяются и продаются. На стенах синагог, общественных зданий, на остановках, вдоль дорог всё чаще появляются надписи антисемитского содержания, призывы к погромам, свастики. Оскверняются еврейские кладбища, памятники архитектуры и еврейские святыни».

На неоднократные обращения к местным и центральным властям, к руководителям государства «с просьбой положить конец антисемитской истерии», с предупреждением о том, что «игнорирование этой проблемы придаст антисемитам чувство безнаказанности и вседозволенности», а в итоге приведет к насилию, «реакция была минимальной, чаще всего ограничивалась успокаивающими декларациями о том, что антисемитизма в Украине нет и быть не может, что это лишь незначительные частные случаи, не заслуживающие пристального внимания». Украинские раввины предупреждают, что семена антисемитизма и ксенофобии чрезвычайно опасны, а последствия могут быть очень тяжелыми.

«К сожалению, мы оказались правы, – говорится в заявлении. – 28 августа были зверски избиты еврейские студенты. Это произошло в столице нашего государства. Группа фашиствующих молодчиков, выкрикивая антисемитские оскорбления и угрозы, избивала их, нанося тяжелейшие травмы. И хотя реакция украинских властей, в том числе президента Ющенко, была оперативной и однозначной, этот инцидент никак нельзя назвать неожиданностью, ведь на протяжении последнего времени оскорбления на улице подвергались десятки евреев, как в Киеве, так в других городах Украины».

Как отмечают раввины, подобная ситуация представляет собой угрозу не столько и не только для евреев и еврейских организаций, но прежде всего для самого украинского общества. Результаты не замедлили сказаться. «Мировое сообщество уже начинает воспринимать Украину не только как страну, где антисемитизм не преследуется, где свободно распространяются, в том числе в вузах, антиеврейские призывы, но и страной, где происходят нападения на людей на национальной и религиозной почве».

Представители еврейской общественности требуют «тщательного расследования, выявления и наказания всех причастных к антиеврейским нападениям последнего времени». А поскольку «эти нападения являются следствием антисемитской пропаганды, ведущейся в Украине», то и «основное внимание должно быть направлено именно на борьбу с корнями этого позорного явления».

«Мы требуем принятия, в том числе и на законодательном уровне, норм, запрещающих ксенофобию, в том числе антисемитизм, в Украине.

Мы требуем прекратить свободное распространение в Украине изданий и литературы, направленных на разжигание ненависти к национальным и религиозным группам.

Мы требуем жесткой и незамедлительной реакции властей по каждому факту проявления ксенофобии, расовой или национальной ненависти, в том числе антисемитизма.

Мы глубоко уверены, что одними запретительными мерами эту проблему не решить. Эта проблема требует широкого общественного обсуждения, замалчивание ее, игнорирование может привести только к нарастанию напряженности в обществе, к развитию опасной болезни. Победить ее можно, лишь объединив усилия всего общества».

Заявление подписали главный раввин Украины Азриэл Хайкин, председатель совета Федерации еврейских общин Украины Меир Стамблер и тридцать три раввина регионов и городов страны.

Ἀγαπᾷ τὴν ἀσπασίαν Διμήν Ἀὰδὲ Ἐὰσὰδ.

САВАЭАІ ЕА

18 августа раввин Лазар выразил соболезнование семье президента баскетбольного клуба «ЦСКА», выдающегося российского тренера Александра Яковлевича Гомельского.

«С глубокой скорбью узнал о кончине нашего дорогого Александра Яковлевича, – сказано в обращении главного раввина России. – Я говорю “нашего” не только потому, что ваш муж и отец всегда гордился своим еврейством, постоянно помогал общине; не только потому, что меня связывали с Александром Яковлевичем узы самой искренней дружбы... Александр Яковлевич Гомельский долгие годы был предметом гордости всего российского еврейства как человек, посвятивший свою жизнь развитию спорта, пропаганде здоровья, силы и мужества, добившийся выдающихся успехов в этой области и удостоившийся всемирной известности».

31 августа – заявление в связи с выходом в эфир на телеканале «Россия» интервью с руководителем террористической организации Хамас Махмудом аз-Захаром.

«Демонстрация по государственному каналу российского телевидения интервью с главарем бандитов Хамас Махмудом аз-Захаром не просто огорчает – она шокирует», – сказано в заявлении. «Предоставление телеэфира террористу – классический пример проявления двойных стандартов в информационной политике», – отметил главный раввин России.

Он подчеркнул, что «когда американский канал ABC показал интервью с главарем чеченских бандитов Шамилем Басаевым, российское руководство справедливо расценило это как удар по международным усилиям в борьбе с террором. Точно такой же удар нанес корреспондент телеканала “Россия” г-н Пашков, взявший интервью у существа, несущего ответственность за десятки терактов, за гибель и увечья сотен людей, и руководство телеканала “Россия”, выпустившее этот материал в эфир».

«Заявление одного из руководителей дирекции информационного вещания телеканала “Россия” г-на Брилева, что, дескать, главарь Хамас сделал “политическое заявление”, только ухудшает ситуацию, – говорится далее в документе. – Мне трудно себе представить, чтобы опытный журналист-международник не знал, что террористы убивают именно для достижения политических целей. Враги России, кстати, утверждали то же самое в связи с демонстрацией скандального интервью с Басаевым».

«Тот, кто содействует бандитам и убийцам даже в самом минимальном вопросе – а рекламу Хамас на государственном телевидении в “прайм-тайм” никак нельзя назвать содействием “минимальным”, – должен будет, рано или поздно, взять на себя ответственность за убитых мирных людей не только на Ближнем Востоке, но и в России».

Я очень надеюсь, что руководство Российского государственного телевидения извинится перед родными и близкими людей, убитых по приказу главарей исламистов, и примет принципиальное решение о недопустимости предоставления эфира главарям банды, во всем цивилизованном мире признанной террористической организацией».

2 сентября – заявление в связи с годовщиной теракта в Беслане.

Главный раввин России выразил «скорбь и сочувствие жертвам бесланской трагедии, их родным и близким». Он отметил, что день 3 сентября навсегда останется в сердцах россиян одним из самых печальных в истории России, а может быть, и в истории всего мира. Если «до сих пор террористы убивали, что называется, “вслепую”, не разбирая правого и виноватого», то в североосетинском городе, по словам раввина Лазара, «они намеренно отправились убивать детей». В этом «беспрецедентность теракта в Беслане»: «современная история знает и более кровавые преступления, но преступления более бесчеловечного мир не знал, пожалуй, со времен нацизма».

Раввин Лазар выразил надежду, что в дни начала нового учебного года все жители России, особенно подрастающее поколение, ровесники жертв Беслана, сделают надлежащие выводы из трагических событий годичной давности: нам объявлена война, эта война ведется без правил, и единственная цель врага – уничтожить как можно больше людей. «Мы должны противопоставить террористам-изуверам

солидарность, взаимопомощь, человечность и быть непримиримыми к любым проявлениям терроризма и экстремизма».

АДАИ В «ІАӨАӨ» АЕВ ААДАЕНЕІЕ І ІЕІААЕЕ

Оааааоөё ааааеёөо іауеі НІА Іòèèùääò ііауе і іеіааеіуе іòіаөò «І аөаө».

Речь идет о создании современной динамичной неполитической организации, целью которой является объединение еврейской молодежи, желающей вернуться к своим корням и жить в соответствии с традициями своего народа. И всё это – посредством живого общения и совместных акций, где молодые люди и девушки смогут заниматься тем, что им нравится и что наполнит их жизнь смыслом.

«Нецах» станет организатором многочисленных образовательных, культурных, спортивных и социальных мероприятий для молодежи. Проект поможет изучить иврит, принять участие в семинарах, познакомиться с еврейскими традициями и обычаями, развить свои лидерские навыки в школе вожатых (мадрихов) и просто интересно и весело отдохнуть. А еще молодые еврейские парни и девушки смогут бесплатно посетить Израиль, познакомиться со своей исторической родиной и приобрести новых друзей.

Главный офис молодежной организации «Нецах» находится в Москве, уже действуют филиалы в Петербурге, Нижнем Новгороде, Новосибирске, а также в Украине, Одессе и Николаеве. «Нецах» «распространяется» с огромной скоростью и, как снежный ком, накрывает всё больше и больше маленьких и больших городов на карте СНГ.

В Интернете появился сайт этого молодежного движения по адресу <http://www.netzah.ru>. Здесь можно найти подробную информацию о молодежных программах, семинарах, вечерах и других событиях, происходящих в еврейском мире. На страницах этого сайта можно задать вопрос раввину; есть форум для общения, фоторепортажи с различных поездок и мероприятий, много другой полезной информации.

ААІ

5 сентября в Московском еврейском общинном центре состоялась церемония награждения главного раввина России Берла Лазара орденом Петра Великого I степени. Как отмечено в сопроводительной грамоте, духовный лидер российской еврейской общины получил эту почетную награду «за развитие межнациональных связей и межконфессиональных отношений, огромный вклад в дело духовного возрождения еврейской общины России и укрепление государственности».

YÒÀ ÑĚĀĀĔĀB ĔĀĀĀDĪ ĀB ĄĔĒĪ Ū

Ā āyōīīīōō «Oāāī āōūāī-1» ĩā-āēāīī dāēñōdāōēy ĩā dāēñ āīēāōāpūēē ā Dññōīā-īā-Āīīā Yēdāī ĩāā dāēñōdāōēīīīē ñōīēēē qāā dāēñy ydēī-āēāōīē ĩāāīēñp: «DĪ ÑŌĪ Ā-Ī Ā-ĀĪ». Ī ĩā Dññōīāī ĩāōīāēēñy ēāōīēē āāōīēēē ēāāāōī «Āī ēōāē», ĩōāīēēāāīīūē ĩāñōīē ĩāūēīē ĩōē ĩāāāāēēā ŌĀĪ Dē ōīīāā «Ī ōĀī āō» Ī āī ōōāā āūēī Ī Ā-ĀĪ.

На подлете к южной столице России, как любят величать этот город его жители, под крылом самолета замелькали разноцветные лоскутья полей, очерченные темными линиями лесополос, – зеленые, бурые, ярко-желтые... Желтые – подсолнечника, светлой охры – пшеничные. Розоватые, наверное, ковыльные. Ну прямо конкурс детского рисунка на асфальте...

«Рисунок» детских еврейских лагерей, организованных этим летом в разных местах юга России и Украины, оказался на удивление разнообразным.

Ō ī īōy

Лагерь «Амихай» (название звучит символично – «Мой народ жив!») для детей из еврейских общин городов России под Ростовом-на-Дону проходил впервые. Он обосновался в прекрасном месте – на Павло-Очаковской косе, у самого берега Азовского моря.

Двенадцать дней лагерной жизни – это двенадцать месяцев еврейского календаря и соответствующих им праздников. Ирина Писарева, директор лагеря «по хозяйству», удивляется: а ведь и вправду, каждому месяцу соответствовали не только праздники, но и погода! После «начала года» – первого дня, то есть месяца тишрей, празднования Рош а-Шона, – пошел дождь, «наступила осень». В последующие дни, в разгар лета, слегка похолодало. «Ну вот, еврейская зима...» – констатировали обитатели лагеря. Но самое интересное, что аналогичная картина наблюдалась и в дни заезда мальчиков, и в дни заезда девочек... В общем, образовалась еврейская климатическая зона на берегах Азова.

Но в целом погода не подкачала, теплое и неглубокое в районе лагеря Азовское море радовало детей из южных городов России, из центральных районов страны, с Волги и Урала. Детишки самого разного возраста – от 6 до 17 лет – купались, загорали, набирались сил и запасались витамином D. Но не только...

«12 месяцев еврейского календаря» были наполнены соответствующим содержанием – праздниками, обрядами, заданиями по географии, истории, культуре и традициям своего народа: тишрей, Ханука, Ту би-шват, Пурим, День рождения Ребе, Швуэс, Аавас Исроэл и даже... свадьба под хупой!

Лагерь «Амихай» расположился на территории лагеря «Казачок», принадлежащего, как нетрудно догадаться, донским казакам. По этому поводу руководитель «Амихая» по культурно-воспитательной части Людмила Давыдовна Мирошникова философски заметила: «Важно, чтобы казаки увидели, что евреи – нормальные люди, а не с рогами и копытами». Казаки это действительно увидели, с обитателями лагеря подружились и регулярно катали на лошадях еврейских детишек – к неописуемому восторгу последних.

В изобретательности и творческой смекалке девочкам не откажешь – например, на мотив песни Николая Расторгуева «Комбат» они сложили свою – «Хабад!» Песня получилась замечательная – задорная, с бодрым настроением.

Девочки побывали на экскурсиях в дельфинарии, в ростовском зоопарке, сами организовывали выставки самодельных ханукий, сувениров и рисунков, викторины и конкурсы (например, на лучший пуримский костюм), поставили спектакль «Белое солнце Пурима».

Чтобы унять шумных детей, периодически звучала кричалка: «Ша-ша-ша! Шекет, бевакаша!» («Тишина, пожалуйста!»), от которой лопались барабанные перепонки. Но, как ни странно, после этого действительно наступала тишина. Причем за «шекет» боролись не только девушки-мадрихи из Израиля (или, как их ласково называли за глаза, «матрешки»). Демократия в лагере «Амихай» полнейшая, поэтому Людмилу Давыдовну на общем лагерном собрании запросто лишили ее главного атрибута – мегафона. Она не растерялась и стала пользоваться микрофоном, подключенным к усилителю и динамикам. Менее мобильно, зато еще громче...

Девушки-мадрихи Ита, Адас, Хана, Либа, Хаша – студентки педагогических институтов Израиля, для них лагерь «Амихай» – прекрасная практика и возможность проверить свои силы «на педагогическом фронте». Кроме Иты, русским языком никто из них почти не владеет, поэтому со своими подопечными общаются на англо-русско-ивритском диалекте. В результате оказывается, что это прекрасная языковая практика для всех – и воспитанниц, и воспитателей.

От избытка чувств накануне закрытия лагеря девочки искупали своих любимых мадришек в море – прямо в одежде, обуви и вместе с мобильными телефонами! Телефонов, конечно, жаль, но нельзя сказать, чтобы девушки из Израиля были расстроены: хоть и недолог был «лагерный срок», они со своими воспитанницами искренне привязались друг к другу. А сколько было слез при расставании с израильтянками! Река Иордан наверняка бы вышла из берегов...

Ривка – старшая вожатых-мадрихов, выпускница израильского института «Бет Ривка» – рассказала, что больше всего в лагере «Амихай» ее удивило и порадовало то, что 75% девочек хорошо знают еврейские традиции. Правда, остальные 25% не знают их совсем, – но зачем бы иначе нужен был лагерь?!

В день закрытия лагеря всем девочкам подарок: посещение ростовского аквапарка, катание на каруселях, аттракционы... В качестве награды за успехи для некоторых девочек была организована поездка по святым для каждого хасида местам. В частности, на еврейское кладбище Ростова-на-Дону, на могилу пятого Любавичского Ребе*.

А вечером – финальный фейерверк, раздача призов, теплые слова и слезы, слезы... Это – как обрамление, элемент композиции: вначале слезы расставания с родителями, в конце – с лагерем, водителями, воспитателями и новыми друзьями. Не плачьте, девочки, в будущем году всё повторится!

À èàñ

В конце XX века, по данным ЮНЕСКО, по количеству зеленых насаждений в пересчете на душу населения Донецк считался самым зеленым городом на планете. Наверное, поэтому нынешним летом детский лагерь местная община организовала в 70 километрах от города, на базе пансионата «Лесной» в Велико-Анадольском лесу – привыкли, видимо, донецкие евреи дышать чистым воздухом... На подъезде к лагерю дорогу нашей машине перебежал настоящий пятнистый олень!

«Анадол», согласно словарю Брокгауза и Эфрона, «большая страна на востоке» (это название окрестным местам в середине XIX века дали греки – переселенцы из Крыма). Велико-Анадольский лес – настоящее «рукотворное чудо», 2, 55 тыс. гектаров зеленых насаждений, которые создавались здесь с середины XIX века для борьбы с пыльными бурями. Тут есть дубы, которым почти 170 лет! Лагерь «Ган Исроэл» в Велико-Анадольском лесу разместился впервые. Получился он в этом году небольшой, четыре отряда, собрались здесь ребята со всего Донбасса – Донецка, Макеевки, Мариуполя, Краматорска, других городов Украины.

Три составные части жизни лагеря – учеба и молитва, отдых и развлечения, кошерное питание и «лесное хозяйство». За каждую из них отвечают разные люди, но все они мастера своего дела. Реб Элияу Киржнер – директор донецкой ешивы – ведает молитвой и учебой. На втором этаже, над столовой устроен большой молельный зал, где собирается всё мужское население лагеря, «подгоняемое» неутомимым реб Элияу... Для занятий с мадрихами место специально выбирать не приходится – кругом огромные тенистые деревья и скамейки под ними.

Молитвенная жизнь, изучение Торы, обучение еврейским традициям практически не прерываются, органично переплетаясь с отдыхом, купанием в озере, развлечениями, играми, экскурсиями, поездками к морю. Есть в лагере и актовый зал, где разыгрываются сценки, театрализованные действия, проходят самодеятельные концерты. За эту «составляющую» отвечают воспитатели во главе с неутомимой Юлей Вириной – заводилой всех игр, викторин, спектаклей, конкурсов и всяческих «хулиганств». Четыре отряда «Ган Исроэл» имеют остроумные названия. Самые старшие – «Нишарим» («Орлы», с улыбкой говорящие о себе: «Не шарим!»), самые младшие – «Евродети» (естественно, «Еврейские дети»); еще два отряда – «Хазак» («Крепкий») и «Барак» («Молния»). У каждого – свои отрядные песни и девизы собственного сочинения.

В день нашего приезда в лагерь здесь... запускали ракету. Рекорд, достойный Книги рекордов Гиннеса! Первый еврейский космический корабль появился именно в донецком «Ган Исроэл». Ставились тут и другие рекорды (например, по поеданию котлет). Под руководством Юли Вириной организовали игру «Стратег», но больше всего ребятам запомнился КВН, в котором, как положено, как положено, отразились актуальные стороны жизни лагеря. С частушками, буриме, конкурсом капитанов... Особенно понравилось всем выступление группы «Кошерные бабули», которые пели так, что было «звучкам тесно».

За всё «лесное хозяйство» отвечал Александр Лазарев, в мирной жизни – администратор донецкой синагоги. В лагере организовано прекрасное пятиразовое кошерное питание (в этом деле Донецк вообще является лидером на Украине, здесь производится несколько сотен наименований кошерных продуктов!). Хотя это, по признанию Саши, было непросто: время проведения лагеря совпало с постом, предшествующим 9 ава.

В лагере «Ган Исроэл» собрались доброжелательные профессионалы, для которых летние лагеря стали одной из составляющих процесса воспитания еврейской молодежи, – преподаватели и воспитатели донецкой ешивы, «Теплого дома для мальчиков», школы «Ор Менахем» и других еврейских учебных заведений города. Реб Элияу задает тон всей жизни лагеря, благодаря его мудрости и чувству юмора здесь установилась веселая и непринужденная атмосфера. Донецкий «Ган Исроэл» отличается от лагерей «американского типа», которые, по мнению р. Киржнера, ментально не совсем подходят для СНГ. Здесь нет «экшн», «муштры», «кричалок», но всё, что надо, дети получили, считает реб Элияу. Лагерь получился домашний, теплый, «камерный». «Было хорошо, и горло не срывали, – резюмировал он. – Есть такое понятие – “ахдус”, “сплочение”. Это нам, кажется, удалось».

Все мадрихи, работавшие этим летом в Велико-Анадольском лесу, – учащиеся ешив Донеца и других городов Украины, а «расстановка кадров» (какого вожатого в какой отряд направить) очень важна, и тут всё также сложилось удачно. Ребята из старших отрядов помогали вожатым, чувствовали себя их помощниками. Отсутствие в донецком лагере «американских» мадрихов, по уверениям р. Элияу, концептуально. Пожив в атмосфере донецкого лагеря, понимаешь, что в подобном подходе к организации лагеря есть и свой смысл, и свой «шарм».

Подводя итоги работы лагеря, реб Элияу сказал: «Время пролетело незаметно, как один день, но оно прошло плодотворно – и со смыслом, и с пользой. Лагерь зиждется на трех основах: Тора – уроки, которые проводили мадрихи; авойда – работа, которую выполняли воспитательницы; добрые дела – поступки, которые совершали сами ребята. Благословенный отпуск, который мы провели вместе, закончился. И я надеюсь, что на будущий год нас здесь будет больше!»

Последний в жизни лагеря Шабос, молитва, празднично накрытые столы, свечи, наивкуснейший субботний чолнт, приготовленный лично женой р. Элияу Эстер, халы, которые пекли все вместе и каждый сам для себя, стараясь «перещеголять» друг друга. А затем – общий костер, поздравления и награждение призами победителей, прощальные слова и песни под гитару до глубокой ночи. И бесконечные «спасибо». Спасибо всем, кто организовал этот прекрасный лагерь!

А̇ а̇ а̇ а̇

Лагерь без «американцев» отличается от лагеря с «американцами» тем же, чем «их» кинофильмы от «наших» – старых советских. Главное отличие – «экшн». «У них» он есть, «у нас» его не было. Но теперь есть. Третий год для еврейских детей, приезжающих со всей Украины, днепропетровской общиной проводится лагерь, в котором «экшн» становится важной составляющей, своеобразной доминантой и «изюминкой» лагерной жизни. Конечно, «наши» на ТАКОЕ не способны. Для организации ТАКОГО лагеря нужны «американцы».

Место его проведения – Баланово, которое не зря зовут Крымской Швейцарией. В 30 километрах от Симферополя, окруженное горами, поросшими лесом, – чистейшее и удивительно красивое озеро, на берегу которого расположился лагерь. Здесь проходит горный хребет Караби-Яйла и средиземноморские воздушные потоки, создающие в живописных горах удивительный микроклимат.

Летние лагеря еврейская община Днепропетровска проводит уже много лет, отпраздновав в этом деле своеобразную «бар-мицву». В них воплощается идея седьмого Любавичского Ребе о том, что нужно проводить лагеря в каждой общине и они важны для любого еврейского ребенка. Ведь не все дети ходят в еврейскую школу, часто – просто в разные кружки, а то и вообще могут быть не связаны с еврейской средой. Ребе говорил, что, независимо от этого, попадая в лагерь, они получают возможность находиться в еврейской атмосфере все 24 часа. Особую роль играют молитвы и изучение Торы, общение с мадрихами, сверстниками из разных городов, кошерное питание, которое не всегда доступно в семьях. Кроме того, в лагеря приезжают учащиеся ешив – юноши 17–20 лет, чтобы стать вожатыми и передать детям знания, полученные в ешиве.

Это движение, начавшись почти 60 лет назад в США, распространилось по всему миру, дойдя до СНГ. На этот раз в днепропетровский лагерь «Ган Исроэл» приехали 125 ребят со всей Украины. Здесь девять отрядов: «Аавас Исроэл», «Мошиах», «Цдока», «Тфилин», «Ешива», «Обрезание», «Шабос», «Кашрус». И даже отряд под названием «Гуш-Катиф» – вот что значит еврейская солидарность! Принцип комплектации отрядов – не только по возрасту, но и так, чтобы нерелигиозные мальчики находились в отряде вместе с религиозными.

Ребята вожатых называют канцлерами, по-американски это слово значит не только «канцлер», но и «советник». Советники по вопросам лагерной жизни... Канцлеры – участники движения «Цивойс Ашем» – перед приездом в лагерь прошли строгий отбор и, что удивительно, работать сюда приехали за свои собственные деньги. У мадрихов есть свой сайт, дающий полную информацию о лагере и частично помогающий решить финансовые проблемы. Билеты мадрихи покупают за свои деньги, кроме того, собирают в США деньги на подарки, призы, спортивный инвентарь.

Руководитель канцлеров Акива Данзингер рассказывает, что у них большой опыт проведения лагерей. Раньше этот лагерь организовывал его брат, Хаим Данзингер, но недавно он женился и «эстафету» передал Акиве. Главная цель – чтобы мальчики из нерелигиозных еврейских семей прошли школу Хабада и в конце концов пришли в днепропетровскую ешиву. Лагерь и ешива тесно связаны – именно в лагере ребята начинают понимать: чтобы быть религиозным человеком, необязательно жертвовать материальными благами. Михоэл Гурари, второй старший вожатый лагеря, считает: очень важно, что у ребят появляется еврейская гордость. «Дети должны видеть, что заповеди – это классно, – сказал Михоэл с неподражаемым акцентом. – Например, соблюдать кашрус – это не значит кушать голимую еду». Как видите, и вожатые чему-то научились у ребят – жаргону.

Мадрихи – очень креативные люди, имеющие разнообразные таланты. И это видно: игровая программа крымского лагеря поражает разнообразием. Это и пейнтбол, и уроки плавания, хоккея, каратэ, джиу-джитсу, и студия видеofilмов и киномонтажа, и Школа выживания, и «Colour War» («Цветная война»). За каждый аспект отвечает свой канцлер, в каждом отряде – двое вожатых, приехавших из США, Израиля, Франции, Канады, Австралии, Гонконга и Южной Африки, – всего их 29. В эти три недели ребят ждут экскурсии в Севастополь, Ялту, Евпаторию, Судак, Новый Свет, посещение дельфинария, зоопарка, аквапарка, аттракционов, боулинга, морские купания, катания на «банане» и скутерах, лазание по горам с альпинистским снаряжением.

Все американские канцлеры, приехавшие в «Ган Исроэл», прошли школу летних лагерей в США и других странах. На вопрос об отличии «их» лагерей от «наших» Акива Данзингер ответил, что там нет таких проблем с кошерной едой и, конечно, легче материально: «Но чем меньше материальности, тем больше духовности. Часто труднее всего воспринять духовность. И это проблема в Америке».

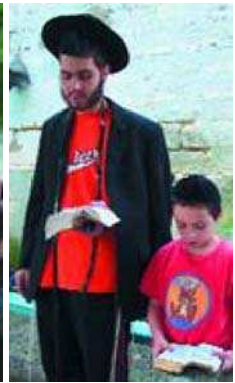
Директор днепропетровской ешивы «Ктана» р. Рувен Чупин отвечает за религиозную составляющую лагерной жизни – молитву, уроки Торы, изучение традиций. К активному игровому компоненту, находящемуся в ведении канцлеров, относится спокойно и с пониманием. «Дети довольны» – вот главный критерий. А раз довольны, будет результат. Поэтому и сам он участвует во всех лагерных «сумасшествиях» с удовольствием. А о том, что детям здесь действительно нравится, свидетельствуют цифры: в первом крымском лагере было 80 ребят, в прошлом году их приехало 100. По мнению р. Рувена, Акивы Данзингера и других мадрихов, прошлогодний лагерь получился очень успешным. В этом году приехали уже 125 человек...

Честно говоря, благословение после еды, сопровождаемое «кричалками» и «стучалками», сперва слегка ошеломляет. Это с непривычки, уверяет заведующий «хозчастью» лагеря Меир Карогодский. Он также считает, что детям это «в кайф». Ведь это не мешает, а помогает главному – религиозной составляющей: молитвенной жизни и урокам, которые ежедневно проводят с ребятами вожатые из днепропетровской ешивы «Нахлас Леви» и других ешив Украины, субботним соревнованиям на лучшую сценку, лучшее знание Торы.

Вечером третьего дня в лагере появился... Сумасшедший Фил. Его появлению предшествовал снятый мадрихами и показанный на большом экране обитателям крымского кампуса художественный фильм: о жизни, «истории болезни» и обстоятельствах, предшествующих попаданию в «Ган Исроэл» этого одиозного персонажа. После демонстрации фильма с крыши летнего театра под восхищенные крики зрителей спустился его главный герой – Сумасшедший Фил собственной персоной! И тут такое началось! Да, видимо, за три лагерные недели немало любопытных приключений предстоит испытать ребятам в компании этого симпатичного «крэйзи»...

Наблюдая лагерную жизнь, вспоминаешь философские рассуждения о форме и содержании – вроде бы во всех лагерях то же самое, но в каждом есть что-то свое, особенное. Всех детей захватывает игровой компонент, хотя кому-то ближе «экшн», американский футбол, пейнтбол, бесконечные «хлопалки», «свистелки» и «кричалки», а кому-то – КВН, «Что? Где? Когда?», песни под гитару у костра и душевные беседы с вожатыми. Но и в том и в другом случае игровая форма наполняется серьезным содержанием. И, вовлеченные в игру, приняв ее условия, дети с радостью впитывают знания, несмотря на то, что они весьма серьезные и совсем не игровые. Здесь часто вспоминают слова Ребе о том, что каникулы, летний лагерь – это не просто отдых, это тоже армия, но только Цивойс Ашем, Армия Всевышнего.

...Когда рано утром мы покидали гостеприимный крымский лагерь, из леса навстречу нам вышли люди в камуфляже и маскировочной одежде. Стало как-то не по себе... Но это были наши новые друзья! Они возвращались из «ночного»: под руководством мадрихов из Франции начала свою работу Школа выживания. Пока только тренировки, но не за горами (вернее, в горах) – состязания между отрядами. Всю ночь лазили по горам, учились маскировке, разжигали костер. Правда, когда потребовалось его потушить, влаги в «огнегушителях» не оказалось ни у бойцов, ни у канцлеров... На вопрос, что больше всего запомнилось в ночном походе, один из ребят, Илья Устинов, со вздохом ответил: «Колочки...»

** Iá ííáíí ááááéííí ééááéúáá Dññóíáá-íá-Áííó, á ááí pñ-áññóí-ííí óéó, í áóíáéòííí
 í íáééá ííyòíáí Épáááé:-ñéíáí Dááá Óñéééíí é óáñéáíá m óóáí éáóéó ñáíúáí í óp í áí yòúí í áí, á 1990-ó
 á ááó í áá í íáééí é áúé m í óééáí ñééáí. Í óáí í óí áí áññéá áéáñéò:*

*V Épáááé:-ñééé Dááá
 Óíéíí-Áíá-Ááó Óí áááñíí
 óíáéáóééíí á í áñóá-éá Épáááé:-é
 áí 2-é ááí úí í áññóá
 óáóááí 5621 á (1860)
 é óóááóééé áí 2-é ááí úí í áññóá
 í éñáí 5680 á (1920)
 á á Dññóíáá-íá-Áííó*

Пятый Любавичский Ребе жил в Ростове-на-Дону с 1915 года, скончался 21 марта 1920 года и был захоронен на старом еврейском кладбище города, на месте которого ныне стоят жилые дома. Когда в 1938 году хасиды узнали о предстоящем уничтожении старого кладбища, они тайно перезахоронили тело Ребе. По свидетельству очевидцев, оно оказалось нетленным.

«АІААЕУ È АІДУ», ÈÈÈ × ОІ І ІАЕІ ОСІА ОУ А ÈА ОІ АІ ÈАААДА

А юні аіао èаоіеè èааіаі «Ааі Èндрэ» аеу ааі:аè, іааіèçіаііуè Аіаідріаодраіеè аааеіеіè іаіеііè è оііаі «Ід Ааіаа» ідè ііаааеèа Ааааеіеіа ааі оіаа, ідріаеè іа аааа Аçіаеіа і іау, а Ідè ідріеі. Одè іааеè 160 ааі:аè èç Аіаідріаодраіеè, Èèдріаааа, Іèèііеу, Çаіідріаеу, Èèçаіа Діа, Èааііеа, Аіаідріаааеèіеа, Іааіа è адріао адріа ааеіа іааіаеè ііа èаіеіаіа іаеіаі мèіоаі: èаіаеіа è о:èèèа, даіаааеè è іаааеè м'аеаеèè, çаіеіаеèа аудріаеèе è èааеè а «оааіоф аіеіо». Ііааа нòіуèа мèіа:іау, і іаа аіеі даіеіа è èаіеіаіа, оаè :оі ааі:èè іааедаіа і іааіоіèè.

Шесть дней в неделю начинались с утренней молитвы, завтрака и выхода на пляж. Затем проходили занятия по изучению традиций, молитв и истории еврейского народа. На этих занятиях девушки-мадрихи из США и Украины рассказывали хасидские майсы, учили правильно произносить благословения, разучивали с детьми традиционные еврейские напевы.

Но главными днями в лагере были Шабосы. Ведь для еврейской души Шабос, проведенный по всем правилам, вместе с друзьями-единомышленниками, – самая большая ценность. И когда спрашиваешь у девочек о том, что же им больше всего запомнилось, они отвечают – Шабосы.

Самым значительным событием смены стал спектакль, который готовили всем лагерем. Девочки разных возрастов обсуждали сложные проблемы праведной жизни и греха, личной ответственности и благородства, веры и смерти. По поводу спектакля, который готовили дети, каждый мог высказывать свое мнение: и в связи с вопросами трактовки пьесы, и в связи с режиссурой, и в связи с исполнением актерами их ролей. Спектакль назывался «Ангелы и воры».

...Жил-был раввин, который, помимо других добрых дел, помогал прийти к Б-гу тем людям, чья жизнь сложилась неудачно, – бандитам, ворам, мошенникам. И многие говорили раввину: «Зачем ты помогаешь этим людям, от этого ведь нет никакой пользы! Ведь вокруг столько по-настоящему хороших евреев». Но совсем не так говорили ангелы, которые строили стену, преграждавшую путь молитвам на Небо. Они говорили: «Есть много евреев, которые считают себя праведными, но тем не менее совершают плохие поступки. Из этих-то поступков мы и строим нашу стену. Однако ее можно разрушить подлинно праведным поступком». И оказалось, что именно еврей-вор, – которого поймали христиане и приговорили к сожжению на костре, если он не примет христианство, – отказавшись изменить вере своих отцов и погибнув, тем самым разрушил стену между евреями и Б-гом...

«Эта история произвела на меня большое впечатление еще во время подготовки представления, – рассказала после спектакля Татьяна из Днепродзержинска. – А сейчас, когда я увидела ее на сцене, у меня буквально захватило дыхание. Ведь это значит, что и я могу совершить в своей жизни что-то особенное. Когда два года назад я перешла в еврейскую школу и познакомилась с еврейскими традициями, то очень расстроилась, потому что в нашей семье их не соблюдали. Печально, что мои родители, очень хорошие люди, так мало знали о своих еврейских корнях. И я никак не могла прийти в согласие с самой собой по поводу полного и частичного соблюдения предписаний иудаизма. Эта пьеса, наши разговоры о ней расставили точки над «і» – я поняла, что каждый еврей, кем бы он ни был, является частью своего народа и может сделать для него нечто важное».

Во время лагеря состоялась поездка, которая запомнилась каждой из девочек. Лагерь находится недалеко от Бердянска, где в годы второй мировой войны была уничтожена еврейская община. Девочки посетили памятник жертвам этой трагедии и почтили их память минутой молчания.

Руководитель лагеря Хана Каминецкая так говорит о смысле летних лагерей: «В нашей стране, несмотря на то, что уже много лет можно спокойно соблюдать заповеди, многие по-прежнему не рассказывают своим детям о том, что их семья – еврейская. И только приехав в лагерь, эти дети получают возможность свободно чувствовать себя теми, кто они есть на самом деле, – евреями и при этом испытывать радость и гордость. Они находят здесь новых друзей, в течение года переписываются с ними, входят в еврейскую общину по-настоящему: есть множество примеров того, что именно после лагеря дети переходят в еврейские школы, начинают строить собственную еврейскую судьбу».

Ей вторят мадрихи. Мина из Токмака рассказывает: «Цель нашей работы – чтобы девочки, приехав из лагеря, распространяли еврейство, распространяли тот свет, который они получили, в своей семье, среди своих друзей».

А вот и впечатления девочек о лагере. Татьяна из Луганска: «Мы учим американских мадрихов говорить по-русски, а они учат нас английскому и ивриту». Елена из Днепропетровска: «Я в лагере уже пятый год, и мне кажется, что в “Ган Исроэл” самое главное – прекрасные отношения, у воспитателей к каждому из нас – особый подход. Мы с мадрихами стремимся приблизить приход Мошиаха, соблюдая заповеди и встречая Субботу». Илана из Луганска: «Мы очень хорошо отдыхаем – ходим на пляж, купаемся, играем в наши и американские игры, занимаемся спортом». Сара-Ривка из Днепропетровска: «Мне очень нравится учиться. Тем, кто хорошо учится, учителя начисляют призовые баллы, которые можно обменять на призы. А вообще здесь так весело, что можно сорвать голос, здесь можно танцевать, купаться, я бы сюда приезжала хоть сто раз!»

Î ĀĬ ĀĒ Ū Ā ÑĀĎĀĀĀĒĀ

Î ĩĩāā ēē āāōē cāĩāĩŷ ħāpō, ÷ōĩ ōāēĩā «ēĩĩ ĩ ōĩāēĩĩ āŷ ēāāōōēdā»? Ēāē ĩōē ĩāēē-ēē ĩāĩĩā ĩāĩōēā ĩā ŷōāē ē ĩĩēĩē ēĩōĩōĩ ēđĩāĩĩĩōē āĩāō ĩ ēāēāĩ ĩōōāĩēōũ āĩāđĩ ĩĩāĩēēā ĩōĩĩōāĩēŷ? Ā āōĩ ĩĩōāō ĩĩāōĩēēō āđāĩ āĩ ĩĩēāō ĩēōĩōōĩĩŷ ēāēāĩē, ēōĩ đēĩēĩāō ĩĩĩāōēōũ ōāđđēōĩđēp ēpāĩā ēç āũāēō ĩĩāōĩēēō ēāĩāē. Ā ĩāĩĩ ēç ōāēēō «ēōēũōđđĩ ŷō ħāĩāāĩēēĩā», đāĩĩēĩēāĩĩ ĩāēāĩēēĩē ĩāđāĩāē, ĩāĩĩ ĩāēēŷ ĩāĩĩēē ēāāđĩ «Āāĩ Ēĩđŷē».

В течение нескольких недель сначала девочки, а потом мальчики Одессы и других городов юга Украины наслаждались чистым степным воздухом и разнообразием флоры и фауны. Последняя, помимо не очень симпатичных комаров и сороконожек, была представлена щенком, котятками, кротами, лягушками и ящерицами, которых после нашествия «юных натуралистов» смело можно заносить в Красную книгу как вымирающий вид.

В общем, на первый взгляд это обычный детский лагерь с линейками, походами на море, костром, строгим режимом и его нарушителями. Необычным было только обилие взрослых, представляющих три, так сказать, «социальных класса»: воспитатели (мужественные учителя школы Хабад), мадрихи (юные и оч-чень темпераментные гости из США) и преподаватели (студенты ешив и просто молодые активисты религиозных общин Украины).

В лагере «ходила» своя «валюта», и на каждом уроке дети зарабатывали деньги собственным умом. Итогом занятий стало одно из самых волнующих мероприятий лагеря – аукцион, проведенный координатором образовательных программ, творческим директором клуба «Цивойс Ашем» в Одессе Шмуэлом Еришем. Во время аукциона ведущий задавал вопросы, а капитаны команд-отрядов торговались... за право ответить на них. Наиболее азартными оказались малыши. Но им немного не хватило деловой хватки и жизненного опыта. Победителями стали старшеклассники.

Параллельно с детьми изучением Торы занимались приехавшие на семинар студенты. Контингент разнообразный, как народ Израиля: студенты израильских и украинских ешив, слушатели одесского «Тора-института» и просто молодые люди, впервые окунувшиеся в еврейскую атмосферу. Поэтому часть слушателей семинара уехали домой, буквально пресытившись новой информацией, а остальные жили по принципу: «Повторенье – мать ученья». Тем не менее всем было интересно и полезно вместе ходить в микву (она же море), смотреть фильмы и «грызть гранит науки». Помогали им в этом директор Одесской ешивы раввин Довид Фельдман, раввин города Белгород-Днестровский Фишл Чичельницкий, шойхет из Донецка раввин Арье Спектор. Под руководством последнего все желающие из числа студентов ешивы изучали нелегкое ремесло шхиты.

Большой интерес вызывали мадрихи-американцы. С первых дней лагеря всем стало ясно, что миссия этих молодых людей – продемонстрировать миру «иудаизм с человеческим лицом». Цветущий вид юношей словно провозглашал: «Долой скучного еврея-очкарика! Да здравствуют бейсбол, краска для волос и утренняя молитва перед ужином!» Их «Биркас а-мозон» заставлял резонировать не только детские сердца, но и оконные стекла... Скандируемые ими в мегафон «12 псуким» к концу лагеря знала наизубок вся Сергеевка – еврейская и нееврейская... На Шабос один из мадрихов, вместо традиционных черных шортюка и шляпы, надел лиловые камзол и треуголку. Любопытно было бы взглянуть на этого изобретательного «кутюрье» во время Пурима: наверняка неопишное зрелище!

Скованные поведенческими стереотипами, преподаватели старались свести «международные контакты» к минимуму. А вот ребятишкам заокеанский темперамент пришелся по душе.

Из-за обилия мероприятий время в лагере протекало «сюрреалистично»: с обилием «дежа вю» и «черных дыр». Поэтому дирекция лагеря в лице А. Рехельман, В. Сеплярского и Ш. Виглера при составлении расписания ощущала себя задействованной в съемках какого-нибудь «Гарри Поттера» или «Матрицы». Тем не менее ценой невероятных усилий строптивных координаторов программ удалось усадить за стол переговоров и добиться компромиссов. В результате ни одно мероприятие не понесло серьезного ущерба.

Выстоять в нелегкой лагерной жизни помогало четырехразовое кошерное и вполне съедобное питание. Нужно отдать должное работникам столовой: несмотря на строгий контроль машгиаха Х. Перекрестова, они до последнего дня оставались приветливыми, как в «Макдональдсе».

Хватало в лагере и зрелищ: блестящее выступление фокусника-иллюзиониста В. Шевченко, эмоциональное выступление театра «Гевел геволим» под руководством В. Басселя, после которого дети без понукания воспитателей (!) говорили актерам «спасибо».

Кстати, сами дети оказались незаурядными артистами. Каждый Шабос демонстрировались поставленные собственными силами мини-спектакли, инсценировавшие известные истории из жизни хасидов и не менее «знаменитые» истории из жизни лагеря. В смене мальчиков состоялся даже театральный фестиваль (еврейский аналог «Оскара»), где наряду с обычными встречались и такие номинации: «лучший Ребе», «самое неправильное трубление в шофар», «самая короткая непонятная история».

Без преувеличения знаковыми стали два футбольных чемпионата, в которых сборная лагеря сразилась со сборной вожатых и сборной преподавателей, оба раза одержав уверенную победу. Команда победителей была награждена кубком (почему-то баскетбольным), а их побежденные наставники подбадривали друг друга словами известной песни: «Главное, ребята, сердцем не стареть».

Всё хорошее когда-нибудь кончается. Подошло к концу и время пребывания в лагере. Работники «из местных» опасались «королевской ночи» с традиционным обмазыванием пастой, порчей имущества и прочими видами асоциального поведения. Но не тут-то было! Все уснули, как младенцы. Ведь завтра – ранний подъем и долгая дорога в аквапарк, прощание с друзьями и подробные расспросы домашних... А там и до следующего лагеря недалеко!

ՃԱԱՅԷԻ ՆՕԷՆՕՍ ՕԱԱԱՅ-ԷՐԱԱՅԷ՝

*Էթթիաա զի Իրթաաիեա աաա Ի-աիս ցի աիեցի. Ն Իաիե ոմմիս - մոպիեա «ԻԷթի եծա-
ԻԷթաիեիս» ԻԷթաաե ը Իճեաի աոմաիս, Օյաեաիա յեիսի ե-աիեիա է մոթեաիս Իա ԻԷթաաիեա, Էջ-զի
Էթթիաա Էջ ոմմիս ասաի Ի Իթաաիոմա Էթաե. Ն ածաե - ճաթեե աթաօ Իճաի ճեիեի աօթեիեիե
ապոթեիս Իոթե, Էի Իոմաի սու, ա ԻԷթեաօ Իաթեօիա աեյ Էի աանթեթե ճաթաթեա Ի Էթթիաա, ա ճաթաիա,
աճաի Ի սօթեաթեա Իապ աեօաեյի է ոմիեթս աճի Իաթեիա աիսաճիոա, «Իաիե Իաե» թեա աոմի Էթաա
ա Աճիմբ. Ի Իթաա ածաե ասաե, զաօ Իոթեաթեիս աճի ճիպօ ա Էի աօ Իա Էթթիաաիեե աթաճ*

Все изменения последних лет проходят перед глазами пожилого человека, вот уже 16 лет каждый день приходящего в синагогу, на улицу Хабад-Любавич, дом 8. Именно благодаря ему, главному раввину Кишинева и Молдавии Залману-Лейбу Абельскому, улица и получила это название.

Легенды о нем ходят не только в Молдавии – и в Израиле, и в России, и на Украине знают о реб Абельском. Иногда на улицах Кишинева к нему приходят люди – не только евреи, но и молдаване, цыгане, представители других национальностей, – целуют края одежды, просят благословения. «Я говорю: ты перепутал, я не ваш поп! – с доброй улыбкой рассказывает реб Залман. – А он отвечает: я знаю. И я даю броху».

О кишиневском раввине рассказывают разное. Например, о том, что уже на старости лет он выучил русский язык. Да так, что говорит на нем без малейшего акцента. На самом деле русский давался ему без затруднений, потому что родился он в Москве, в доме напротив Минаевского рынка – был такой когда-то на Сущевском валу. Говорят, в молодости реб Залман курил, но, узнав про письмо, в котором Любавичский Ребе указывал, что не одобряет эту дурную привычку, бросил. Также поговаривали, что в молодые годы Абельский мог выпить... чайник водки из носика. (Впрочем, глядя на его крепкую фигуру, в это верится без труда.) Когда же он прочитал письмо, где Ребе выражал свое удивление по поводу возлияний хасидов, немедленно прекратил «злоупотреблять».

Семейное предание гласит, что фамилия Абельский возникла пять поколений тому назад по названию местечка Абель – было такое когда-то около Витебска. Это по линии отца, родившегося уже в самом Витебске, а впоследствии жившего в Литве, в Вильнюсе, где некогда существовала целая улица, населенная Абельскими. Деда по матери звали Иешая-Зуся Буйдеров – по названию украинского городка Средние Буды, где тот был раввином. После революции дед переехал в Москву, где стал раввином любавичских хасидов, и многие представители старшего поколения его еще помнят. Скончался он перед войной.

Родители реб Залмана познакомились в Москве, в 1921 году поженились. Он родился в 1927-м. Отец Залмана был подпольным шойхетом. После начала Великой Отечественной семья из Москвы уезжает. «Во время войны мы эвакуировались, – рассказывает реб Залман. – Учился я в подпольной ешиве в Самарканде. После войны, когда любавичские хасиды бежали из СССР, прихватили и меня. Всю ешиву из Самарканда вывезли в Европу. Это было в 1946 году. Когда мы бежали из Советского Союза, получилось так, что нас разбили на три группы. Специально это не планировалось. Люди, которые работали с беженцами, направляли нас туда, где было свободное место. Получилось так, что часть попала в Вену, часть в Германию, часть в Париж. А потом все перебрались в Париж, и из Парижа Ребе распространил всех по всему миру. Наша ешива была в лагере Вальдштадт под Мюнхеном, там я проучился целый год. Оттуда в 1948 году меня еще предыдущий, шестой Ребе направил в Румынию посланником».

Шлихус в Румынии продлился три года, реб Залман занимался там еврейским образованием. После работы в Бухаресте получил указание приехать в Эрец Исраэль, поселился в Кфар Хабаде и, как вспоминает, сразу отправил письмо к Ребе: «Это было как раз тогда, когда скончался шестой Ребе, и седьмой Любавичский Ребе взял бразды правления в свои руки. Он мне написал: “Тебе предлагают всякую работу, но не это ты должен делать. Твоя миссия в этом Мире – это воспитание. Тебе Всевышний дал талант, причем большой талант – воспитывать весь еврейский народ. Всех!”»

Вместе со своим другом, известным хасидом по имени Зуся Партизан (звавшимся так потому, что во время войны был в партизанах), он начал организовывать школы и детские сады. «Получилось так, что жребий пал на меня. И я стал преподавателем, потом директором школы Хабад. Школы раньше назывались по имени предыдущего Ребе. Это была не одна школа, а целая сеть школ, в первый же год мы открыли их в четырех местах: Иерусалиме, Кфар Сабе, Яффо и Зарнуге (возле города Реховот). А потом это распространилось дальше, каждый год открывались в одном, двух и более местах. Так прошло около десяти лет. Потом меня перебрасывали с места на место: посылали туда, где были слабые места».

Следующим «слабым местом», куда седьмой Любавичский Ребе послал р. Залмана, оказался Кирьят Гат, где также нужно было открывать еврейскую школу: «Цель была, чтобы весь Кирьят Гат превратился в хасидский городок. Хорошие годки пробыл я там, с 1959-го по 1980-й, – рассказывает реб Залман. – А потом было другое мероприятие. Ребе хотел объединить весь мир посредством изучения Торы. И меня направляют в левые кибуцы. Мне говорят, что у меня хороший подход к нерелигиозным евреям (смеется). И я поехал и работал там».

С началом перестройки его решают направить в Советский Союз: «Мне сразу предложили Москву, – рассказывает реб Залман. – “Москвич? В Москву!” И спрашивают мое мнение. А я говорю: “Куда пошлете, туда и поеду”. Хотя Москва мне льстила... “Страна моя, Москва моя...”»

Однако в американской организации «Эзрас Ахим», которая занималась посланниками в СССР, появилось новое мнение: р. Абельского нужно послать в Кишинев. Сам реб Залман объясняет это так: «В Москве уже были люди, которые работали. В Кишиневе наших не было, поэтому мне предложили Кишинев. Говорят: выбирай! А я говорю: я ничего не выбираю, куда пошлете... Мы люди дисциплинированные. И решили, что в Кишинев. Так я здесь уже 16-й год».

Сразу после приезда он открывает ешиву «Томхей Тмимим», здесь начинают работать кружки, различные учебные учреждения: «Я использую тут свои силы, а мои силы – это воспитание, – говорит реб Залман. – Поэтому я открыл сеть учебных заведений. Я здесь один, и постоянно приходится не соревноваться, а состязаться. Много помех! Без конца! Но я не сдаюсь, не из пугливых. Боремся. Всё-таки у нас есть результат: уже есть дети, которые выросли, обзавелись семьей, уже есть дети у них... Они постоянно присылают письма, фотографии».

Тора говорит о том, что в каждом поколении есть свой Мошиах, и реб Залман является последовательным проводником этой идеи. Он абсолютно уверен: седьмой Любавичский Ребе является Царем нашего поколения. Причем реб Залман один из немногих, кто начал говорить об этом очень давно, еще в 1950 году.

Однажды в Нью-Йорке Ребе сказал, чтобы реб Залман благословлял евреев. «Это было, когда Ребе раздавал доллары. Тогда в кабинет к нему не входили – он стоял в проеме дверей и каждому давал доллар и благословение. Иногда задерживал кого-то. Ребе выразился так: “Благословляй евреев, и я их благословляю”. Когда Ребе сказал мне эти слова, они мне были не очень понятны. Между тем в Торе читаем: Всевышний сказал кознам, чтобы они благословляли евреев, и “Я их буду благословлять”. Наши комментаторы объясняют: что говорит Всевышний? Чтобы вы благословляли. А вас кто будет

благословлять? Всевышний говорит: Я вас буду благословлять. Но есть еще один комментарий. Всевышний говорит: “То, что вы будете говорить, на самом деле Я, то есть Мое благословение проходит через ваши уста”».

Те, кто находился рядом, слышали слова Ребе. И, когда реб Залман вышел на улицу Нью-Йорка, к нему стали подбегать хасиды, повторяя слова Ребе. И каждый просил броху. И тогда, по словам реб Залмана, он начал «бросать брохи направо и налево»: «А назавтра подходят ребята и говорят, что мои брохи работают! И начинают рассказывать, что там было так, а тут эдак... Это происходит уже много лет – я благословляю евреев и, в общем, творятся чудеса. Я удивляюсь до сих пор. Есть маленькие, обыкновенные чудеса, а есть такие вещи, что весь мир переворачивается! И всё у меня на глазах».

Примеров множество – письма благодарности с фантастическими и просто удивительными человеческими историями регулярно появляются в общинной газете. О некоторых случаях вспоминает сам реб Залман.

«Когда мы приехали сюда, тут была семья: он – врач “скорой помощи”, она – домохозяйка. Это была дружная супружеская пара. Но она немножко верующая, а он атеист. И они часто спорили, но по-дружески. Когда мы приехали в конце 1989 года, она “прилепилась” к нам. Моя супруга организовала кружки для женщин, и она приходила каждую неделю. Училась, со мной общалась. И вот в один прекрасный день она приходит ко мне и говорит, что у них дома был спор с мужем. В чем дело? У них родился второй ребенок. Старшему мальчику было уже четыре годика, а теперь родился второй. Старшего мальчика она кормила грудным молоком всего два месяца и не хотела бы кормить второго ребенка так же, как первого. Муж сам врач, и другие врачи ему говорят: ничего нельзя сделать, это природа человека, никто не может помочь. И она пришла ко мне, чтобы я дал ей броху. Муж говорил ей: зачем ты к нему идешь? это же Кашпировский! Но она с ним спорила и пришла ко мне. Я дал ей броху. Прошло два года. Она приходит веселая, смеется. Говорит: “Помните, я просила у вас броху два года назад?” – “Ну и что?” – “Я не вижу конца молоку!” Она рассказывает, что это настолько повлияло на мужа, что он уже говорит про меня, что я порядочный человек! Но вместе с тем он стал кричать на нее: пойдти к Залману и скажи, что хватит! Я спросил: ты хочешь броху на “хватит”? Нет, говорит она. Так что ж ты хочешь? Я хочу броху, чтобы младенец не нервничал. Она сама его потом отучит от молока... Представляете, она кормила его грудным молоком 2 года и 7 месяцев!

Еще пример. Ко мне прибегает еврейчик один, такой напуганный, просит броху для своего товарища. На того напал какой-то убийца, дал ему топором по голове и отрубил кусочек головы, с черепом и мозгами... Его даже не положили в палату, а сразу положили возле смертных комнат, в общем, никто ему помочь уже не мог. Я дал броху. Через два дня он опять у меня, уже веселый. Я спрашиваю: что случилось? А случилось что-то невероятное. Когда он пришел просить броху, он даже не думал, что что-то будет. От меня вернулся в больницу. А его друг уже лежит в палате! В чем дело? А он в таком состоянии, весь залитый кровью, вдруг открыл глаза и попросил пить. Врачи, когда увидели какие-то признаки жизни, сразу перевели его в палату, стали им заниматься. Он пролежал две недели, и у него срослась голова. Это было лет 12–13 назад. Он и сейчас жив и здоров, если вы увидите его, у него еле-еле виден шрам. Но самое

интересное, что раньше этот человек имел кличку Дебил: у него в голове “роликов” не хватало. А после моей брохи у него всё наладилось! Он стал умный человек, с ним советуется!»

Реб Залман объясняет: для того, чтобы благословение сработало, тот, кого благословляют, тоже должен что-то сделать. Конечно, на 99% главная сила – в благословении, но человек должен сам «создать сосуд», подготовить себя к тому, чтобы принять благословение: «Ведь это не то, что упадет мешок с золотом на голову, – чтобы разбогатеть, надо поработать или сделать что-то духовное. Я советую, чтобы сделали одно духовное и одно материальное. Не надо ничего искать, всё есть в естественном ходе жизни. Мужчинам я говорю, чтобы надевали тфилин, кушали кошерную пищу, женщинам – чтобы вовремя зажигали свечи. Такие простые вещи. Когда человек ничего не делает, ничего и не получается. Но когда он относится к этому серьезно, то всё работает. Наш Б-г всемогущ, Он может спасти любого».

За 16 лет, прошедших с тех пор, как на Хануку в Кишиневе появился посланник Любавичского Ребе, работа проделана большая. Сейчас в Молдавии есть общины не только в Кишиневе, но и в Тирасполе, Бендерах, Бельцах, Архях. В этих городах открыты синагоги, работают кружки. Правда, школ и детских садиков там нет, нет и раввинов. «Всевышний один во всем мире, а я один во всей Молдавии», – смеется реб Залман. «В Молдавии приблизительно 25 тысяч евреев, и больше половины тут, в Кишиневе, – уже серьезно продолжает он свой рассказ. – Но на самом деле намного больше. Многие люди приходят ко мне на прием, и я их разоблачаю: он думал, что цыган, а на самом деле он еврей. Но бывает наоборот: думал, что еврей, а он цыган».

То, что по просьбе еврейской общины переименовали улицу, – случай, наверное, беспрецедентный для всего бывшего Советского Союза. Реб Залман рассказывает об этом так: «Когда я приехал сюда, этот переулок назывался Якимовским. Что за Яким такой? Кто его знает? Они в горсовете тоже не знали, и я попросил, чтобы переименовали улицу в Хабад-Любавич. И они удовлетворили мою просьбу. Наверное, одна такая улица во всем СНГ».

Реб Залман вспоминает, что он стоял у истоков первых на территории бывшего СССР парадов Лаг ба-омер. «Первый парад в СНГ был мой, – с гордостью сообщает он. – Тогда все боялись, в Москве нанимали пароход и куда-то ехали. Я слышал, что это продолжается и сейчас. Парадом тогда никто нигде не шел. А я решил пойти парадом. Пошел в полицию, перекрыли улицы, и пошли. Два километра туда и обратно. Шло очень много людей, тысячи. Приходили молдаване, таращили глаза, не понимая, что происходит».

К сожалению, Лаг ба-омер теперь так широко не празднуют – реб Абельский говорит, что евреи разъехались, народу набирается мало. На Хануку не ставят ханукию, как прежде, в центре города – теперь она устанавливается у синагоги на улице Хабад-Любавич, дом 8, издавна известной в Кишиневе как Синагога стекольщиков.

Но раввин Залман-Лейб Абельский по-прежнему бодр и много работает. Изданы три его книги: «Праведник – основа мира (Из архивов и документов Любавичского Ребе)», «Маарал», «Дочь шаха». Еще пять им написаны и ждут своей очереди быть изданными. И, несмотря на то, что ему скоро 80, Учитель с добрыми и удивительно проницательными глазами полон замыслов и идей. До 120-ти вам, рав!

È. Èàðíáí èí

ÈÇ ÈÑÒÌ ÐÈÈ ÀÁÐÁÁÁ Ì ÌÈÁÌÁÛ

Ááááè èçáááí à ìòíæèááèè Ì à òáááèòíðèè Ì Ìèáíáí. Á ááááí æ Ááèèè Ìíè Ìííáèèííí à Ì ááèá Ìáááè ÿóó. Ì òíæèááèè ááááí ùí Ìáááçíí à áíòíáá. Èçáááíòíí, ÷òí ááèèèííèè èááó Ááááááè ááè ááááíí áíòíáá Òáèíí òíá (ìí Ìáèíòíòíí Ìááááíèÿí, èí è æá Ìíííááíííáí) Ìíáááí Ìðèáèèááèè. Ì áí áèí ááááá Ìðèáèí áí áíòá ñ ðèí èÿíáí è. Ìí, èáè Ì-èòááò ðíí ùííèèè èíòíðèè Ì èèíèáá Èíðáá, áíèíááÿ ÷áíòíí ááááá Ìíèèíðèè ÿèè Ì áíòá áí áááí ÿ Ìáááíòáèÿ áááááíòá Òáè èèè èíá:á ááááèíèèá èí áíá áíòáá-ááòíí á áááí Ìááá Ìáááíò Ìíèáááíèèò áíííáááè, Ìòíííííèèííí è XIV-XV ááèáí... Ì à òáááèòíðèè Ìáááí áíííè Ðáíí ááèèèè Ì Ìèáíáí ÷èíáíííòíí ááááá ñòáèá ðáçèí áíòááíòáòíí à XIX ááèá, à á Ìáááèè ÷ááááðèèè XIX ááèá à Ááíííðááèè èò Ìáí-èòíááèííí Ìíííóá ÷ááááðèè Ì èèèèíá ÷áèíáè. Ááèíááí èááè, ðáí áíèáííèèè, òíðáááòíí, ðááí-èá çáí èáááèíííí, èááè Ìááááí ùò Ìòíòáííèè, Ìíè áíáíèè áíèíááè èáí òó á ÿèííí è-áíèíá ðáçáè èáá ñò ðáí ù.

Интересна история евреев Кишинева. Поселение Кишинэу на правом берегу реки Бык впервые упоминается в 1466 году. О проживании же здесь евреев говорится в «Хронике стародавности романо-молдо-влахов» Д. Кантемира, относящейся к началу XVIII века. О существовании еврейской общины свидетельствует также «Устав еврейского погребального братства местечка Кишинэу» от 1777 года.

В то время в Кишиневе проживало 540 евреев. В 1812 году в городе была построена Большая синагога, спустя некоторое время открылась еврейская больница, а в 1838 году – первое еврейское училище с широкой общеобразовательной программой. В 1858 году, наряду с двумя казенными еврейскими училищами и одним частным женским, было 46 хедеров, а с 1860 года существовала хасидская ешива, одна из первых на юге России. В 1867 году в Кишиневе уже проживало свыше 18 тыс. евреев. Помимо синагоги здесь имелось 28 молитвенных домов. В 1897 году евреи города (около 50 тыс.) составляли 45,9% населения.

В 1898 году, по данным Еврейского колонизационного общества, из 38 фабрично-заводских предприятий Кишинева 29 принадлежали евреям. Из пяти типографий города четырем владели евреи. Среди еврейского населения были особенно развиты швейное и деревообрабатывающее производства. Кишиневские евреи занимались торговлей сельскохозяйственными продуктами, тканями и одеждой, извозным промыслом. Евреи были носильщиками и грузчиками, сезонными рабочими на виноградных плантациях.

Архитектура Молдовы воплотила в себе лучшие традиции зодчества как молдавского, так и других соседствовавших с ним народов. Однако исторические условия не всегда благоприятствовали развитию градостроительства: в течение многих веков этот край являлся театром военных действий. Что же касается зданий и сооружений, принадлежавших евреям, то они особенно часто подвергались разорению, и большая их часть превратилась в руины.

Значительным сооружением было здание Хоральной синагоги, построенное в 1913 году при «Талмуд Торе» на средства еврейских общественных организаций. Каменное монументальное здание с жестяным покрытием, общей площадью 1350 квадратных метров, состояло из трех помещений. Его фасады были украшены богатым декором, арками и карнизами. Первоначально синагога служила молитвенным домом для учащихся «Талмуд Торы», а затем стала главной и самой престижной в городе синагогой. При советской власти была приспособлена под театральное помещение, где и по сей день размещается Русский драматический театр им. А. П. Чехова.

Особый интерес представляет Синагога стекольщиков, построенная в 80-х годах XIX века на средства Еврейского общества стекольщиков. Ее официальное открытие состоялось 31 августа 1888 года. Она находится на нынешней улице Хабад-Любавич. Здание неоднократно ремонтировалось, но его внешний и внутренний облик в основном сохранились. В настоящее время бывшая синагога Общества стекольщиков – единственная действующая городская синагога.

«Сенная» синагога существовала с 1886 года. Она была построена на средства еврейской общины Кишинева. Это каменное здание с черепичным покрытием расположено рядом с площадью, на которой до 1940 года проводились ярмарки по продаже скота и сена. Отсюда и название синагоги. В разные годы в этом помещении размещались административные и хозяйственные организации, а в 1992 году здание было сдано в аренду филиалу религиозно-просветительской организации «Агудас Исроэл» в Молдове.

И это всё, что осталось от 65 синагог и молитвенных домов, которые когда-то принадлежали еврейским организациям. Сохранился список синагог и еврейских молитвенных домов Кишинева, составленный р. Цирельсоном в 1911 году.

נִי אֲנֵאִי עָא × אֵיטֵאָעָא - נִי אֲנֵאִי עָא אֲנֵאִי יַ עָדָא

Понятие «Праведник Мира» имеет под собой глубокую иудейскую философскую основу. Мудрецы, составившие талмудические трактаты вавилонской эпохи, считали, что «жизнь одного человека» представляет собой «жизнь всего мира» и те, кто спасают одного, спасают весь мир. Поэтому заслуги спасителя человеческих жизней достойны самого высокого признания, как акт настоящего героизма. Тем более если речь идет о героизме неевреев в отношении евреев в самые черные дни Холокоста.

В Кишиневе в актовом зале Департамента межэтнических отношений состоялось торжественное награждение Праведника Мира Григория Бынзаря медалями и грамотами иерусалимского института Яд ва-Шем. Получал он сразу несколько наград: и за себя, и за своих родных – дедушку и бабушку, Анну Александровну и Федора Николаевича, а также за отца Александра Федоровича Бынзаря. Родственников Григория Бынзаря давно уже нет в живых, ведь подвигу его семьи в этом году исполняется 64 года! Да и самому ветерану войны Григорию Бынзарю уже более 80 лет. Несмотря на то что много воды утекло с тех далеких лет, награда всё-таки нашла праведника.

Этот человеческий подвиг состоялся на фоне страшных трагедий Холокоста, унесших около 250 тыс. жизней евреев Бессарабии и прилегающих к ней территорий. В городке Фалешты и окрестных селах, как и во многих других еврейских местечках Бессарабии, бок о бок с молдаванами, русскими и украинцами до войны проживало немало евреев. В июне-июле 1941 года, спасаясь от наступления фашистско-румынской армии и угрозы истребления, часть еврейского населения успела уйти на восток, в глубь Советского Союза. Но многие, кому по разным причинам тяжело было сняться с места в считанные дни, эвакуироваться не успели. В числе оставшихся было 125 евреев, в основном женщин, стариков и детей – жителей маленького села Катраник, что недалеко от городка Фалешты. Среди них была и семья Моисея Глузмана, где росли три дочери, мал мала меньше, да двухлетний Изя, любимец семьи.

Супругов Глузман, бабушку и маленького Изю «творцы нового порядка» расстреляли сразу, как только вошли в село. При этом на долю матери и сына выпала неопишимо мучительная смерть. В округе было немало глубоких оврагов, которые стали использоваться фашистами как «готовые к употреблению» братские могилы. Как свидетельствует Праведник Мира Григорий Бынзарь, тяжелораненых мать и сына Глузман кинули в овраг еще живыми и сразу стали засыпать землей. Женщина кричала и молила не делать этого, пока они еще дышат и смотрят...

Жители села слышали крики и стоны, но спасти мучеников у них не было никакой возможности: овраги охраняли автоматчики, время от времени предупреждавшие очередями, что приближаться к этому месту смерти подобно.

Трем маленьким сестрам Глузман повезло – их успела спрятать семья Бынзарь. Когда однажды полиция ворвалась в этот дом с проверкой, 19-летний Григорий успел увести девочек в дырявый шалаш посреди виноградников, благо еще стояло лето, было тепло и можно было переждать облаву. И всё-таки, видно, кто-то надоумил полицейских прочесать виноградники: вскоре детей нашли и отправили, как взрослых,

под вооруженным конвоем, в гетто города Крыжополя. Самих спасителей выручило какое-то чудо или случайность – иначе не миновать им было расстрела за то, что прятали евреев.

Три долгих года, в холоде и голоде, в гетто боролись за жизнь несчастные дети – десятилетняя Анна и совсем маленькие Циля и Ривка. Но Б-г был на их стороне: все трое выжили. В гетто нашлись добрые люди, по мере сил и возможностей что-то делавшие для сирот, делившие с ними последнюю одежду или кусок хлеба.

Свобода пришла к сестрам только в 1944 году вместе с освобождением Молдавии и Украины. Истощенных, изможденных, измученных малышей сразу отправили в больницу, а затем, как круглых сирот, устроили в детдом. Однако, к удивлению воспитателей, девочки упорно рвались обратно в село Катраник, к родному пепелищу, к своим спасителям – семье Бынзарь.

По согласию этой простой молдавской семьи они вернулись к своим новым родителям уже на правах приемных дочерей. Разросшаяся, небогатая, но дружная семья пережила и страшный голод 1946 года, и послевоенную разруху. Со всеми наравне в поле и на винограднике работали подросшие девочки. В тяжелые послевоенные годы можно было надеяться только на свои руки. Труд и плодородная молдавская земля спасли от голодной смерти. Всё в этой семье было общее – и горе, и радость. Не случайно все три девочки до самого замужества, официально, а не только в школе или на улице, носили молдавскую фамилию Бынзарь.

Из трех сестер сейчас живы две. Старшая, теперь уже Анна Зельцер, с мужем и третья сестра Циля живут в городе Ашдоте в Израиле и не забывают своих спасителей. Именно Анна описала историю своего спасения для Института Яд ва-Шем...

Конечно, эту историю все присутствовавшие в актовом зале Департамента услышали из уст героя торжества не в таких подробностях. Григорий Бынзарь предпочел говорить не столько о подвиге своей семьи, сколько об ужасах и жестокости войны – как солдат, прошедший ее нелегкими дорогами, не раз раненный и награжденный. Для него война закончилась даже позже, чем для сестер Глузман: ему пришлось повоевать еще на Дальнем Востоке.

Что чувствовали люди, сидящие в зале? Многие не могли скрыть слез. Ведь каждый второй потерял кого-то из родных во время Холокоста. Наверное, поэтому чествование Праведника Мира получилось необычайно искренним. И не случайно главный раввин Кишинева и Молдавии Залман Абельский произнес прочувствованные слова о добре, которое лежит в основе всех хороших дел. Пожалуй, никогда еще «чисто еврейское мероприятие» не было столь открытым – от сердца к сердцу.

На сцене горели свечи. Было много живых цветов, которые дарили Праведнику Мира. Выразительно, с большим тактом вечер вели мальчики и девочки из «Гилеля», технологического лицея им. Т. Герцля, участники культурных программ Израильского культурного центра. Не будет преувеличением сказать: всё самое лучшее, что есть в еврейской общине Молдавии, в этот вечер было на сцене. И даже официальные лица постарались сказать что-то теплое, не «по протоколу».

Также выступили лидеры еврейской общины, представители еврейских и общественных организаций. Так, председатель Ассоциации еврейских организаций и общин республики (АЕООР) Яков Тихман, вслед за лидером Еврейского конгресса Молдавии Александром Пинчевским, вручившим герою торжества единовременную денежную помощь, пообещал от имени Ассоциации выплачивать пенсионеру Григорию Бынзарю ежемесячное пособие.

На вечере присутствовал специально прибывший из Киева консул посольства Израиля на Украине и в Молдове Уди Бен Ами.

Среди выступавших были директор Департамента межэтнических отношений Ольга Гончарова, глава представительства Еврейского агентства в республике Алекс Львовский, директор местного представительства «Джойнт» Вера Крижак, первый секретарь посольства Израиля на Украине и в Молдове Алла Ошмянская, заместитель министра культуры Республики Молдова Валерия Шейкан.

В заключение вечера были исполнены гимны Израиля и Молдовы. Правда, случилось непредвиденное, что грозило несколько смазать торжественный финал вечера: запись гимна Израиля почему-то всё не включалась. Зал немного помолчал, но потом все стоящие на сцене и многие в зале –

торжественно, хором, как один, – проникновенно и дружно запели Атикву. Без всякого аккомпанемента. Это было незабываемо!..

А. Шаговец

ΑΛΕΥΟΥ Ε ΕΞΟΕΙΑΑ: Ι ΙΑΥΑ ΙΑΥΕΙ Ι ΥΑ ΑΙ Ι Α

Α αααααα ιοεδιενη ιαυειιυε οαι οδ α Ααευαα Οιδεααοαα ιαυ οαδαι ιιευ ιοιουα ι δε αιευοι ι οα-αιεε ιαδταα ε α ιδεηοηοαεε αιυεεσ ανηαε, ηθαε ειοιουο αιεε ιιμη ΝΟΑ α Βαηι οαεεα Ι ιεατα Οαοοαδ Ι. Οιαεαη οαεηιαευιυε αεδαεοιδ «Ααειοα» ιι Ααειοηηε ε Ι ιεαααε Νοραδο Ναοοαδ, αεδαεοιδ οεεαεα «Ααειοα» α Ι ιεαααε Ααδα Εδεααε, ι υδ ανδταα Ααευου Ααηεεε Ι αι-οε ε οεηιαεοαεε ι ανοι ιε ααδαηηεε ιαυειιυ.

В торжественном мероприятии принимала участие делегация еврейской общины из американского города Гринсборо (штат Северная Каролина). Община именно этого города собрала на строительство красивого светлого Дома, окруженного роскошными цветниками и садом, около 40 тыс. долларов. Дело в том, что бельцкая еврейская община и община Гринсборо – побратимы. Уже пять лет между ними существуют крепкие братские связи. Гуманитарная помощь американских евреев здесь не редкость. Ежегодно жители Гринсборо участвуют в реализации самых разных проектов: оборудование компьютерного класса, издание книги о дружеских связях и истории еврейских общин, уход за старым еврейским кладбищем....

Американцы прибыли на открытие нового Дома, что называется, с корабля на бал: они в пятый раз провели летний семейный лагерь – на этот раз в живописном месте под городом Сороки. «Все евреи ответственны друг за друга» – этот девиз был реализован в программах «семейного лагеря», и он, так или иначе, звучал во всех приветствиях, словах благодарности, выступлениях гостей и хозяев.

В пахнущем свежим лаком просторном холле нового Центра раскинулось декоративное дерево с яркими плодами граната, на каждом листочке которого написано имя человека, внесшего личные деньги на строительство. Делегация Гринсборо с восторгом фотографировалась на фоне этого дерева, чувствуя личную причастность к большой и благородной миссии.

Атмосфера была самая волнующая. Бельцкая община приготовила праздничный стол, концертную программу и подарки для гостей – маленькие меноры как символ национального единства. Радость на лицах была искренняя – ведь самая крупная еврейская община севера Молдовы, с ее 2,5-тысячным еврейским населением, давно нуждалась в таком Доме. Больше десяти лет ей приходилось тесниться в малоприспособленном здании бывшей еврейской больницы, где тем не менее размещались все службы, клубы по интересам, библиотека, проходили различные мероприятия. Члены общины особенно довольны тем, что при строительстве Дома удалось не просто сохранить живописный сад, розарий и цветники в форме звезды Давида, но и объединить старое здание и новое – традиции и новую жизнь.

Председатель еврейской общины Бельц и член правления Всемирного конгресса русскоязычного еврейства от Молдовы Лев Бондарь, подводя итог празднеству, сказал: «Мы видим в новом Доме символ объединения, стабильности и развития общины!»

А в сентябре Дом общины открылся в Кишиневе. Пока что состоялась лишь торжественная сдача здания строителями в присутствии спонсоров, представителей «Джойнта», официальных лиц и гостей из-за рубежа. Его еще предстоит обжить, насытить техникой, мебелью, инвентарем, а потом уже, как было объявлено, новоселье отпразднует вся община. Скорее всего, оно состоится на Хануку.

Дом этот намного больше бельцкого. Именно здесь будут проходить масштабные мероприятия еврейской общины Молдавии. На площади около 2500 квадратных метров с многоцелевыми помещениями размещаются новые службы, а с ними появились и принципиально новые возможности для развития общины. Здесь есть лифт для пожилых людей и инвалидов, большая кошерная столовая с удобным выходом во двор, центр первичного медицинского обследования и реабилитационный дневной центр для пожилых людей. А кроме того – театральная зала для торжеств на 250 мест с балконом, актовый зал на 70 человек, компьютерный центр и современный спортзал.

В «исторической» части здания, о которой речь впереди, разместится Музей истории евреев Молдавии, правление Ассоциации еврейских общин и организаций республики, столичный «Хесед Иеуда» и другие еврейские структуры. Здание, внушительное и современное, занимает почти весь квартал в тихой зоне центра города. Уже сегодня руководство еврейской общины заявило о том, что не собирается запирать двери своего нового национального дома. Оно охотно распахнет его для многонациональных культурных мероприятий, будь то конференции, съезды или концерты.

Директор Музея истории евреев Общинного центра Дорина Шлаен ждет торжественного момента, когда хранящаяся в ее музее стена для Арон Койдеш, которая несколько лет назад, буквально по пронумерованным камешкам, была разобрана и вывезена из самой старой разрушенной синагоги Молдавии в селе Рашково, займет теперь достойное место в нише восстановленной фасадной стены Синагоги лесорубов. Или даже в специально отведенном для этой цели молельном зале. Она надеется, что к открытию нового Общинного дома кто-то преподнесет в дар свитки Торы.

Работу над проектом нового Общинного дома вел бывший глава Ассоциации еврейских организаций и общин Молдавии архитектор Семен Шойхет. О неожиданных находках, обнаруженных в архивах и по ходу строительства, Семен Михайлович рассказывает много интересного. В цокольном этаже старого здания Синагоги лесорубов, который удалось сохранить и укрепить его своды, как рассказал архитектор, некогда была миква для прибывавших из разных уголков Бессарабии членов общины заготовителей дров. Многие говорят о том, что некогда стоящий в центре города, на улице Павловской, комплекс 1830-х годов во главе с синагогой был не просто одним из самых больших молитвенных домов, а настоящим Общим домом еврейского «цеха лесорубов». Здесь находилось нечто вроде постоянного двора. Тем более что рядом, менее чем в полуквартале отсюда, был расположен обширный рынок, где заготовленные дрова можно было реализовать. Миква размещалась в подвале и искусно снабжалась подземными водами. Обнаружены остатки ванн, старинных «экологически чистых» черепичных труб, настолько прочных, что они пережили два столетия!

Зато работа на «старом месте» была не из легких: пристроенные части исторического здания были аварийными, их пришлось убрать. Много усилий приложено, чтобы сохранить старую несущую фасадную стену одного из трех корпусов.

Возраст сохраненной исторической стены Синагоги лесорубов насчитывает около 175 лет. Необходимо было создать «железную рубашку», или каркас, для старой бутовой кладки, укрепить своды, перекрыть доступ воды. Однако ключевым вопросом всё-таки стало «лицо» этой фасадной стены, которой всегда придавалось исключительное архитектурное значение. Внешняя стена богато украшена филенками, затейливыми карнизами, пилястрами и другими нарядными элементами. Недаром проект реставрации этой стены, как ценнейшего исторического «артефакта», утверждали в Министерстве культуры Молдавии. К чисто эстетическим архитектурным находкам Семен Шойхет причисляет использование сочетания белого и синего цветов в «поясной» отделке новой части комплекса, что соответствует древней еврейской традиции.

Общий двор, закрытый с трех сторон, еще будет снабжен фонтаном и зелеными насаждениями для отдыха в жаркие летние дни. Словом, предусмотрено многое, чтобы Общинный центр стал уютным и современным Домом.

До последнего времени было неясно: что за структура ляжет в основу нового центра еврейской жизни, какие организации и на какой основе поместятся под его гостеприимной крышей. Региональный директор «Джойнта» по Белоруссии и Молдавии Стюарт Саффер «раскрыл карты». Оказывается, новый общинный центр в Кишиневе имеет принципиально иную организационную «подкладку»: Центр не просто примет под свою крышу почти все еврейские организации, за исключением учебных и синагоги, здесь будет апробирована работа связующего звена всех структур в лице директора. В свою очередь директор нового

Дома Илья Шац подтвердил, что идея создания Общинного дома как духовного центра единения всей общины республики, со своим ядром в лице директора, – дело принципиально новое.

«Можно понять, почему я до сих пор нахожусь в поиске новой стратегии и тактики в отношении будущей работы. Никто не собирается “давить инициативу”, вмешиваться “во внутренние дела” еврейских организаций. Мое дело – не лишение самостоятельности, но объединение и координация усилий. Короче говоря, перед нами стоит благородная задача – консолидация общины на новом этапе ее жизни. Надеемся, что всё у нас получится».

А. Шац

А́АРА́Е́НЭ́ЕА́ ОА́І́Е́Т́А́Е́ І́ І́Е́А́І́А́У́

Первым раввином еврейской общины в Кишиневе был Залман, сын Мордехая Шаргородского. Другим известным раввином XIX века был **Хаим Черновицер**, родом из Галиции. В межвоенные годы важную роль в духовной жизни евреев играли раввины: Ашкинази (Сороки), Йешуа Раихер (Измаил), Цирельсон, Ямпольский, И. Эпельбойм (Кишинев) и др.

Одна из ярчайших фигур еврейской истории Молдовы – **Цирельсон Лейб-Иеуда** (1859, Козелец Черниговской губернии, Украина – 1941, Кишинев) – раввин, писатель, государственный деятель. Получив фундаментальное религиозное воспитание и образование, он в молодые годы становится раввином в городе Прилуки Подольской губернии. В 1909 году Цирельсон стал раввином Кишинева. С 1910 года – председатель комиссии раввинов. В своих публикациях раввин Цирельсон энергично протестует против кровавых наветов, распространенных в российской прессе, принимает активное участие в сионистских конгрессах в Западной Европе. В 1912 году организует в Кишиневе секцию «Агудас Исроэл». В годы первой мировой войны раввин Цирельсон оказывает большую помощь русским беженцам. В 1919 году организует еврейский лицей и школу «Моген Давид». С 1922 года представляет евреев Бессарабии в румынском парламенте. В 1926 году становится сенатором Румынии и на этом посту неустанно борется против антисемитской пропаганды. В 1935 году выступает за создание еврейского государства в Палестине. Благодаря ему бессарабские евреи в межвоенные годы пользуются кассой взаимопомощи, больницами, богадельнями, специальными женскими школами в Кишиневе, Бельцах, Маркулештах, Скулянах. В июне 1941 года раввин Цирельсон был убит сброшенной на город бомбой и похоронен в Кишиневе по всем религиозным канонам.

Колкер Нисл (1851, село Маркулешты Сорокского уезда – 1841, Сороки) – раввин, талмудист. Учился в хедере села Маркулешты, затем окончил литовскую ешиву в Вильне. В течение нескольких десятков лет был раввином в городе Сороки, где одновременно являлся и главой еврейской общины, уделяя особое внимание воспитанию молодежи и помощи беднякам, созданию больниц и богаделен. В 1941 году в возрасте 90 лет был взят заложником фашистами и расстрелян.

Маймон (Фишман) Иеуда-Лейб (1875, Маркулешты Сорокского уезда – 1962, Тель-Авив) – раввин, писатель и публицист. В 1913 году уезжает в Израиль. Там организует сеть религиозных школ. Его главный труд, посвященный знаменитым теологам иудаизма, состоит из 10 томов.

Шапиро Бенцион-Яков (1887, Балта, Украина – 1941, гетто, Транснистрия) – раввин. Учился в киевской гимназии, изучал теологию. Работал раввином в Кишиневе в 1916–1940 годах. Участвовал во всех начинаниях раввина Л. Цирельсона.

Штернберг Леви (Думбравены Сорокского уезда, дата рождения неизвестна – 1944) – раввин. Получил пост государственного раввина Думбравен от своего отца. Знаток Торы, сотрудничал с раввином Л. Цирельсоном. Пользовался большим авторитетом. Умер в 1944 году в тюрьме, куда был заключен коммунистическим режимом в 1940 году.

Эпельбойм Иосиф Шмерелевич (1893–1962, Гангешты) – раввин. Окончил теологическую школу. Работал в качестве личного секретаря государственного раввина Л. И. Цирельсона, преподавал основы иудаизма еврейским гимназистам из румынских гимназий и религиозные дисциплины в еврейских школах в 1930-х годах. В 1941–1945 годах находился в эвакуации, в 1947–1962 годах был раввином Кишиневской религиозной общины при синагоге. Немало неприятностей пришлось ему пережить из-за пристального внимания КГБ к синагоге. В 1928 году по его инициативе была создана газета религиозной направленности «Ди вох» («Неделя»). Он является также автором книги, ныне переизданной в США, – «Пниней а-дас» («Жемчужины религии»).

Хаим-Занвл Абрамович (1902–1995) – раввин. Работал в местечках Бессарабии, в 1941–1944 годах находился в Рыбницком гетто, остался жив и после войны с достоинством нес звание раввина, пользуясь уважением своих прихожан. В 1970-х годах переселился в Нью-Йорк, где и скончался в 1995 году.

Сравнительно недолго раввином был **Фельдман Леонид-Ариэль** (р. 1953, Кишинев) – известный не только как раввин, но и как публицист. Он окончил факультет математики и физики в педагогическом институте «Ион Крянэ». Преследовался как активист сионистского движения. Эмигрировал в США, где получил высшее религиозное образование. Посвященный в сан раввина в 1987 году, занимал

престижные посты в религиозных организациях США, России, Италии, Израиля, является председателем «Ами-Да», Института подготовки лидеров в среде русских евреев в Америке.

В настоящее время главой еврейской общины Кишинева является реб **Залман-Лейб Абельский**, посланник Любавичского Ребе.

י. יעקב־עזרא

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2005 ЭЛУЛ 5765 – 10 (162)
ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ОКТЯБРЯ

1 ОКТЯБРЯ

90 лет со дня рождения психолога, члена Американской академии искусств и наук, профессора Гарвардского и Оксфордского университетов, исследовавшего потребности и ценности как организующие факторы восприятия, автора работ в области проблем обучения Джерома Сеймура Брунера (Bruner; р. 1915, Нью-Йорк).

140 *עֵשְׂרִים תּוֹסֵף אֶלְפִי אֶלְפִי אֶלְפִי אֶלְפִי* композитора, члена Института Франции, профессора Парижской консерватории и «Эколь нормаль», автора симфонического скерцо «Ученик чародея», оперы «Ариана и Синяя Борода», хореографической поэмы «Пери» и др. *יְהוּדָה אֶרְבֵּא* (Dukas; 1865–1935, Париж).

170 лет со дня рождения врача, одного из основоположников отиатрии, профессора Венского университета, организатора первой кафедры и клиники болезней уха, предложившего ряд методов диагностики и лечения, в том числе микрохирургических, заболеваний уха, **Адама Полицера** (Politzer; 1835, Альбертирша, Венгрия – 1920, Вена).

150 лет со дня смерти (27 элула) общественного деятеля, основателя белзского направления хасидизма, автора труда «Довер Шолом» («Говорящий во благо») **рабби Шолома Рокеаха** (Сар Шолом [Князь мира], *שְׁלוֹם רוֹקַח*; 1779, Броды, Речь Посполита – 1855, Белз, Австро-Венгрия).

3 ОКТЯБРЯ

110 *עֵשְׂרִים תּוֹסֵף אֶלְפִי אֶלְפִי אֶלְפִי אֶלְפִי* археолога, члена Британской и Французской академий, автора работ в области археологии и культуры Ирана и Ближнего Востока *גִּירְשְׁמָן אֶלְפִי אֶלְפִי אֶלְפִי אֶלְפִי* (Ghirshman; 1895, Харьков – 1979, Будапешт).

10 ОКТЯБРЯ

80 лет со дня рождения поэта, эссеиста, автора поэтических сборников «Годы», «Времена», «Сплетения», «Письмо в Москву», «Время дано» и др. **Наума Моисеевича Коржавина** (наст. фамилия Мандель; р. 1925, Киев).

75 лет со дня рождения пловчихи, обладательницы золотой олимпийской медали 1952 года **Юдит Темеш** (Temes; р. 1930, Венгрия).

12 ОКТЯБРЯ

65 éäò ìí äíŷ ðíæääíéŷ биохимика, члена Национальной АН США, профессора Массачусетского технологического института, автора работ в области неорганической химии и нейробиологии **Стефена Липпарда** (Lippard; р. 1940, Питсбург, США).

13 ОКТЯБРЯ

45 éäò ìí äíŷ ðíæääíéŷ пресс-секретаря президента США **Ари Флейшера** (Fleischer; р. 1960, Паунд-Ридж, США).

125 éäò ìí äíŷ ðíæääíéŷ саблиста, обладателя золотой олимпийской медали 1912 года **Шенкер** (Schenker; 1880 – 1966).

14 ОКТЯБРЯ

60 *éàò ìí áíÿ ðíæááíéÿ* экономиста, члена Американской академии искусств и наук, профессора Принстонского университета, автора работ в области налоговой политики, монетарной политики и др. **Áéáí à Áééí ááðá** (Blinder; р. 1945, Нью-Йорк).

80 *éàò ìí áíÿ ðíæááíéÿ* антрополога, члена Национальной АН США, профессора Витватерсрандского университета, автора работ в области генетики и физической антропологии коренного населения Африки **Óéééíí à Óíááéáíí** (Tobias; р. 1925, Дурбан, Южно-Африканский Союз).

17 ОКТЯБРЯ

105 *éàò ìí áíÿ ðíæááíéÿ* биохимика, члена Национальной АН США, профессора Рокфеллеровского университета, автора работ в области свойств ядра клетки **Áéíóðááá Í éðíéíá** (Mirsky; 1900–1974, Нью-Йорк).

21 ОКТЯБРЯ

195 *éàò ìí áíÿ ìí áððé* (18 тишрея) общественного деятеля, одного из основоположников хасидизма, основателя brasлавского направления хасидизма, автора сказочных притч («Сипурей маасийос») рабби **Í áðí áí à éç Áðáíéááí** (נחמן מברסלב; 1772, Меджибож, Польша – 1810, Умань Киевской губ.).

23 ОКТЯБРЯ

100 *éàò ìí áíÿ ðíæááíéÿ* авиаконструктора, Героя Социалистического Труда, профессора Московского авиационного института, под руководством которого созданы высокоскоростные экспериментальные самолеты, лауреата двух Государственных премий СССР **Í àòóíí Ðúéèí íáð-à Áéíí íáðòá** (1905–1977, Москва).

100 *éàò ñ áíý ðíæááíéý* физика, члена Национальной АН США, профессора Станфордского университета, одного из основоположников квантовой теории твердого тела, автора работ в области физики твердого тела, магнетизма, квантовой электродинамики, сверхпроводимости, ядерной физики, разработавшего теорию энергетического спектра кристаллов, открывшего температурную зависимость намагниченности ферромагнетиков вблизи абсолютного нуля и (независимо от Э. Перселла) ядерный магнитный резонанс, лауреата (совм. с Перселлом) Нобелевской премии по физике 1952 года **Óáèèñ Áéíóà** (Bloch; 1905–1983, Цюрих).

110 *éàò ñ áíý ðíæááíéý* историка, члена АН ГДР, профессора МГУ, автора работ в области истории Германии XV–XVI вв., лауреата Государственной премии СССР **Ī íéñý Ī áíááááè-à Īí éðéíà** (1895, Диена Виленской губ. – 1975, Москва).

28 ОКТЯБРЯ

195 лет со дня смерти (25 тишрея) общественного деятеля, одного из основоположников хасидизма, автора труда «Кдушас Леви» («Святость Леви») рабби **Леви-Ицхока из Бердичева** (Дербаримдикер, **מברדיטשוב לוי יצחק**; 1740, Гусаков, Восточная Галиция – 1810, Бердичев).

29 ОКТЯБРЯ

95 *éàò ñ áíý ðíæááíéý* философа, члена Академии искусств и наук, Британской академии, профессора Лондонского и Оксфордского университетов, автора работ в области логического позитивизма **Áéòðááá Áæóéñ Áéááá** (Ayer; 1910–1989, Лондон).

80 *éàò ñ áíý ðíæááíéý* математика, члена Лондонского и Эдинбургского королевских обществ и Американской академии искусств и наук, профессора Лондонского университета, автора трудов в области теории чисел, лауреата премии Филдса **Ēéááñ Óðéáðéóá Īñòà** (Roth; p. 1925, Бреслау).

31 ОКТЯБРЯ

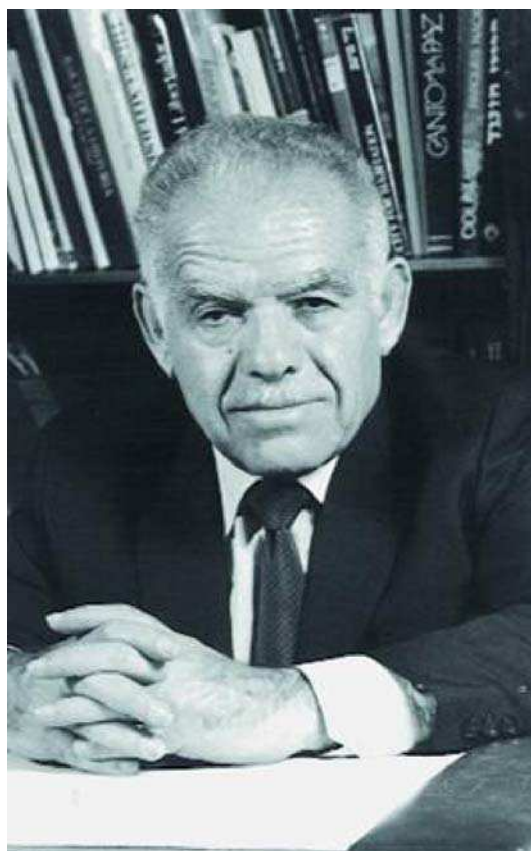
170-й день рождения химика, основателя крупной научной школы, члена Берлинской и Петербургской АН, Национальной АН США, Лондонского королевского общества, профессора Страсбургского и Мюнхенского университетов, автора работ в области синтеза красителей и алициклических соединений, стереохимии, проводившего работу по синтезу и установлению строения индиго, введшего понятие о цис-транс-изомерии, лауреата Нобелевской премии по физике 1905 года **Адольф Адольф** (Baeyer; 1835, Берлин – 1917, Штарнберг, Германия).

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2005 ЭЛУЛ 5765 – 10 (162)
ПАМЯТНАЯ ДАТА ОКТЯБРЯ

90 !!!

עֵוֹאֵהוּ עַיִן עֵבֶר עַיִן אִיֹּוּ, עֵיטוֹת דְּוִיִּי יֵאֵוֹנֵן אֲפֹרֹת עַיִן יֵעַ

Об этом человеке известно немного, да и то – всё больше официальные сведения. Отчасти потому, что он до сих пор предпочитает публично не обсуждать свою жизнь, отчасти сказываются годы, проведенные в подполье, и служба в военной разведке. Он был боевиком, за которым много лет безрезультатно охотились британские мандатные власти в Палестине, бизнесменом, министром иностранных дел и даже премьер-министром. Сейчас он – обычный израильский гражданин, один из многих тысяч людей, живущих воспоминаниями.

Ицхак Езерницкий родился в 1915 году в польском местечке Ружаны, окончил еврейскую школу в Белостоке и поступил на юридический факультет Варшавского университета, где начал свою политическую карьеру в рядах молодежного сионистского движения «Бейтар». В Варшаве он пробыл недолго: в 1935 году бросил учебу и уехал в Палестину. Его родители остались в Польше и погибли от рук нацистов во время оккупации страны немецкими войсками.

В Палестине молодой Езерницкий почти сразу же вступил в террористическую организацию «Иргун цваи леуми», боровшуюся против английского мандата, и сменил фамилию на Шамир, что в переводе с иврита означает «камень, которым обтесывают камни». Новое имя как нельзя более соответствовало его характеру: он был жестким и волевым человеком, знавшим только один способ доказать свою правоту – с оружием в руках. В 1940 году Шамир покинул «Иргун цваи леуми», чтобы присоединиться к другой экстремистской организации – ЛЕХИ, более известной как «отряд Штерна». После гибели в 1942 году руководителя ЛЕХИ Шамир возглавил это формирование, взяв себе псевдоним Михаэль.

Его дважды арестовывали – один раз ему удалось бежать из тюрьмы под видом раввина, во второй раз его отправили в лагерь в Эритрее (Эфиопия), откуда он бежал в соседнюю французскую колонию

Джибути, а затем во Францию, где попросил политического убежища. В Палестину Шамир вернулся лишь в 1948 году, когда было провозглашено еврейское государство, и снова стал одним из лидеров ЛЕХИ.

В том же году после убийства в Иерусалиме посредника ООН по Ближнему Востоку графа Фолке Бернадотта, организованного и осуществленного боевиками ЛЕХИ, деятельность этой организации была запрещена указом премьер-министра Израиля Давида Бен-Гуриона, и Шамир остался не у дел.

В 1955 году Михаэля призвали под знамена секретной службы Моссад. Через десять лет Шамир оставил службу в этом ведомстве, уйдя в отставку с поста заместителя главы Моссада.

Следующие пять лет бывший боевик и будущий премьер-министр провел в полной безвестности, занимаясь предпринимательством. Бизнес не шел, и Шамир подался в политику. Однажды он появился в штаб-квартире правой националистической партии «Херут», главой которой в то время был Менахем Бегин, бывший командир «Иргун цвай леуми» и соратник Шамира по подполью. В том же году Шамир был избран в исполнительный комитет партии, а через пять лет стал его председателем.

Членство в «Херут», входившей в блок правых партий «Ликуд», в 1973 году дало Шамиру возможность занять депутатское кресло в кнессете. Его избрали в состав комитета по вопросам обороны и иностранных дел.

В 1980 году после ухода в отставку Моше Даяна Шамир занял его место, став министром иностранных дел в кабинете Бегина. Пресса сразу окрестила Шамира «господином “нет”» за его программу трех «нет»: «нет» – возврату Израиля к границам 1967 года, «нет» – созданию независимого палестинского государства, «нет» – возвращению арабам Восточного Иерусалима.

Звездный час Ицхака Шамира наступил в октябре 1983 года, когда премьер-министр Бегин неожиданно ушел в отставку, оставив ему высший государственный пост. Его первое премьерство продолжалось двенадцать месяцев – в сентябре 1984 года Шамир проиграл выборы лидеру Партии труда Шимону Пересу и уступил ему пост премьер-министра. Правда, ненадолго. В том же году было создано правительство национального единства, которое попеременно должны были возглавлять Перес и Шамир, поэтому спустя два года он вернул себе свое кресло. Шамир продолжил объявленный Бегинем политический курс на сближение с США, способствовал прогрессу в отношениях между Израилем и СССР, занял бескомпромиссную позицию по отношению к арабским странам.

Следующие четыре года прошли в Израиле «под знаком Шамира». В 1990 году он привел к присяге 24е правительство, которое сам же и возглавил. Главными задачами своего кабинета Шамир провозгласил абсорбцию массовой репатриации евреев из СССР и других стран, а также достижение мира на Ближнем Востоке.

На выборах 1992 года Шамир уступил кресло премьера кандидату от Партии труда Ицхаку Рабину. Не последнюю роль в этом сыграли репатрианты из СССР, недовольные сложившейся ситуацией с рабочими местами и жильем на новообретенной родине. Но окончательно из политики Ицхак Шамир ушел лишь спустя четыре года.

יִשְׂרָאֵל אֵינָנוּ עוֹלָם

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ ОКТЯБРЯ

עִירָאן

Есть такой старинный еврейский анекдот. Генерал приветствует бойцов: «Здорово, орлы!» В ответ слышится дружное: «Здравия желаем, товарищ генерал!»

Два еврея тем временем смущенно молчат. Генерал: «А вы почему не здороваетесь, товарищи бойцы?»

Евреи: «А мы не орлы, товарищ генерал. Мы – Львы».

И в самом деле – среди евреев, удостоенных в войну звания Героя Советского Союза, двое носили фамилию Лев: Борис Давыдович и Рафаил Фроимович. Оба родились на Украине в рабочих семьях. Оба отличились при форсировании Днепра.

Борис Давыдович Лев служил в Красной Армии с 1933 года. В 1941-м окончил ускоренный курс Военной академии имени Фрунзе. Воевал с августа. Командир стрелкового полка, гвардии подполковник. Организовал форсирование Днепра в районе села Теремцы. Нанеся противнику значительный урон в живой силе и технике, его полк успешно выполнил задачу по захвату и расширению плацдарма. Звание Героя Советского Союза Борису Льву присвоили в октябре 1943 года. Он командовал стрелковой дивизией. До 1970 года генерал-майор Лев продолжал службу в армии. В 1952-м окончил полный курс Военной академии имени Фрунзе. Работал старшим преподавателем кафедры оперативного искусства этой академии. Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Кутузова II степени, Суворова III степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями. Умер в 1971 году в Москве.

Рафаил Фроимович Лев пошел на фронт в 1942 году. Окончил курсы младших лейтенантов. Командир роты 989-го стрелкового полка. Отличился при форсировании Днепра в районе села Толокунская Рудня. Во главе роты переправился на правый берег, атаковал немцев, захватил и удержал плацдарм, на который затем переправился весь батальон. Звание Героя Советского Союза присвоено ему 17 октября 1943 года. На следующий день он погиб в бою за хутор Дмитриевский. За месяц до гибели Рафаилу исполнилось 25 лет.

...Вот какие незаурядные люди носили эту необычную, но выразительную фамилию.

נ. י' אֶלְעָאן אֶלְעָאן

אִיִּסְטֹרִיָּה אֶלְעָאן אֶלְעָאן אֶלְעָאן

אֶלְעָאן אֶלְעָאן אֶלְעָאן אֶלְעָאן!

Пишу вам под впечатлением от материалов о челябинской еврейской общине в № 7 вашего журнала. В статье о челябинской синагоге упомянута история передачи ей Торы из областной библиотеки, и в этой истории мне хотелось бы расставить иные акценты.

Я библиограф Челябинской областной универсальной научной библиотеки, к религиозной общине алохически не принадлежу, но в культурной жизни светских еврейских организаций города участвую уже одиннадцать лет. С удовольствием готовлю лекции, обзоры и выставки различных изданий для этой любознательной аудитории. Наше сотрудничество началось в 1994 году по инициативе отдела литературы по искусству, где я работаю. Тогда в нашем фонде появилось несколько новых книг и журнальных статей о еврейском искусстве. Заведующая отделом М. А. Елистратова поручила мне найти еврейский культурный центр с целью организации совместной книжной выставки на эту тему. Я связалась с лидерами ЕКЦ Валерием и Инной Губницкими, и общими силами в библиотеке был проведен большой вечер «Еврейское искусство». Сотрудничество областной библиотеки в моем лице с еврейской светской

общественностью продолжилось проведением первых фестивалей еврейской книги, продолжается оно и сейчас.

Сегодня многое в общине изменилось: отреставрирована синагога, при ней открыта библиотека. Культурного центра в прежнем виде не существует, но работает благотворительный центр с культурными программами, действуют школы и клубы по интересам. Как библиограф в области искусства, я несколько раз в год выступаю в клубе «Эрец», благотворительном центре и еврейской библиотеке. Мне близка тема еврейской культуры, ее связей с русской культурой. Мне глубоко симпатичны люди, которых я вижу на этих встречах: и молодежь, и ветераны – умные, живущие отнюдь не только материальными интересами.

Конечно, меня обрадовал факт публикации в вашем журнале сразу нескольких статей челябинских авторов, но кое-что огорчило. Так, об истории передачи Торы в синагогу следовало бы рассказать совершенно по-другому. Человек культурный выразил бы благодарность библиотеке за хранение Торы и за беспрецедентный акт ее передачи. Не хочу повторять приведенные автором статьи слова председателя религиозной общины о покойном директоре нашей библиотеки. Но обязана сказать, что это была Женщина с большой буквы, волевая, энергичная, ответственная, поступавшая в полном соответствии с задачами библиотеки. В функции библиотеки не входит ни продажа, ни дарение книг из фонда, ее задача – хранить книги, популяризировать и предоставлять в пользование. Иконы Рублева находятся не в церкви, а в музее не потому, что директор «Третьяковки» «злой». Тора, созданная на западной территории России (а не в челябинской, заметьте, общине), бережно хранилась в фонде нашей научной библиотеки как образец искусства книги. Отказ на просьбу отдать раритет местной синагоге, потерявшей свои свитки, – нормальная реакция нормального руководителя библиотеки. И если наша «не старая еще» (ей было под семьдесят) директор скончалась, то еврейская религиозная община судить о причине этого не может. Директор областной библиотеки была весьма уважаемым человеком в городе. В числе почетных гостей она присутствовала на торжественном открытии синагоги после реставрации, поддерживала просветительскую работу нашего отдела, в том числе и для еврейской общины, и мне больно читать о ней пренебрежительный отзыв. Конечно, каждый человек вправе говорить глупости, но не каждая глупость заслуживает публикации. Меня удивляет, что редакция не скорректировала такой отзыв о покойном человеке. Горькая ирония судьбы состоит в том, что, спустя два года после кончины прежнего директора, журнал «Лехаим» по-прежнему прислан в библиотеку на ее имя.

È. Áùääëíää, ×ääýääííë